

С. 857
Б43

1989

ISSN 0321—0359

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І.Леніна

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Эканоміка
Права

1'91

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Медзянік У. І., Жайваронак А. Б.</i> Камсамол Беларусі ва ўмовах адміністрацыйна-каманднай сістэмы 30-х гадоў	3
<i>Сімакова В. А.</i> З мінулага музычнай культуры Беларусі і Расіі	6
<i>Петров К. А.</i> Ритуал і ритуалізіруючае мiровоспрыятне	8
<i>Прохоров А. А.</i> О некоторых символах царской власти у индоиранцев в свете гиппологического культа	11
<i>Евтухов И. О.</i> «Энхиридион» Аврелия Августина и раннесредневековая концепция человека	14
<i>Лісавы І. А., Равяка К. А.</i> Сацыяльна-эканамічныя аспекты эпохі элінізму ў польскай гістарыяграфіі (1945—1975)	17

ФІЛАСОФІЯ

<i>Рудаков В. П.</i> Диалектическое отрицание — сущность диалектического противоречия и противоположности	21
<i>Алпеева Т. М.</i> Социальное мифотворчество и общественные процессы	24
<i>Анохина В. В.</i> Культурные традиции в структуре экологического сознания	27
<i>Цыбульская Н. В.</i> Проблемы повышения эффективности управленческого об- щшения	31
<i>Мушинский Н. И.</i> Этика Аристотеля о проблеме рабства	34
<i>Зеленкова И. Л.</i> Традиции и инновации в истории этики (к постановке проблемы)	37
<i>Белякович Н. Н.</i> Социально-политические проблемы современной концеп- ции социализма	40
<i>Мядель А. П.</i> Некоторые проблемы развития студенческого самоуправления	43

ЭКАНОМІКА

<i>Клюня В. Л., Маркова Т. В.</i> Некоторые проблемы мирового продовольствен- ного рынка	47
<i>Тарасевич С. Б.</i> Заработная плата при социализме: гносеологические и теоре- тические аспекты	51
<i>Шестакович Э. В., Тростинская В. П.</i> Управление движением кадров на пред- приятии	54
<i>Муталимов М. Г., Фолезинский А. Г.</i> Совершенствование заработной платы в арендных коллективах	56

ПРАВА

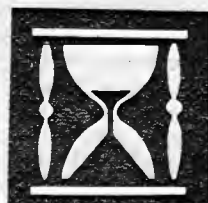
<i>Белова Т. А.</i> О понятии необходимых доказательств в гражданском процессе	60
<i>Хомич В. М.</i> Система правовой регламентации института уголовной ответст- венности	62
<i>Сатомля В. П.</i> Первая кодификация законодательства о браке и семье Бел- лорусской ССР	65
<i>Кот Т. А.</i> О соотношении справедливости и права в учениях древнегреческих мыслителей	67

ХРОНІКА

<i>Героименко В. А., Дубинин И. И.</i> Логика, методология и философия науки	72
--	----

РЭЦЭНЗІІ

<i>Городнюк В. Г. А. Г. Тиковенко.</i> Кадровая политика в условиях перестройки	75
<i>Игнатенко А. П., Теплова В. А., Сосно В. А. В. П. Панютч.</i> Социально-эко- номическое развитие белорусской деревни в 1861—1990 гг.	76
<i>Сакович М. В.</i> Социалистическая система хозяйства: Содержательно-логиче- ские схемы	76
<i>Ханкевіч В. І., Равяка К. А.</i> Античная история и культура в ЧССР; <i>І. А. Лі- совий.</i> Вивчення античності в Чехословацькій Соціалістичній Республіці	77
<i>Мартинович И. И. В. М. Семенов.</i> Правоохранительные органы в СССР	78
<i>Носов В. А.</i> Советское семейное право	79

У. І. МЕДЗЯНІК, А. Б. ЖАЙВАРОНАК

КАМСАМОЛ БЕЛАРУСІ ВА УМОВАХ АДМІНІСТРАЦЫЙНА-КАМАНДНАЙ СІСТЭМЫ 30-х ГАДОЎ

Паспяховы рух наперад савецкага грамадства па шляху перабудовы немагчымы без вывучэння сацыяльнага вопыту, назапашанага ў мінулым, без поўнага выкарыстання магчымасцей, якія закладзены ў новым грамадскім страі. Усё гэта мае непасрэднае дачыненне і да ленінскага камсамола. Вяртанне да мінулага, улік яго асноўных урокаў з'яўляецца жыццёва-неабходнай патрэбнасцю. Узнікае неабходнасць надаць канструктыўную накіраванасць працэсу нарошчвання новых ведаў па гісторыі ВЛКСМ наогул і гісторыі камсамола Беларусі ў прыватнасці, па рацыянальнаму выкарыстанню іх сэння.

Адна з важных праблем — выяўленне механізму грамадска-палітычнай дзейнасці камсамола Беларусі ў 30-я гады, калі ва ўзаемаадносінах партыі і камсамола аддавалася перавага камандна-адміністрацыйным метадам кіраўніцтва. Яны ўзмоцнена ўкараняліся тагачасным партыйным кіраўніцтвам. Адкрыта гаварылася пра гэта, напрыклад, у пастанове ЦК ВКП(б) ад 29 жніўня 1933 г. «Аб стане камсамола Беларусі і стане партыйнага кіраўніцтва», дзе партыйныя арганізацыі арыентаваліся на ўмяшанне ва ўнутраныя справы камсамола, на скарачэнне самадзейных пачаткаў у яго рабоце¹.

Аналагічную пастанову па камсамолу прадубліраваў ЦК КП(б)Б. Партыйныя органы рэспублікі, жадаючы здаць справаздачу ЦК ВКП(б) за перыяд 1932—1933 гг., тры разы прымалі пастановы па камсамолу Беларусі. У выніку выбарнасць камсамольскіх кіраўнікоў пераўтваралася ў іх прызначэнне, усё больш распаўсюджваліся камандныя метады кіраўніцтва, звужалася арганізацыйная самастойнасць. Сур'ёзны ўдар па камсамольскіх кадрах нанесла чыстка радоў партыі, якая праводзілася па рашэнню студзеньскага (1933) аб'яднанага Пленума ЦК і ЦКК ВКП(б). Партыйнае ядро ў камсамоле рэспублікі скарацілася амаль у два разы².

З кастрычніка 1933 г. па лістапад 1934 г. ЛКСМБ правёў чыстку сваіх членаў для вызвалення ад так званых выпадковых і класава-няўстойлівых элементаў. За гэты перыяд было выключана 5093 камсамольцы, у лік якіх трапілі прадстаўнікі «пасіўнай» моладзі — тыя, хто не меў пастаянных даручэнняў, не праёўляў ініцыятывы. Як паказваюць архіўныя дадзеныя, супраць гэтых юнакоў і дзяўчат выстаўляліся неабгрунтаваныя абвінавачванні ў найцяжэйшых злачынствах, ім у далейшым прыклеівалі ярлык «вораг народа».

Усё гэта, а таксама праведзены ў 1932—1933 гг. абмен камсамольскіх дакументаў і прынятае ЦК ВЛКСМ у 1933 г. рашэнне аб часовым спыненні прыёму ў ЛКСМ адбілася на росце радоў камсамола рэспублікі, колькасць якога скарацілася да канца 1935 г. амаль удвая ў параўнанні з 1932 г. Гэта адмоўна адбілася не толькі на ўзроўні камсамольскай работы, але і на якасным саставе маладзёжных арганізацый. У гэты час камсамол Беларусі страціў многа здольных і таленавітых важакоў.

Узнаўляючы ў 1934 г. прыём, ЦК ЛКСМБ абавязаў гаркомы і райкомы, партыйныя арганізацыі «залучаць у камсамол палітычна адукаваных, актыўных, адданных справе партыі маладых рабочых і сялян на аснове

строга індывідуальнага адбору. У 1936 г. у ЛКСМ было прынята 18 657 рабочых і 34 376 маладых калгаснікаў. Да красавіка 1938 г. у камсамольскіх арганізацыях рэспублікі было 94 885 камсамольцаў, у 1939 г. гэта лічба складала 199 788 чалавек, напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны камсамольская арганізацыя Беларусі ў сваіх радах налічвала 264 621 чалавек³.

Гэтыя лічбы даюць дакладнае ўяўленне аб павелічэнні радоў ЛКСМБ, але трэба ўлічваць, што ў гэтыя гады не толькі пададалі пад рэпрэсіі многія камсамольцы, але і аказваліся забытымі многія карысныя пачынанні моладзі, імкненне вызваліцца з-пад дробязнай апекі партыі, набыць сапраўдную самастойнасць.

Аб'ектыўныя і суб'ектыўныя цяжкасці будаўніцтва новага грамадства ў пераходны перыяд не дазволілі забяспечыць спрыяльныя ўмовы для развіцця ЛКСМБ як грамадска-палітычнай арганізацыі, звужвалі яго ўдзел у палітычнай дзейнасці.

Вялікую шкоду камсамолу нанёс сталінізм, які скаваў усё яго шматграннае жыццё. Моладзь была пазбаўлена магчымасці вывучаць працы К. Маркса, Ф. Энгельса, У. І. Леніна, зразумець ленінскую канцэпцыю сацыялізма і шляхі яе ажыццяўлення. Маладое пакаленне было вымушана ўспрымаць рэвалюцыйную навуку праз сталінскае тлумачэнне, творчае яе засваенне было падменена цытатніцтвам, успрыманнем дадзенага раз і назаўсёды. Крыніцай ілжывых догм і стэрэатыпаў у навуцы стаў «Кароткі курс гісторыі ВКП(б)», які ўвабраў галоўныя палажэнні ідэалогіі культа асобы. Палітычная культура маладых людзей была нізкая. Сталінскія канцэпцыі на доўгі час засталіся ў свядомасці моладзі. Засноўваючыся на догмах, выкладзеных у падручніку, выхоўвалася цэлае пакаленне камсамольцаў. Гэта нанесла сур'ёзную шкоду развіццю грамадска-палітычнай актыўнасці моладзі, стварала ўмовы для маніпуліравання яе свядомасцю.

У палітычным жыцці накіраванні, змест, формы і метады дзейнасці вызначаліся сталінскай лініяй у развіцці камсамола. Ажыццяўляючы палітыку партыі, камсамол на справе аказаўся правадніком сталінскай палітыкі, што істотна адбілася на характары яго дзейнасці.

Сталінізм нанёс непараўнальны ўрон фарміраванню асобы. У духоўных адносінах моладзь была абмежавана, ёй выкладалася скажоная гісторыя краіны, партыі, камсамола. У прапагандзе сацыялістычны ідэал асацыяраваўся з вобразам «важака народа», на фоне якога малады чалавек страчваў свае станоўчыя якасці, ператвараўся ў «вінцік». Камсамол арганізаваная ўсё больш ператвараўся ў саюз, які дзейнічаў па загаду зверху. Сфера яго жыцця абмяжоўвалася, спрасоўвалася ў формах работы, якія былі накіраваны толькі на правядзенне сталінскіх загадаў, якія не адказвалі патрэбам моладзі, што прывяло да страты ініцыятывы і самастойнасці камсамольцаў.

Праўда гісторыі патрабуе прызнаць, што камсамол выступаў актыўнай сілай у развіццях Сталіным кампаніі барацьбы з «ворагамі народа», упарта шукаў іх у сваіх радах, і ў канчатковым выніку сам станаўся ахвярай. У рэспубліцы разгортваліся буйнамаштабныя чысткі, у ходзе якіх тысячы членаў саюза выключаліся з арганізацыі, а пасля падвяргаліся ганенням, рэпрэсіраваліся. Урон, нанесены камсамолу ў гэтыя гады, быў вялікім. Парадокс быў у тым, што менавіта тады сфарміравалася пакаленне, якое вынесла на сваіх плячах асноўны цяжар ваенных выпрабаванняў і аднаўлення разбуранай вайной гаспадаркі.

Сёння ўжо зразумела, што ў гады культа асобы хваля рэпрэсіў закрывала камсамол не ў меншай ступені, чым партыю, другія грамадскія арганізацыі, армію, творчую інтэлігенцыю, рабочы клас і сялян. У 1935, 1939 гг. былі рэпрэсіраваны (а затым і знішчаны) практычна ўсе кіраўнікі камсамола розных гадоў: Яфім Цейтлін, Аскар Рыўкін, Лазар Шацкін, Пётр Смародзін, Мікалай Чаплін, Аляксандр Косараў (за выключэннем цудам уцалеўшага Аляксандра Мільчакова). З 93 членаў ЦК ВЛКСМ, абраных на X з'ездзе камсамола, было рэпрэсіравана 75, з 35 кандыдатаў у члены ЦК — 27, з 17 членаў Рэвізійнай камісіі — 15⁴.

Рэпрэсіравалася і кіраўніцтва камсамола Беларусі. З 14 першых сакратароў ЦК ЛКСМБ, якія працавалі да 1940 года, 10 рэпрэсіраваны, панеслі страты каля 60 працэнтаў сакратароў райкомаў і абкомаў камсамола⁵. Сярод іх А. В. Аўгустайціс, С. М. Елагін, Л. Б. Герцовіч, Г. К. Куксевіч, А. С. Барысевіч, Е. А. Кузняцоў, П. С. Міхалевіч, А. В. Бычкоўскі, І. Н. Хмель, В. Н. Грабер, Ю. В. Рагожкін і многія іншыя.

Спынімся на лёсе аднаго з вядомых кіраўнікоў камсамола рэспублікі 30-х гадоў Аляксандра Аўгустайціса. Ён нарадзіўся ў 1905 г. у вёсцы За-

зер'е Ігуменскага ўезду (сёння — Пухавіцкі раён) Мінскай вобласці. Бацька яго, Вікенцій Міхайлавіч Аўгустайціс, паходзіў з беднякоў, удзельнічаў у рэвалюцыйным руху ў Літве і вымушаны быў хавацца ў суседняй Беларусі ад арышту за «палітычную неблаганадзейнасць». У 1905 г. ён быў арыштаваны, выйшаў з астрогу з сухотамі і праз некалькі гадоў памёр.

Працоўную дзейнасць Аляксандр пачаў на шклозаводзе, дзе ён працаваў выдзімалшчыкам. Там жа стаў камсамольцам. Пазней скончыў партшколу, быў накіраваны на камсамольскую работу ў Пleshчаніцкі раён, дзе паказаў сябе ўмелым арганізатарам, важным моладзі, затым стаў сакратаром Мінскага акруговага камітэта камсамола, сакратаром і першым сакратаром ЦК ЛКСМ Беларусі. Многа сіл Аўгустайціс аддаваў ваенна-патрыятычнаму выхаванню моладзі — ён працаваў сакратаром ЦК ЛКСМБ па ваенных справах.

Ноччу 14 жніўня 1937 г. Аляксандр быў арыштаваны. І толькі праз два месяцы «загаварыў» і даў першыя «патрэбныя» і таму такія доўгачаканыя сведчанні: у «антысавецкую» арганізацыю «правых» у Беларусь «завербаваны» ў студзені 1936 г. першым сакратаром ЦК КПБ(б) Гікалам, ад яго атрымаў устаноўку «на правядзенне падрыўнай дзейнасці ў сферы палітыка-выхаваўчай, культурнай і абароннай работы»; меў заданні наладзіць вярбоўку новых членаў у арганізацыю з ліку кіруючых работнікаў камсамола рэспублікі, ствараць з іх баявыя групы для арганізацыі тэрарыстычных актаў супраць кіраўнікоў партыі і савецкага ўрада.

Па «справе Аўгустайціса» за «падрыўную дзейнасць» былі прыцягнуты Л. С. Кузняшоў (старшыня камітэта па справах фізкультуры і спорту пры СНК БССР), І. А. Галкоўскі (сакратар Слуцкага акружкама ЛКСМБ), М. Я. Брагінскі (сакратар Гомельскага АК ЛКСМБ) А. А. Бычкоўскі (сакратар Мазырскага акружкама ЛКСМБ), В. Я. Рагожкін (сакратар Віцебскага ГК ЛКСМБ). Аўгустайціс быццам бы асведаміў іх аб тэрарыстычных задумках беларускіх «правых». Толькі ў падрыхтоўцы саміх тэрарыстычных актаў прымаць удзел ім не ўдалося — перашкодзіў арышт.

Усе, хто праходзіў «па справе» Аўгустайціса, былі прыгавораны да вышэйшай меры пакарання — расстрэлу. Жывым застаўся толькі М. Я. Брагінскі, які быў арыштаваны пазней, 13 снежня 1937 г. Ён атрымаў 12 гадоў зняволення з наступным паражэннем у правах на 5 гадоў. Вярнуўся ў родныя мясціны толькі ў 1957 г.

13 чэрвеня 1956 г. Ваенная калегія Вярхоўнага Суда СССР адмяніла прыгавор па справе А. В. Аўгустайціса, з-за адсутнасці ў яго дзеяннях саставу злачыннасці справа была закрыта. 1 верасня 1956 г. было вынесена рашэнне бюро ЦК КПБ аб пасмяротнай партыйнай рэабілітацыі Аляксандра Вікенцэвіча.

Рэпрэсіі ў камсамоле працягваліся да пачатку 40-х гадоў. У 1939 г. у рэспубліцы быў праведзены абмен камсамольскіх дакументаў. У спецыяльнай пастанове ЦК ЛКСМБ указвалася, што асноўнай яго мэтай з'яўляецца ўпарадкаванне ўліку членаў ВЛКСМ, замацаванне саюзнай дысцыпліны. Знойдзеныя ў архіве дакументы абвяргаюць гэта сцвярджанне. Абмен быў наладжаны для масавага выключэння з камсамола ўсіх, хто адкрыта выступаў супраць беззаконнасці і насілля, крытыкаваў работу партыйных і камсамольскіх арганізацый. У час абмену членаў ВЛКСМ у БССР было выключана звыш 40 тыс. чалавек⁶. Гэта нанесла сур'ёзную шкоду камсамольскай рабоце, значна знізіла яе дзейнасць, накіраваную на непасрэдны ўдзел у рашэнні важнейшых пытанняў дзяржаўнага і гаспадарчага будаўніцтва.

¹ Гл.: Нашчадкам рэвалюцыі: Дакументы партыі аб камсамоле і моладзі. М., 1969. С. 260 і далей.

² ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 63, воп. 2, спр. 65, арк. 3—33.

³ ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 63, воп. 1, спр. 136, арк. 219, спр. 140, арк. 94; Саракавік І. А. і інш. Ленінскі камсамол Беларусі ў лічбах і фактах. Мн., 1980. С. 49.

⁴ Гл.: Камсамол: час абнаўлення // Політычнае образование. 1988. № 16. С. 63—64.

⁵ Гл.: Гісторыкі і гісторыя // Політычныя беседы. 1988. № 14. С. 26—27; ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 63, воп. 2, спр. 627, арк. 58—73; спр. 646, арк. 19—34.

⁶ ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 63, воп. 23, спр. 7, арк. 156—157; ЦА ВЛКСМ. Ф. 1, оп. 23, л. 5, 46—47.

З МІНУЛАГА МУЗЫЧНАЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСІ І РАСП

Гісторыя культуры беларускага народа канца XIX — пачатку XX ст. цесна звязана з гісторыяй рускай культуры, у тым ліку і музычнай. Беларуска-рускія музычныя сувязі гэтага перыяду, бяспрэчна, сведчаць аб глыбокім ўзаемаўплыве і ўзаемапрапранікненні музычных культур двух братніх народаў.

Так, яшчэ ў сярэдзіне XIX ст. беларуская народная песня прыцягвала да сябе ўвагу рускіх кампазітараў. Адным з першых да яе звярнуўся М. І. Глінка. У сімфоніі рэ-мінор ён выкарыстаў матывы народнага танца «Лявоніха». Да беларускай народнай мелодыі звяртаўся і М. П. Мусаргскі (сцена ў карчме ў оперы «Барыс Гадунюў»). М. А. Рымскі-Корсакаў у операх «Снягурачка», «Млада», «Майская ноч» выкарыстаў беларускія народныя мелодыі. Малады А. К. Глазуноў запісаў недалёка ад Гродна напеў беларускага танца «Мікіта» і вельмі ўдала ўвёў яго ў сваю Першую сімфонію¹.

Пад'ём рэвалюцыйнага руху ў Беларусі ў пачатку XX ст. стымуляваў рост нацыянальнай самасвядомасці і садзейнічаў узмацненню барацьбы за нацыянальную культуру, абуджэнню цікавасці да збірання і вывучэння музычнага нацыянальнага фальклору. Работа над народнай песняй мела асноватворнае значэнне як у знаёмстве рускіх кампазітараў з беларускай народнай музыкай, так і ў творчым развіцці першага пакалення беларускіх кампазітараў.

Значны ўклад у папулярызацыю беларускай народнай музыкі ўнеслі беларускія этнографы М. Я. Нікіфароўскі, Е. Р. Раманаў, М. Я. Янчук, А. К. Сержпудоўскі, І. А. Сербай. Вялікую дапамогу ў іх рабоце аказвалі дасягненні рускай навукі і яе ўстаноў — Акадэміі навук, Рускага геаграфічнага таварыства, Таварыства аматараў прыродазнаўства, антрапалогіі і этнаграфіі пры Маскоўскім універсітэце.

У 1876 г. у Вільні было створана Паўночна-Заходняе аддзяленне Рускага геаграфічнага таварыства, якое праіснавала 10 гадоў, і потым зноў было адкрыта ў 1910 г. Актыўная дзейнасць членаў гэтага таварыства абудзіла навуковую цікавасць да збору беларускага фальклору і выдання зборнікаў з запісамі народных беларускіх напеваў. Адным з першых такіх зборнікаў, які змяшчаў тэксты песень і напеваў, была трохтомная праца П. Шэйна «Матэрыялы па вывучэнню быта і мовы рускага насельніцтва Паўночна-Заходняга краю» (1887—1902). У ліку нотных запісаў гэтага выдання былі напевы, зробленыя М. А. Рымскім-Корсакавым з голасу П. В. Шэйна². Шырокую вядомасць атрымалі зборнікі М. А. Янчука «Беларускія песні Мінскай губерні», а таксама сёмы выпуск «Беларускага зборніка» Е. Р. Раманава (1910). Усе 53 запісы для гэтага зборніка зрабіў будучы першы прафесійны кампазітар М. М. Чуркін.

Ісготны ўклад у вывучэнне беларускага фальклору, у прапаганду і папулярызацыю беларускіх песень унесла Таварыства аматараў прыродазнаўства, антрапалогіі і этнаграфіі пры Маскоўскім універсітэце. У 1901 г. пры гэтым таварыстве была створана музычна-этнографічная камісія, якая стала сваёй мэтай «збіранне, вывучэнне народнай музыкі ў Расіі — як рускай, так і інароднай», прычым адным з галоўных пытанняў даследчыкаў камісіі было пытанне аб ўзаемаўплыве рускай музыкі і музыкі іншых народаў Расіі³. У састаў камісіі ўваходзілі вучоныя-фалькларысты А. М. Маркаў і М. А. Янчук, спецыялісты ў галіне музычнага фальклору Я. Э. Лінева, Н. Л. Маслаў і У. А. Пасхалаў, вядомыя кампазітары М. А. Рымскі-Корсакаў, С. І. Танееў, М. М. Іпалітаў-Іванаў, А. Т. Грачанінаў, В. С. Калінікаў і іншыя.

Працуючы ў музычна-этнографічнай камісіі, рускія кампазітары не аднойчы звярталіся да даследавання і апрацоўкі народных беларускіх мелодый. Напрыклад, «Вясеннія песні», запісаныя М. А. Янчуком і апрацаваныя С. І. Танеевым, беларускія народныя мелодыі ў апрацоўцы А. Т. Грачанінава, Н. Н. Кляноўскага, М. М. Іпалітава-Іванава. У сваіх ўспамінах А. Т. Грачанінаў пісаў: «Работая в Московской этнографической комиссии, я имел возможность узнать песни всех народов России, из которых особенно полюбил белорусские»⁴. Неабходна зазначыць, што і другія кампазітары праявілі творчую цікавасць да музыкі беларускага народа.

Адным з вядатных даследчыкаў і прапагандыстаў беларускай народнай

песні быў актыўны ўдзельнік музычна-этнаграфічнай камісіі М. А. Маслаў. Ён запісаў народныя мелодыі непадалёку ад Оршы і Горак. Асабліва цікавы запіс беларускай быліны пра Іллю Мурамца, зроблены ім у 1908 г. і апрацаваны М. М. Іпалітавым-Іванавым. Ён быў надрукаваны ў зборніку музычна-этнаграфічнай камісіі. У 1908 г. на адкрытым пасяджэнні таварыства Маслаў выступіў з дакладам на тэму: «Беларускія песні», дзе адзначыў прыродную музыкальнасць беларуса і «немалую роль, якую займае песня в яго жыцці»⁵. Доказам вялікай цікаўнасці рускіх кампазітараў і фалькларыстаў да беларускай народнай песні было і тое, што да 1913 г. камісіяй было сабрана больш за 700 народных мелодый⁶.

Музычна-этнаграфічная камісія займалася не толькі збіраннем і выданнем фальклору, але і правядзеннем традыцыйных этнаграфічных канцэртаў. Так, яшчэ ў 1893 г. у Маскве пад эгідай Таварыства аматараў прыродазнаўства, антрапалогіі і этнаграфіі рускім кампазітарам Н. Н. Кляноўскім быў арганізаваны этнаграфічны канцэрт, у якім хор і салісты выконвалі розныя народныя песні, у тым ліку і беларускія. У 1901 г. правядзенне этнаграфічных канцэртаў узяла на сябе музычна-этнаграфічная камісія. На гэтых канцэртах, якія да 1916 г. рэгулярна праходзілі ў Маскве, гучалі беларускія песні. Дзякуючы музычна-этнаграфічнаму хору аматараў, аркестру опернага тэатра і салістам оперы, дырыжору Н. Н. Кляноўскаму, хормайстру В. С. Калінікаву этнаграфічныя канцэрты, на якіх выконвалася беларуская народная песня, праходзілі з вялікім поспехам у розных гарадах Расіі і атрымалі шырокі водгук у музычнай грамадскасці.

У перадкастрычніцкі перыяд у музычнай культуры Расіі, таксама як і ў Беларусі, носьбітам ярка выражаных дэмакратычных тэндэнцый з'яўлялася харавое выканаўства. Прапаганду харавой класікі і народнай песні вялі лепшыя прыватныя харавыя калектывы. Сярод іх асабліва выдзяляўся змешаны хор дырыжора і кампазітара А. А. Архангельскага. Гэты мастацкі калектыў з вялікім поспехам выступаў у многіх гарадах Расіі і за мяжой. Галоўнае месца ў вялікім рэпертуары хора займалі славянскія народныя песні ў апрацоўцы як самога Архангельскага, так і другіх выдатных рускіх кампазітараў. Па аб'ёму рэпертуару і яго разнастайнасці хор не ведаў сабе роўных. У праграму яго канцэртаў уваходзілі творы А. Т. Грачанінава, В. С. Калінікава, А. С. Арэнскага, рускія, украінскія і беларускія народныя песні. Выступленні хора ў Беларусі, якія праходзілі ў Мінску, Віцебску, Магілёве, Полацку, няўменна прываблівалі вялікую колькасць публікі і карысталіся велізарным поспехам. Цікава, што на адным з іх канцэртаў у Віцебску хор выконваў творы мясцовага аўтара А. В. Анцэва «Мора і ўцёс» на словы Ф. І. Цютчава⁷.

Не менш яркай старонкай гісторыі творчых сувязей рускай і беларускай музычных культур стала дзейнасць другога вельмі вядомага прафесійнага хору пад кіраўніцтвам Д. А. Агрэнева-Славянскага. Беларускія песні ў выкананні гэтага хору ўпершыню загучалі з эстрады яшчэ ў 1869 г. У наступныя гады хор Агрэнева-Славянскага неаднаразова выступаў у Мінску, Магілёве, Віцебску, Полацку і другіх гарадах. І кожны раз у праграмах канцэртаў гучалі беларускія народныя песні. Выступленні хору заўсёды мелі вялікі поспех. «У нас многа іскрэнних гарачых поклонніков народнай песні і хоровога пения, умеючых ценить великий талант и заслуги Славянского», — пісалі «Витебские губернские ведомости»⁸. Разам з тым адна з аўтарытэтных газет папракала Д. А. Агрэнева-Славянскага ў тым, што яго канцэрты часта праходзяць у малавядомых музычных аўдыторыях, правінцыяльных гарадах і мястэчках. Дзмітрый Аляксандравіч на гэта адказаў: «Народное пение в моих концертах обязывало и обязывает меня петь не только в одних привилегированных помещениях, но и для той части публики, от которой я взял и у которой научился петь ее народные песни»⁹.

Беларускія народныя песні, якія выконваліся вядомымі харавымі калектывамі, пашыралі і паглыблялі ўяўленне шырокай рускай грамадскасці аб музычнай культуры беларускага народа. Харавыя спевы былі вельмі распаўсюджаны і ў вялікіх, і ў малых гарадах Беларусі. Паводле справаздачы Мінскага губернскага камітэта «Апякунства аб народнай цвярозасці» пастаянныя пеўчыя калектывы існавалі ў Навагрудку, Рэчыцы, Баранавічах, Капылі. Узорны хор працаваў і ў самім Мінску. У Віцебску рэгулярна выступаў аматарскі хор пад кіраўніцтвам М. М. Серабраніцкага, які быў гарачым прыхільнікам Д. А. Славянскага. Гэты калектыў аб'ядноўваў каля сотні чалавек з самых розных слаёў віцебскага грамадства¹⁰.

Аматарскія хары вялі актыўную музычную дзейнасць. У рэпертуар канцэртаў уваходзілі як народныя песні, так і класіка П. І. Чайкоўскага,

М. І. Глінкі, С. В. Рахманінава. Так, у Рэчыцы выступаў з канцэртамі мясцовы хор пад кіраўніцтвам рэжысера О. А. Старажукова. У праграму ўваходзілі рускія, украінскія, беларускія народныя песні, а таксама складаныя класічныя творы, якія патрабавалі добрай падрыхтоўкі. У Лунінцы мясцовы хор пад кіраўніцтвам настаўніка спеваў К. А. Чурко, акрамя народных песень, выконваў творы А. С. Даргамыжскага, М. П. Мусаргскага, М. А. Рымскага-Корсакава.

Развіццё харавога выканання ў Беларусі сведчыла аб агульных дэмакратычных тэндэнцыях у музычнай культуры рускага і беларускага народаў. Цікавае да народнага мастацтва павышалася і ў сувязі са з'яўленнем у канцы XIX ст. новай галіны канцэртнага выканання: ансамблевай ігры на народных інструментах. Ініцыятарам і прапагандыстам гэтага віду мастацтва быў Васіль Васільевіч Андрэеў. Гарачы аматар народнай музыкі, ён з дзяцінства праявіў вялікую цікавасць да рускіх народных інструментаў, асабліва да балалайкі, віртуозна валодаў ёй і стаў яе прапагандыстам спачатку ў правінцыі, а потым у Пецяярбурзе і Маскве. У 80-х гг. XIX ст. ён стварыў ансамбль балалаек, а затым дапоўніў яго домбрамі, гуслямі і іншымі інструментамі. Асновай рэпертуару яго канцэртаў былі апрацоўкі народных песень. Дзейнасць калектыву прыцягвала ўвагу многіх відных кампазітараў і музыкантаў. Для яго аркестра пісалі музыку М. А. Рымскі-Корсакаў, А. К. Глазуноў, С. І. Танееў.

Варта адзначыць, што ў распаўсюджанні ігры на народных інструментах В. В. Андрэеў бачыў сродак мастацкага выхавання рабочых і сялян¹¹. У час канцэртаў у Мінску, Гомелі, Віцебску, Полацку В. В. Андрэеў пераканаўся, што яго мастацтва па-сапраўднаму любіць народ. «Восторжэнно, с большым почитанием встречала минская публика выступления оркестра»¹². Прыклад андрэеўскага ансамбля выклікаў шматлікія перайманні. І, напэўна, вялікая папулярнасць віцебскага аркестра балалаечнікаў пад упраўленнем Э. Бяссмертнага, які выступаў у многіх гарадах і мястэчках Беларусі, была абумоўлена гэтым уплывам.

Такім чынам, беларуская і руская музычныя культуры, у тым ліку і песенная творчасць, развіваліся ў цесных сувязях, абагачаліся ўзаемнымі дасягненнямі.

¹ Гл.: Нісневіч С. Крыніца характа і натхнення // Польша. 1959. № 8. С. 173.

² История белорусской музыки. М., 1976. С. 26.

³ Гл.: Труды Музыкально-этнографической комиссии. М., 1906. Т. 1. Ч. 2. С. 61.

⁴ Гречанинов А. Т. Моя музыкальная жизнь. Париж, 1934. С. 27.

⁵ Нісневіч С. Указ. работа. С. 173.

⁶ Там жа. С. 180.

⁷ Гл.: ЦДГА БССР. Ф. 1416, воп. 6, спр. 854, арк. 471—472.

⁸ Там жа. Спр. 813, арк. 225.

⁹ Русская музыкальная газета. 1901. № 1—17. С. 47.

¹⁰ Там жа. 1902. № 32—33. С. 152; ЦДГА БССР. Ф. 1416, воп. 6, спр. 813, арк. 230.

¹¹ Гл.: Андреев В. В. Великорусский оркестр и его значение для народа. Пг., 1917. С. 3.

¹² Минский голос. 1912. 2 окт.

К. А. ПЕТРОВ

РИТУАЛ И РИТУАЛИЗИРУЮЩЕЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ

Ритуал — это система определенных упорядоченных действий, механических или когнитивных, модель этих действий. Исторически ритуал нес магическую, религиозную окраску, что связано с особенностями мышления древнего человека, но это вовсе не значит, что ритуал вообще — обязательно ритуал религиозный. Поскольку главное в ритуале, с этимологической точки зрения, упорядоченность, то любая относительно стабильная совокупность упорядоченных действий, в которую субъект вкладывает определенный смысл, может рассматриваться в качестве ритуала, а не в виде его отдаленных пережитков в настоящем, давно утративших связи со сферой ритуала, как считают некоторые исследователи¹.

Одной из предпосылок ритуала в человеческом мире является определенная существенная черта нашего мышления, которую можно также назвать определенным типом мышления. Поскольку ритуал возникает на ранних этапах истории и явно играет в это время чрезвычайно большую роль, то целесообразно вкратце рассмотреть, что представляет собой архаическое мышление.

Для него характерна, во-первых, большая слитность человека и природы. «Непосредственная и постоянная конфронтация с силами физического мира и биологического окружения... создает очень эмоциональное и в конечном счете глубоко личное отношение к этим силам»².

Во-вторых, глубокое духовное и эмоциональное слияние личности и социального сообщества. Эти две характеристики выражают то, что у Л. Леви-Брюля называется партиципацией, т. е. сопричастностью³. Третьей чертой данного типа мышления является эмоциональная чувствительность, напряженность общения, вызванная определенной неустойчивостью жизни. «Неопределенность вызывает высокий уровень возбудимости...»⁴. В-четвертых, для него характерна большая образность. По мнению немецкого психолога Ф. Кликса, она обусловлена высокой эмоциональностью, так как сильный аффект влияет на формирование памяти именно в плане повышения ее пластичности, образности⁵. Иными словами, перед нами сильно аффектированное мировосприятие.

Данное мировосприятие вряд ли можно локализовать только в одну историческую эпоху или одну стадию развития общества. О нем мы можем говорить и применительно к средневековью, и позднее⁶.

Характеризуя мышление, можно использовать различные «частичные» определения, выделяющие какую-то одну сторону явления, одно его измерение. Касаясь древности, упоминают о мифологическом или мифопоэтическом мышлении, возвращаясь к современности — об историческом и естественнонаучном⁷. По моему мнению, речь может идти о сосуществовании различных типов (измерений) мышления. Для одного из этих измерений я хочу предложить термин «ритуализирующее мировосприятие», подчеркивая тем самым двустороннюю связь между мыслящим субъектом и внешним миром.

Аффектированность вызывает ритуализацию. Что же вкладывается в это понятие? Я понимаю под «ритуализацией» активную деятельность сознания по духовному, идеальному упорядочению мира и тем самым овладению им, которая может базироваться на реальных его взаимосвязях, что, однако, не является обязательным. «Ритуализацию» я рассматриваю как внутренне присущую человеческому мышлению характеристику. Она представляется отражением психологической потребности в упорядочении, ориентации с целью снятия напряженности.

Общеизвестно отличие труда человека от деятельности пчелы по постройке сот. Мышление возникает в структуре труда как система подготовки дальнейших целенаправленных действий. Оно представляет собой высшую форму не только психической деятельности, но и всей психической жизни. Само же психическое отражение «возникает, развивается в структуре поведения, выполняя ориентирующую функцию...»⁸

Мы знаем две основные формы живого: растения и животные. Главное отличие между ними заключается в большей активности организма животных по отношению к внешнему миру, что выражается в поиске необходимых для существования условий и избегании условий неблагоприятных. Когда необходимое не находится в непосредственной близости, нужно предпринять целую серию действий, чтобы получить желаемое. Для вычленения этих действий организму необходимо реагировать не только на те воздействия, которые прямо соотносятся с обменом веществ, но и на те, которые лишь предупреждают об их появлении, т. е. необходимо ориентироваться в среде. «Появление у организмов способности ориентироваться по отношению к биологически нейтральным воздействиям и есть первоначальная форма психической жизни»⁹.

Ориентировочный рефлекс не только первоначальная, но и весьма значимая форма психической жизни. Ему принадлежит большая роль в приобретении индивидуального опыта. Психологи склоняются к мысли о зависимости между индивидуальными особенностями ориентировочного рефлекса как врожденной реакции и способностями человека, как общими, так и специальными¹⁰.

Даже мы, живущие в современном упорядоченном, в значительной степени регламентированном мире, порой оказываемся в ситуациях, когда подавленные обилием и разнохарактерностью окружающих предметов и явлений мучительно ищем точку опоры, чтобы иметь возможность жить. Жить — значит действовать. Но как действовать, если находишься в каком-то неустойчивом положении, не имея под ногами твердой почвы? В болоте можно утонуть. А каково было первобытному человеку, которому угрожали на-

воднения и пожары, причину которых он не знал, хищные животные и ядовитые растения, которые могли лишить его жизни. Пестрота, разнообразие мира, его неожиданные воздействия на человека вызывают напряжение, являются своего рода испытанием на прочность. Даже в современных сейсмоустойчивых строениях порой небезопасно, что же говорить о далекой заре человечества? Чтобы выжить, необходимо действовать, чтобы действовать — нужна информация. Информация добывается посредством действия. Замкнутый круг?

Информация — это определенная упорядоченность сигналов. Чтобы добыть ее, надо выявить связи между кажущимися хаотичными элементами мира. Не всегда связь явлений и предметов лежит на поверхности. Мыслящий субъект должен проявить активность для того, чтобы выявить эту связь. Если за точку отсчета взять не окружающий мир, а самого субъекта, то психологически операция по выявлению связей представляется как их установление, т. е., с точки зрения индивида, происходит упорядочение хаоса, ритуализация. Но если невозможно установить реальные связи? Необходимо действовать, а информации не хватает. Тогда устанавливаются воображаемые связи, которые дают возможность действовать и тем снижают психологическую напряженность. Возможность действия приводит к реальному действию, а оно дает информацию, благодаря которой дальнейшие действия строятся уже на реальных закономерностях и поэтому приводят к позитивным результатам. Круг разорван.

Человек сориентировался, превратил хаос в космос, пусть даже и в воображении. О том, насколько это было важно, свидетельствует наличие как на Востоке, так и на Западе огромного числа мифов и отражающих их ритуалов, в которых настойчиво звучит тема упорядочения хаоса. Упорядочение мира — это овладение им.

Действие ритуализирующего мировосприятия можно обнаружить и в культе царя, существовавшем во многих древних обществах. Обоожествление правителя в восточных деспотиях вполне понятно с точки зрения идеологического обоснования власти, чему способствовали и более древние представления о мистической силе вождя. Но в одних странах культ царя развит более, в других менее, причем второе наблюдается там, где удалось достигнуть больших успехов в систематизации общегосударственного пантеона. Мне кажется, что степень выраженности культа царя определяется, помимо всего прочего, его компенсирующей психологической функцией.

Простой древнеегипетский землепашец даже не задумывается, что на другом конце великой страны представляют себе взаимоотношения богов как-то иначе, но для писца, мыслящего в иных масштабах, это небезразлично. Противоречия вызывают напряженность, которая снимается в акте частичной систематизации за счет повышения роли культа царя-бога, психологически принимаемого в рамках всего данного государства.

Ритуализирующий характер нашего мировосприятия проявляется и в быту. У представителей франкской династии Каролингов от Пиппина Геристальского до сыновей Карла Великого, например, чередуются вполне определенные имена: Пиппин, Карл, Карломан. А сколько Александров и Николаев среди российских императоров и великих князей в XIX—XX вв.! И в наши дни нередко ребенка называют не просто понравившемся именем, а в честь отца, деда, дяди и вообще близкого человека. Таким путем подчеркивается, устанавливается связь, единство рода, группы единомышленников, т. е. вокруг себя индивид образует упорядоченное духовное пространство, в котором и находит опору в случае разного рода катаклизмов.

Но все ли люди нуждаются в подобной опоре? Иначе говоря, как быть с психологическим типом авантюриста, для которого, казалось бы, неприемлемо понятие ритуализация? Это люди, обостренно воспринимающие давление обыденности, стремящиеся вырваться из рутины, не терпящие ничего раз и навсегда данного, стремящиеся ко все новым и новым, подчас рискованным приключениям. Несмотря на то, что поведенческий стереотип основывается на постоянном отказе от регулярности, упорядоченности, однако он представляет собой упорядоченность и регулярность, является вполне определенной и сознательно избираемой моделью поведения и в этом смысле также продуктом ритуализирующего мировосприятия. Надо признать, что в этом случае ритуализация протекает своеобразно, поскольку человек находит опору для своего поведения в принципе отказа от всякой опоры, кроме своих собственных сил, которые рассматриваются как данность.

Ритуал — сложное, многоаспектное явление. Для осмысления его, безусловно, нужны коллективные усилия. В данной статье намечены лишь некоторые черты психологического подхода, который ничуть не претендует на универсальность.

¹ См.: Топоров В. Н. О ритуале: Введение в проблематику // Арханский ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 31.

² Кликс Ф. Пробуждающееся мышление / Пер. с нем. М., 1983. С. 152.

³ См.: Хрестоматия по общей психологии: Психология мышления. М., 1981. С. 138.

⁴ Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. С. 152.

⁵ См.: Там же. С. 153—154.

⁶ См.: Хейзинга Й. Осень средневековья / Пер. с голл. М., 1988; Эскола А. Личность и исторические изменения // Проблемы психологии личности. М., 1982. С. 38 и далее.

⁷ См.: Топоров В. Н. О ритуале. С. 9.

⁸ Тихомиров О. К. Психология мышления. М., 1984. С. 213.

⁹ Там же. С. 212.

¹⁰ См.: Голубеева Э. А. Ориентировочный рефлекс в структуре природных предпосылок общих способностей // Проблемы психологии личности. М., 1982. С. 213 и далее.

А. А. ПРОХОРОВ

О НЕКОТОРЫХ СИМВОЛАХ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ У ИНДОИРАНЦЕВ В СВЕТЕ ГИППОЛОГИЧЕСКОГО КУЛЬТА

Важность использования коня и колесницы в военном деле обусловила их значительное место в институте царской власти у индоевропейских племен. Связь культа коня и власти вождя, ее божественное обоснование фиксируется археологами уже с середины IV тыс. до н. э. Именно этим временем датируется найденный в погребении вождя в степях Южной Украины ритуальный жезл в виде головы коня¹. В III тыс. до н. э. в связи с миграцией индоиранских племен подобные изображения распространились далеко на восток и в предгорья Кавказа².

Отождествление царской власти с владельцем жезла подтверждает миф о появлении на свет Ормизда (Ахура-Мазды). Зерван, зная, что его сын будет управлять миром, «жезл, который держал в своей руке и которым приносил жертвы, вручил Ормизду»³. О форме жезла ничего не говорится, но важно уже то, что он символизирует власть Ормизда, воплощение которого — белый конь.

В степной полосе жезлы в виде конской головы просуществовали до VIII—VII вв. до н. э. у скифов. Здесь они стали принадлежностью военачальников. Сильнее проявилась их связь с солярными культами⁴. Вместе со скифами жезлы проникли в Иран.

К какому этапу развития мифологической мысли можно отнести появление этих зооморфных жезлов в IV тыс. до н. э.? Легче всего, казалось бы, отнести их к периоду тотемизма. Но к этому времени тотемизм как целостная система религиозных взглядов уже не существовал. Все же влияние его на восприятие смысла жезла представляется несомненным.

Жезл изображает первопредка-родоначальника племени, который ранее мыслился как священное животное, прародитель, а теперь как человек-родоначальник, ипостасью которого является конь. В различных индоевропейских мифологиях мы можем выделить группу подобных образов.

Если мы здесь говорим о целой группе образов, составляющих этот тип, то не следует думать, что каждый образ, засвидетельствованный в какой-либо индоевропейской мифологической системе, имеет все черты типа. «Каждый миф, едва родившись, модифицируется рассказчиком — внутри родовой группы или при передаче от народа к народу. Одни элементы в нем исчезают, другие появляются, эпизоды меняются местами, а искривившаяся структура проходит через целый ряд состояний, последовательных изменений, которые сохраняют тем не менее свойства целой группы»⁵. Поэтому когда мы говорим об образах определенного типа, это значит, что образ обладает большим числом признаков данного типа или это большинство восстанавливается для него. Ключевыми образами этого типа являются среднеазиатский Сиявуш, ведийский Яма, авестийский Йима. Прежде всего надо выяснить их происхождение. Отцом Йимы является Вивахвант, воплощение Солнца, точно так же, как отец Ямы — Вивасват, ставший впоследствии

Солнцем-Сурьей. Об отце Сиявуша мы ничего не знаем из мифа, но уже С. П. Толстов назвал «истинным отцом Сиявуша» Солнце⁶. Итак, солярная природа образов не вызывает сомнений.

Точно так же не вызывает сомнений и связь их с конскими культами. Гимн «Ригведы» (I, 163), посвященный коню, представляет его одновременно и как создание Ямы и как его ипостась. Сиявуш всегда появляется на черном коне, причем эта связь постоянно подчеркивается. Ранняя форма его имени — Сиваршан «черный жеребец»⁷ — показывает, что это не случайно: Сиявуш ранее представлялся в виде коня, а не всадника.

Труднее выявить связь мифологических образов с водными культами. Ярче всего она проявляется в среднеазиатской мифологии. Сиявуш в первую очередь является божеством умирающей и воскресающей природы, что связывает его с оплодотворяющей землю водой. Одна из самых распространенных легенд в Средней Азии — легенда об аспи-оби, «водяном коне», который ночью выходит из озер и источников и оплодотворяет земных кобылиц, приносящих от этого особенно сильных и быстрых коней. Такая легенда сохранилась и в Пянджикенте, где обнаружен крупный храмовый комплекс, один из храмов которого, по предположению М. М. Дьяконова, был связан, по крайней мере частично, с культом Сиявуша⁸.

В образах Ямы-Йимы не прослеживается прямой связи с водой, кроме одного момента, когда они выступают основателями мореплавания. В мифологических биографиях этих образов период их царствования уподобляется «золотому веку», опорой которого были мудрость и справедливость царей⁹. Все три образа вначале не причисляются к бессмертным богам. В структуру мифа включается момент их насильственной гибели. Обстоятельства гибели различны: для Ямы они вообще не объясняются; Йима гибнет от руки или своего брата Спитьюры, или дракона Ажи-Дахаки; Сиявуш гибнет, оклеветанный своей мачехой Судабэ, которая пыталась соблазнить его.

Будучи первоначально смертными, и Яма-Йима и Сиявуш стали после смерти править миром мертвых, т. е. вошли в состав богов, но, видимо, не получили «статуса» бога. Яма упоминается в списках богов, но нигде не назван богом, а лишь «правителем мертвых», хотя после его смерти боги признают, что «он стал таким, как мы» (Тайтирия-самхита «Яджурведы»).

Есть основания связать культ Сиявуша с миром мертвых. Так, на крышке одного из среднеазиатских оссуариев изображена мужская фигура с конскими ушами. Этот мотив сопоставляется с коронами хорезмийских Афригидов, также украшенных лошадиными ушами. Но захоронение не относится к царствовавшему дому, а частые изображения коня на крышках оссуариев позволяют сделать вывод, что здесь изображен Сиявуш¹⁰. Подобные изображения скорее всего могли посвящаться владыке загробного мира.

Представления о Яме-Йиме полностью соответствуют понятию «первопредок — родоначальник людей». Сложнее дело обстоит с Сиявушем, так как его образ дошел до нас сильно видоизмененным. По крайней мере, мы с полным основанием можем говорить, что он считался родоначальником царских родов хорезмийских Сиявушидов и парфянских Аршакидов, а ранее — правителей Хорезма, Бухары, Кабудана, Ташкента, Маймурга, Кушании, Кеша, Варданы, а также основателем ряда среднеазиатских городов¹¹. Роль основателя городов выполнял и Йима. Поклонение Сиявушу как духу-предку проявляется довольно четко. Имя одного из хорезмийских царей Шаушафара переводится дословно как «обладающий счастьем Сиявуша»¹², а точнее, его хварном. Связь Сиявуша с духами предков зафиксирована даже «Авестой», откуда Сиявуш почти полностью вытеснен другими богами и героями и упоминается лишь четыре раза. «Мы поклоняемся духу (фраваши) святого царя Сияваршаны» (ЯШТ, XIII, 132).

Теперь можно несколько расширить ареал бытования подобных образов и найти родственные им в других индоиранских мифологических традициях. Д. С. Раевский дал обоснование тождества образов скифского Посейдона-Тагимасада и Йимы¹³. Это особенно важно, так как именно здесь продолжали бытовать жезлы с головой коня.

Чтобы расширить ареал этих образов, следует обратить внимание на еще один момент. Дословное значение имен Ямы-Йимы указывает на их близнечную сущность¹⁴. Это позволяет рассматривать и образы близнечной мифологии в контексте изучения сакрального почитания предка-родоначальника у индоевропейских племен.

Для засвидетельствования непосредственной связи культа коней-близнецов с обожествлением царской власти рассмотрим кулах сакского вождя из кургана Иссык I тыс. до н. э. Блестящую расшифровку значения этого ку-

лаха в институте власти вождя дал А. К. Акишев в статье «Идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык)». Как доказал исследователь, «вождь, носивший иссыкский кулах-космограмму, по принципу макрокосмического континуума и магического переноса был образом солнечного бога-медиатора. Его сакральный кулах означал локализацию царя в сакральном центре мира-страны-племени, который охраняли солнечные боги»¹⁵. В полном своем облачении этот вождь представлял собой первопредка Йиму. Как бог-медиатор вождь должен был выполнять определенные жреческие обязанности, которые А. К. Акишев сравнивает с камланиями сибирских шаманов. Какое изображение может подтвердить обожествление вождя и его власти, а также сакральную связь его с другими мирами? Это изображение Мирового дерева, которое является опорой Солнца и у подножия которого расположились кони-близнецы. Именно по стволу Мирового дерева многие сибирские шаманы «совершали» свои путешествия к богам и духам.

Иссыкский кулах помогает в полной мере понять сакральную символику царских тронов, характерных для Средней Азии в I тыс. до н. э. Композиция полностью повторяется: сам трон выполнен в виде двух коней или других животных, повернутых головами в разные стороны, а сверху всегда находился символ Солнца, часто в виде короны или хварна, как и на кулахе. Нет лишь одной части композиции — Мирового дерева, место которого занимает сидящий на троне царь. Этим он локализуется в центре мира и обращается внимание на сакральный характер его власти. С этим полностью согласуется исследование института царской власти в этом регионе: «Власть царя имела заметный сакральный оттенок. И вряд ли мы ошибемся, если в применении к городам Средней Азии будем говорить о царях-жрецах. В официальных обращениях царь, как правило, именуется «богом»¹⁶. Еще более в этом убеждает тот факт, что место царя в подобных композициях с двумя конями занимает настоящее божество.

Известно несколько изображений тронов, в основании которых находят кони. Кони поддерживают трон в пяджикентских росписях, на росписях Духтари-Нуширван близ Бамиана. Похожее изображение есть на блюде, хранящемся в Национальной библиотеке в Париже¹⁷. Если голова антропоморфного изображения из Духтари-Нуширван показана на фоне восходящего Солнца, то тут на голове корона, изображающая месяц и солнце. Китайские хроники упоминают трон правителя Цао (Кабул) в виде золотого коня¹⁸. Относительно полные сводки тронов даны в работах А. М. Беленицкого и Б. А. Литвинского¹⁹.

Есть несколько объяснений значения изображения животных в подножиях тронов. И. Орбели, сопоставив эти троны с изображениями хеттских богов, стоящих на разных животных, высказал предположение о тотемическом происхождении образов²⁰. Если эту гипотезу можно принять в целом относительно глубоких корней образа, то несомненно, что к I тысячелетию у иранских племен тотемический смысл не вкладывался ни в одно божество.

В. А. Шишкин объяснял значение животных как инкарнацию Веретрагны, бога войны у иранцев²¹. Действительно, в «Авесте» Веретрагна принимает вид почти всех упомянутых животных (Яшт, XIV). Верно в этом отношении замечание Б. А. Литвинского: «семантическая «емкость» этих божеств различна: она относительно шире у фарна с его как боевыми, так и мирными функциями, и более узкая у Веретрагны, наделенного лишь боевыми функциями». Эту смысловую пустоту он пытается заполнить образом хварна царя. Но против этого существуют серьезные возражения. Хварн всегда изображался в виде барана, что признает и сам Б. А. Литвинский²². Хварн всегда располагали на вершине любой композиции: то ли на иссыкском кулахе, то ли в виде шлема или короны на голове царя. Кроме того, хварн у царя был в единственном числе, в чем и была его значимость, и тогда непонятно изображение именно двух животных. Поэтому утверждение, что на троне было изображение хварна, можно считать необоснованным.

Скорее всего животные олицетворяли как образ бога войны Веретрагны, так и близнечную конскую пару, общую для всех индоевропейских мифологических традиций. К этому выводу приводит рассмотрение функций царя. Он должен был не только гарантировать военную удачу, где его патроном был Веретрагна. Царь считался жрецом, который обеспечивает плодородие страны, поэтому и животные у подножия трона должны были соответствовать и этому требованию.

Размеры статьи не позволяют охватить всей глубины проблемы. Несмотря на это, нам, кажется, удалось провести мысль, что культ родоначальника племени в образе коня прошел у индоевропейцев развитие от периода разложения первобытнообщинных отношений до периода создания раннеклассовых обществ.

Наиболее ярко образ прослеживается у индоиранских племен. Это образы генетически сходных Ямы-Йимы, Тагимасада и Сиявуша. Происхождение же этого образа связано и с особенностями жизни племен степной Украины в III тыс. до н. э.

¹ См.: Даниленко В. Н., Шмалгий М. М. Про один поворотний момент в історії неолітичного населення Південної Європи // Археологія. Київ, 1972. № 6.

² См.: Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1960. № 88. С. 24. Рис. 21; Попов С. 21; Смирнов К. Ф. Каменный молот-навершие из Оренбуржья // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

³ Цит. по кн.: Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 290.

⁴ См.: Ильинская В. А. Культурные железы скифского и предскифского времени // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1965. № 130; Членова М. Л. Памятники I тыс. до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности // Искусство и археология Ирана: Всесоюз. конференция. (1969 г.). М., 1971.

⁵ Леви-Стросс К. Миф, ритуал и генетика // Природа. 1978. № 1. С. 90.

⁶ См.: Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 85; Он же. Древний Хорезм. С. 223.

⁷ См.: Дьяконов М. М. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии // Краткие сообщения ин-та истории материальной культуры АН СССР. М., 1951. Т. 10. С. 42.

⁸ См.: Беленицкий А. М. Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании // Советская этнография. 1948. № 4. Дьяконов М. М. Образ Сиявуша... С. 42, 44.

⁹ См.: Фирдоуси. Шах-Намэ. М., 1972. С. 300, 303.

¹⁰ См.: Рапопорт С. А. Хорезмийские асоданы // Советская этнография. 1962. № 4. С. 76—77.

¹¹ См.: Толстов С. П. Древний Хорезм. С. 319.

¹² Литвинский Б. А. Кангюско-сарматский Фарн. Душанбе, 1968. С. 80—81.

¹³ См.: Раевский Д. С. Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства // Искусство и археология Ирана. Всесоюз. конференция. (1969 г.). М., 1971.

¹⁴ См.: Иванов В. В. Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках // Балто-славянский сборник. М., 1972.

¹⁵ Акишев А. К. Идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык) // Краткие сообщения ин-та археологии АН СССР. М., 1978. Вып. 154. С. 45—46.

¹⁶ См.: Толстов С. П. Древний Хорезм. С. 270.

¹⁷ См.: Лелеков Л. А. О некоторых иранских элементах в искусстве Древней Руси // Искусство и археология Ирана: Всесоюз. конференция. (1969 г.). М., 1971. Табл. XXIV (вверху); Беленицкий А. М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // Краткие сообщения ин-та археологии АН СССР. М., 1978. Вып. 154. Табл. 1. Рис. 1; Рапопорт Ю. А. Из истории религии Древнего Хорезма. М., 1971. Рис. 57, 2.

¹⁸ См.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. Т. 2. С. 278.

¹⁹ См.: Беленицкий А. М. Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии // Изв. отделения обществ. наук АН Тадж. ССР. Душанбе, 1962. Вып. 1(28); Литвинский Б. А. Кангюско-сарматский Фарн. С. 83—85.

²⁰ См. Ogbeli J. Sasanian and early Islamic Metalwork // Survey of Persian Art. 1957. V. 1. P. 719.

²¹ См.: Шишкин В. А. Варахша. М., 1963. С. 203.

²² См.: Литвинский Б. А. Кангюско-сарматский Фарн. С. 86, 90.

И. О. ЕВТУХОВ

«ЭНХИРИДИОН» АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

Первые десятилетия V в. в римской Африке ознаменовались мощным подъемом социально-экономической и политической борьбы. После эдикта императора Гонория о веротерпимости (409 г.) активизировались сторонники донатизма, связанного с сепаратистскими настроениями части североафриканской знати, не прекращались вооруженные выступления циркумцеллионов, вставших на защиту интересов беднейшего сельского населения

провинции, не сложили своего оружия и приверженцы Пелагия¹. Все эти события в той или иной степени связаны с именем Аврелия Августина, оперативно откликнувшегося на малейшие изменения ситуации многочисленными полемическими произведениями «в соответствии со своим темпераментом и образованностью», отмечает шведский ученый Х. Хагендаль². Среди сочинений, вышедших в этот период из-под пера Августина, несколько особняком стоит небольшая книга «Энхиридион», написанная в 421 г. по заказу римского сотника Лаврентия и выдержанная в достаточно спокойном, рассудительном тоне³.

Большинство исследователей памятника выделяют в нем исключительно догматическое содержание, по-разному интерпретируя его. Для одних «Энхиридион» — это «древнейший образец православно-христианского богословия», для других — сочетание старых и новых догматов⁴.

Несмотря на это, «Энхиридион» содержит достаточно информации для анализа определенного этапа становления антропологической системы Аврелия Августина.

Августин неоднократно повторял, что он стремится «быть одним из тех, кто пишет, когда развивается, и развивается, когда пишет» (Ер. 143, 2; ср. Ер. 193, 13; Ер. 202 А, 15). Такое положение неизбежно сказывалось и на специфике его весьма динамичных философских взглядов. В разные периоды жизни Августин высказывал расходящиеся или взаимоисключающие суждения по одной и той же проблеме, поэтому принципиальное значение приобретает выделение этапов формирования его антропологической системы и установление генетической связи между ними. В этом отношении «Энхиридион» особенно важен, ибо позволяет перекинуть мостик между ранними произведениями периода Кассициака и Тагаста (386—391), с одной стороны, и антипелагианскими памфлетами 20-х гг. V в. — с другой.

«Энхиридион» был задуман Аврелием Августином как своеобразный путеводитель по лабиринтам человеческой жизни, как книга, которую человек «мог бы всегда носить с собою, содержащая основные требования, т. е. чему прежде всего должно следовать и чего... нужно избегать» (Епч. 4).

Рассуждения, связанные с антропологической тематикой, разворачиваются на трех уровнях: 1) человечество в целом как наследник Адамова греха; 2) отдельно взятый человек; 3) меры, необходимые для обеспечения вечного блаженства после телесной смерти.

Людей в самом общем плане Августин рассматривает как разумных существ, чьи семена формируются и одушевляются богом (Ibid. 28) с вполне определенной целью — для восполнения свободных мест в сонме ангелов, образовавшихся после падения части из них во главе с Сатаной (Ibid. 29). По природе человек добр, однако он может руководствоваться и доброй, и злой волей (Ibid. 15), что, собственно, и случилось с Адамом, избравшим путь греха. Отныне все его потомство обрекалось на бесконечное наказание «вместе с отпадшими ангелами, своими развратителями, властителями и сообщниками» (Ibid. 26). В то же время Христос своей жертвой вернул людям утраченную способность творить добро (Ibid. 30). Окончательное освобождение человека зависит от наличия двух обязательных условий, находящихся в неразрывном единстве: желания человека и милосердия бога. «Недостаточно одного желания, — подчеркивает Августин, — коль скоро не будет милосердия... недостаточно и одного милосердия... коль скоро не будет желания» (Ibid. 32). В результате выстраивается строгая ценностная шкала. На низшем уровне которой (ни желания, ни милосердия) находятся все, «живущие по велению плоти», на следующей ступени (только желание) — те, кто при помощи разума осознал грех и решил воздерживаться от него. На следующем этапе начинается освобождающее действие благодати, являющейся внешним проявлением божественного милосердия. Высшая точка, спокойствие духа, достигается человеком только после телесной смерти и будущего воскресения мертвых (Ibid. 118).

Обрисовав в самых общих чертах картину жизни людей как потомков Адама и определив основные факторы, действующие на них, Аврелий Августин переходит на следующий уровень антропологических рассуждений и рассматривает судьбы отдельно взятого человека.

Здесь он вновь возвращается к проблеме первородного греха и рассматривает его уже не только как искажение изначально доброй природы человека, но, главным образом, как акт, содержащий в себе зародыши большинства основных пороков людей. Среди них Августин особо выделяет гордость, поругание святых, человекоубийство, духовное прелюбодеяние, разбой, зависть... и многое, многое другое, что «можно найти в одном поступ-

ке, хорошо подумавши», — добавляет он (Ibid. 46). Весь этот груз, переходя из рода в род, ложится на плечи каждого человека, от новорожденного младенца до древнего старца (Ibid. 45). Избавить от него может только крещение (Ibid. 43). В результате вырисовывается следующая перспектива: вечное блаженство для христиан и вечное осуждение всех остальных после телесной смерти и воскресения мертвых для окончательного суда (Ibid. 111).

В свою очередь, таинство крещения означает, что человек добровольно присоединился к церкви и принял на себя соответствующие обязательства. Их детализация составляет третий, завершающий уровень рассуждений Аврелия Августина: что должен делать «освобожденный» человек, т. е. христианин.

С самого начала епископ Гиппона-Регия настаивает на резком сужении круга интеллектуальных интересов верующих: «Человеческая мудрость есть благочестие» (Ibid. 2); «Не следует беспокоиться, если христианин не знает чего-нибудь... что физики или открыли, или думают, что открыли (Ibid. 9). Главной заботой человека, по мнению Августина, должно стать исполнение его прямых обязанностей перед церковью. В их число входят: ежедневная молитва для искупления легких и маловажных грехов (Ibid. 71), покаяние по обычаю церкви (Ibid. 82), молитвы низших во имя спасения высших (Ibid. 103), милостыня в церкви для облегчения участи умерших родственников (Ibid. 110) и, наконец, милостыня, толкуемая более чем расширенно и включающая в себя наряду с традиционными делами милосердия исправление «побоями того, над кем дается... власть», обуздание «кого-либо дисциплиной» (Ibid. 72).

Легко заметить, что именно эти положения легли в основу раннесредневековой концепции человека, которая в течение столетий детализировалась и тиражировалась идеологами феодального общества в качестве главного жизненного ориентира.

Как уже было отмечено, «Энхиридион» позволяет перекинуть мостик между ранним и зрелым периодами творчества Августина. С сочинениями периода Кассидиака, Тагаста и «Исповедью» его сближают неоплатонические мотивы решения проблемы добра и зла. В данном произведении зло выступает как благо, созданное для того, чтобы лучше оттенить добро (Ibid. 11). Оно трактуется не как самостоятельная сущность, а как уменьшение добра, причем полное и окончательное исчезновение последнего приводит к ликвидации природы вообще (Ibid. 12). Общим является и использование традиционной античной философской терминологии: видение, созерцание неизреченной красоты (Ibid. 5), отсутствие беспокойства, свобода от ошибок (Ibid. 16) и др.

Вместе с тем в «Энхиридионе» прослеживается проблематика, более основательно разработанная Августином в ходе антипелагианской полемики: соотношение свободной воли человека и предопределения.

Хотя некоторые авторы считают, что спор с Пелагием и Юлианом Экланским не оказал существенного воздействия на позицию Августина, а его крайние взгляды вызваны исключительно полемическим задором⁵, с этим положением трудно согласиться. Анализ «Энхиридиона» показывает, что здесь уравниваются свободная воля человека и частично ограниченная благодать (см. цит. выше гл. 32), в полемических же произведениях, наоборот, главенствующее место отводится благодати, признается по сути дела абсолютное предопределение (См.: De corr. et grat. IX 33, XIV 7 и др.).

Следует отметить, что концепция человека в «Энхиридионе» Аврелия Августина является последним официально признанным церковью вариантом его антропологической системы, который наряду с «Исповедью» был принят на вооружение идеологами раннего средневековья. Крайние же взгляды, высказанные им на исходе жизни в полемике с пелагианами, были, по сути дела, отвергнуты собором в Арле (475 г.), осудившим учение об абсолютном предопределении.

¹ Под угрозой лишения сана и изгнания 18 епископов во главе с Юлианом Экланским отказались подчиниться эдикту 419 г., требовавшему осуждения Пелагия и Целестия. См.: Гарнак А. История догматов // Всеобщая история европейской культуры. СПб. Б. г. Т. 6. С. 385.

² H a g e n d a h l Н. Augustine and the Latin Classics. Göteborg, 1967. V. 2. P. 725.

³ Enchiridion ad Laurentium // PL. Т. 40. В рус. пер.: Творения блаженного Августина. Киев, 1908. Ч. 2. В дальнейшем цитаты из «Энхиридиона» даются в тексте статьи.

⁴ Августин Блаженный. Жизнь и творения. Киев, 1855. С. 87; Гарнак А. Указ. соч. С. 390.

І. А. ЛІСАВЫ, К. А. РАВЯКА

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ АСПЕКТЫ ЭПОХІ ЭЛІНІЗМУ У ПОЛЬСКОЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ (1945—1975)

Цяперашні стан навукі аб антычнасці ў Польшчы даследаваны часткова савецкімі і польскімі вучонымі. Што датычыцца пытання элінізму, якое займае адно з важнейшых месц у польскай гістарыяграфіі антычнасці, то нашы веды аб ім абмяжоўваюцца толькі асобнымі рэцэнзіямі пераважна на старонках часопіса «Вестник древней истории», а таксама зарысоўкамі ў працах савецкіх гісторыкаў І. С. Свяніцкай, К. К. Зелына, А. І. Паўлоўскай і некаторых іншых.

Адным з першых, хто пачаў вывучэнне элінізму ў пасляваеннай Польшчы, быў прафесар Р. Таўбеншлаг, аўтар вядомай манаграфіі аб прававых адносінах у грэка-рымскім Егіпце ў святле даных папірусаў¹. Будучы прадстаўніком старой школы, ён выступіў у гэтай працы з пазіцыі марксісцкай ідэалогіі. Асноўную ўвагу вучоны ўдзяліў даследаванню на шырокім сацыяльна-палітычным фоне канстытуцыйнага і адміністрацыйнага права, а таксама спецыфікі ўлады ў грэка-рымскім Егіпце. Даследуючы асаблівасці кантролю дзяржавы над эканомікай, Р. Таўбеншлаг выкрывае незвычайную рэгламентацыю ўсіх бакоў эканамічнай дзейнасці Егіпта: у галіне сельскай гаспадаркі дзяржава дасканала рэгулявала парадак здачы зямлі ў арэнду; не менш дасканала рэгламентаваўся парадак пасадкі і высячкі леса, рыбнай лоўлі, здабычы солі і да т. п.

Заслугоўваюць увагі адносіны аўтара да рабства, у прыватнасці яго даследаванні аб крыніцах апошняга: самапродажы, продажы дзяцей у рабства, аб даўгавым нявольніцтве. Галоўнай крыніцай рабства ў эліністычным Егіпце Р. Таўбеншлаг лічыць ваеннапалонных, якія абвешчаліся царскімі рабамі, і пасля продажу з аўкцыёна станавіліся ўласнасцю прыватных асоб.

Аднак, як слухна заўважыў К. К. Зелын², Р. Таўбеншлаг разглядае матэрыял аб рабаўладальніцтве выключна з юрыдычнага пункту гледжання, гэта значыць дае хутчэй характарыстыку пэўных юрыдычных інстытутаў, паказвае сістэму адносін, а не іх развіццё. Адсюль і недахопы даследавання.

Крыніцы паступлення рабоў у эліністычны перыяд, праца і жыццё нявольнікаў і іх здольнасці да самастойных дзеянняў у святле законадаўства і жыццёвага вопыту — гэтыя пытанні дасканала даследаваны гісторыкам І. Бежуньскай-Малавіст.

Яксна новым этапам у развіцці польскай гістарыяграфіі антычнасці сталі 50—60-я гады, калі была створана Польская Акадэмія навук, у склад якой увайшлі Інстытут гісторыі, а таксама Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры, дзе даследаванню антычнасці стала ўдзяляцца павышаная ўвага.

Звыш двух дзесяцігоддзяў даследуе праблемы элінізму вучаніца Р. Таўбеншлага — цяпер прафесар папіралогіі Варшаўскага ўніверсітэта А. Свідэрэк. Па-першае, трэба назваць яе манаграфію «У «царстве» Апалонія: Грамадства Пталамеяў у святле архіва Зянона»³. У кнізе аналізуюцца папірусныя дакументы з архіва Зянона, ускрываецца іх значэнне для гісторыі грэка-егіпецкага грамадства, даследуюцца ўзаемаадносіны паміж Фаюмам і іншымі раёнамі Егіпта, у прыветнасці Александрыйяй, а таксама вывучаецца сацыяльны састаў насельніцтва Фаюма. А. Свідэрэк дзеліць усё свабоднае насельніцтва на тры групы: самых бедных, якімі былі, па яе меркаванні, егіпцяне; людзей з сярэднім дастаткам (дробныя чыноўнікі, клерухі⁴ і часткова жрэчства); багатых (высокапастаўленыя чыноўнікі, жрацы, цар і прыдворныя — амаль без выключэння грэкі і македонцы). На жаль, аўтар выключае з асяроддзя бяднейшае насельніцтва грэкаў і македонцаў; людзі, якія знаходзіліся ў цеснай сувязі з домам Зянона, лічацца пераважна не храмавымі рабамі, а свабоднымі⁵; гіеродулы не разглядаюцца як храмавыя рабы ў Егіпце. Усе гэтыя недахопы не памяншаюць важнасць укладу А. Свідэрэк у скарбніцу польскай гістарыяграфіі антычнасці.

Звяртаючыся да асобных прац па гісторыі элінізму, адзначым, што ўпер-

шыню ў польскай гістарыяграфіі пачаў вывучэнне пытання сацыяльна-эканамічнай структуры малаазійскіх полісаў Т. Завадзкі⁶. Вучоны разглядае элінізм як перыяд узаемапранікнення сацыяльна-эканамічных форм, што ўтварыліся ў краінах эліністычнага Усходу, і форм, створаных грэчаскім светам. У гэтым, крыху аднабаковым, выяўленні элінізму каштоўна тое, што Т. Завадзкі лічыць яго з'явай, у першую чаргу, сацыяльна-эканамічнай, атрымаўшай развіццё пры актыўным удзеле ўсходніх і грэчаскіх элементаў. Аўтар даследуе буйныя дамены як земляробчы тып, іх структуру і сістэму адміністрацыі, а таксама становішча сялян у даменах і за іх межамі.

Т. Завадзкі аспрэчвае пункт гледжання М. І. Растоўцава, які даволі перабольшаў памеры «царскай зямлі» і ўвогуле буйнага землеўладальніцтва. Польскі вучоны далучаецца да меркаванняў некаторых іншаземных гісторыкаў (Свобада, Джонсан, Бікерман), якія сцвярджалі, што сістэма буйных даменаў існавала толькі на невялікай частцы царскай зямлі. Характэрнай рысай становішча сялян аўтар лічыць тое, што яны маглі быць адчужаны толькі сумесна з дваром і разглядаліся як падданыя і ўласнасць цара: у надпісу Мнесімаха іх адрозніваюць ад рабоў. Сацыяльны і юрыдычны статус сялян быў гарантваны ад замаху буйных уладальнікаў спецыяльнай юрыдыкцыяй. Т. Завадзкі таксама лічыць, што спецыфіка аграрных адносін у Малой Азіі даследуемага перыяду характарызувалася перш за ўсё значнай асабістай залежнасцю сялян ад прыватных землеўладальнікаў і адсутнасцю якой-небудзь арганізацыі, у адрозненне ад асаблівай групы вольных сялян-абшчынікаў, якія жылі ў самакіравальных сельскіх пасяленнях. Аднак аўтар не ўлічыў тую акалічнасць, што формы залежнасці сялянства мяняліся паступова, у сувязі з развіццём поліса.

Сацыяльны аспект гэтага перыяду трапна выражаны ў даследаванні Г. Купішэўскага і Ю. Маджэўскага, які прысвечаны функцыям гіперэтаў у апарате грэка-рымскага Егіпта. Манаграфія напісана на аснове вывучэння папірусных дакументаў, у прыватнасці архіва Зянона⁷. Аднак, як адзначаюць вучоныя, тэрмін «гіперэт» неадназначны. У ім адлюстроўваюцца тры адценні: гіперэты — служачыя судавага і фінансавага апарату, гіперэты — у штаце альбо ў гаспадарцы Апалонія і гіперэты — у значэнні «дапамагаючыя», «абслугоўваючы персанал» у якой-небудзь рамеснай вытворчасці, напрыклад, ткачы. Становішча двух першых катэгорый гіперэтаў было, відаць, становішчам вольных людзей; становішча гіперэтаў-рамеснікаў нявызначана: імі маглі быць вольныя і рабы.

Формы рамеснай вытворчасці ў грэка-рымскім Егіпце вывучала Э. Віпшыцка⁸. Яна, зыходзячы з тэзіса, што адной з важнейшых рыс антычнай эканомікі з'яўляецца яе неманалітнасць, імкнецца нарысаваць мадэль егіпецкай рамеснай вытворчасці, раздзяліўшы яе на дзве групы: рамяство, якое цесна звязана з месца вытворчасці і сьраванай, і рамяство, якое развівалася ў рамках дамашняй гаспадаркі, а таксама такі тып вытворчасці, калі рамеснік адначасова займаўся і земляробствам. Дробны тып рамесных майстэрняў быў уласцівы і храмавым гаспадаркам. Аднак робячы папрок І. Ф. Фіхману, што той толькі мімаходзь закрануў даследуемае пытанне, Э. Віпшыцка па сутнасці нічога новага не ўнесла⁹. Што датычыцца рабоў, то, на думку даследчыцы, іх праца і становішча мала чым адрозніваюцца ад працы і становішча вольных рамеснікаў. Э. Віпшыцка імкнецца таксама паказаць адносіны дзяржаўнай улады Егіпта да рамеснай вытворчасці, у прыватнасці да дзяржаўных майстэрняў, царскіх мануполій, а таксама выканання заказаў для арміі.

70-я гады ў развіцці польскай гістарыяграфіі антычнасці — самы плённы перыяд: праявіўся павышаны інтарэс да праблем сацыяльна-эканамічнай і палітычнай гісторыі. У гэтым плане заслугоўвае ўвагі даследаванне М. Пенткоўскай аб патранатах у пталамеяўскім Егіпце¹⁰. Вучоная лічыць, што тэрмін «патранат» ва ўласным сэнсе першапачаткова праяўляўся і прымяняўся як «пратэктцыя». І толькі ў II ст. да н. э., калі дораныя гаспадаркі былі канфіскаваны, патранат набраў сілу, дзякуючы аслабленню, дэцэнтралізацыі дзяржавы. Ратуючыся ад падаткаў, пад патранат пераходзілі сяляне, нярэдка вёскамі, шукалі заступніцтва храмы, кліентамі сваіх камандзіраў становіліся салдаты. І толькі рымскія заваяванні, якія ўзмацнілі дзяржаўны апарат, пакончылі з патранатнымі адносінамі ў Егіпце. Аднак размова пра дабравольны пераход пад патранат патрабуе выдзяліць яго канкрэтныя рамкі: канец II — пачатак I ст. да н. э., калі буйныя чыноўнікі атрымалі магчымасць злоўжываць сваёй уладай. Яны перавялі

патранат з чыста маральнай залежнасці ў залежнасць эканамічную і патрабавалі за гэта матэрыяльнай кампенсацыі.

Адна з важнейшых праблем гісторыі элінізму — гэта рабства. Яна ўсебакова вывучана прафесарам І. Бежуньскай-Малавіст¹¹. У сваім дакладзе «Аб некаторых нетыповых формах рабства ў старажытным свеце» (1967) яна даследавала папірусныя крыніцы грэка-рымскага Егіпта, у прыватнасці завяшчання, шлюбныя дагаворы і інш., дзе ўпамінаюцца рабы, праца каторых давала іх гаспадарам даход. Гэта, у першую чаргу, узнос аплаты самастойна працуючымі рабамі, а таксама — здадзенымі ў наймы рабынямі-карміліцамі, рамеснікамі, а часта і малалетнімі рабамі-вучнямі. І. Бежуньска-Малавіст прыйшла да вываду, што, нягледзячы на тое, што эліністычны перыяд прывёў да тэрытарыяльнага распаўсюджвання рабства ва ўсходнім Міжземнамор'і, у многіх раёнах рабская праца не вызначала развіццё эканомікі ў цэлым, а выкарыстоўвалася нароўні з вольнай працай. Такія з'явы, як вялікая колькасць рабоў, выгадаваных дома, і ўзаемнае валоданне некалькімі людзьмі адным рабом — сведчанне таго, што рабаўладанне пранікала і ў сферу наёмных. Здача рабоў у наймы свабоднымі малазабеспечанымі людзьмі з'яўлялася істотнай крыніцай іх даходу.

У другім артыкуле — «Прымяненне рабскай працы ў грэка-рымскім Егіпце» (1973), — які ўвайшоў з некаторымі дапаўненнямі ў першы том манаграфіі «Рабства ў грэка-рымскім Егіпце» (1974), І. Бежуньска-Малавіст падвергла ўсебаковаму аналізу папірусныя крыніцы, а таксама абагульніла вынікі дасягненняў зарубежнай гістарыяграфіі (У. Вількен, В. Б. Вестэрман, К. Прэо) у тым ліку і савецкай (К. К. Зельн, А. Е. Казакевіч, А. І. Паўлоўская). Спасылваючыся на вядомую працу Ф. Гшнітцара¹², даследчыца заастрыгла ўвагу на тым, што існуючыя ў грэчаскай мове тэрміны для абазначэння раба роўнацэнны і не выклікаюць ніякіх сумненняў, калі рэч ідзе аб іх значэнні ў егіпецкіх нарматыўных дакументах пталамеяўскага і рымскага перыяду. У той жа час, у крыніцах другога характару — асабовых рахунках, пісьмах, прыватных дагаворах сустракаюцца многазначныя тэрміны, якія могуць адносіцца як да свабодных, так і да рабоў названага перыяду.

Прымаючы за аснову аналізу крыніцы архіва Зянона, даследчыца падкрэслівае, услед за К. Прэо, што даныя гэтых крыніц нельга безагаворачна распаўсюджаць на ўсе раёны Егіпта, таму што ўладанні Апалонія займалі тут асобнае месца.

Разглядаючы ролю рабскай працы ў сельскай гаспадарцы, І. Бежуньска-Малавіст прыходзіць да вываду, што ўладанні Апалонія рыхтавалі эліту рабоў, якія выконвалі самыя разнастайныя работы. Да працы на зямлі яны прыцягваліся спарадычна. Умовы пталамеяўскага Егіпта, на думку аўтаркі, не спрыялі развіццю рабскай працы на сяле; палітыка Пталамеяў развіталася хутчэй у напрамку аховы мясцовага сялянства як рабочай сілы, чым у напрамку пашырэння працы нявольнікаў. І. Бежуньска-Малавіст таксама падкрэслівае, што прымяненне рабскай працы ў сельскай гаспадарцы пталамеяўскага Егіпта ішло на спад. Другая карціна назіраецца ў прымяненні рабскай працы ў рамястве, у прыватнасці рудніках і каменаломнях, у гандлі; асабліва ўзрасла роля дамашніх рабоў.

Аб развіцці дамашняга рабства ў пталамеяўскім Егіпце пісалі многія вучоныя, але тут патрэбна адрозніваць хору (сельскую мясцовасць) і Александрыю. У апошняй, натуральна, была большая колькасць рабоў у якасці хатняй прыслугі з пэўнай спецыялізацыяй. Выкарыстанне рабскай працы ў Егіпце, заканчвае даследчыца, дасягае інтэнсіўнасці ў III ст. да н. э., калі яшчэ ў асяроддзі грэчаскіх каланістаў былі жывымі традыцыі грэчаскай радзімы.

Падводзячы вынікі, адзначым, што сацыяльна-эканамічныя аспекты эпохі элінізму ў даследаваннях польскіх вучоных (1945—1975) займаюць адно з важнейшых месц. Асабліваю ўвагу даследчыкі звярталі на пытанні гісторыі грэка-рымскага Егіпта, што тлумачыцца радамі прычын: наяўнасцю параўнальна вялікай колькасці папірусных крыніц, пэўнымі дасягненнямі польскай археалагічнай думкі ў Егіпце пад кіраўніцтвам прафесара К. Міхалоўскага, і, безумоўна, павышаным навуковым інтарэсам да ўпамянутых праблем ва ўсёй зарубежнай, і, у першую чаргу, у савецкай гістарыяграфіі. У сукупнасці праблем, разглядаемых польскімі вучонымі, вызначаюцца пытанні аб становішчы рабоў, рамеснікаў і землярабоў у пталамеяўскім Егіпце, аб сувязі рамяства з рынкам, узаемаадносінах свабоднага і несвабоднага насельніцтва, аб сутнасці царскіх уладанняў, аб адносінах

дзяржавы да сферы вытворчасці, аб юрыдычнай форме залежнасці. Усё гэтае дае багатую аснову для далейшых пошукаў і плённых даследаванняў.

¹ Гл.: Taubenschlag R. The Law of Greco-Roman Egypt in the light of the papyri (332 B. C.—640 A. D.). New York, 1944. V. 1; Warszawa, 1948. V. 2.

² Гл.: Зелъин К. К. Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э. М., 1960. С. 122—123.

³ Гл.: Świderek A. W. W “państwie” Apollniosa: Społeczeństwo wczesnoptolemejskie Fajum w świetle Archiwum Zenona. Warszawa, 1959.

⁴ Клерухі — грамадзяне, якія атрымалі ў асабістае карыстанне зямельны надзел на тэрыторыі саюзнай дзяржавы або ў заваёванай краіне (каланісты).

⁵ Гл.: Амусин И. Д. Термины, обозначающие рабов в эллинистическом Египте по данным Септуагинты // ВДИ. 1952. № 3; Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969.

⁶ Гл.: Zawadzki T. Z zagadnień struktury agrarno-społecznej krajów małoazjatyckich w epoce hellenizmu. Poznań, 1952; Idem: Quelques remarques sur l'étendue et l'accroissement des domaines des grands temples en Asie Mineure // Eos. 1952/53. С. 46.

⁷ Гл.: Kupiszewski H., Modzejewski J. Hyperetai. Etude des fonctions et le rôle des hyperètes dans l'administration civile et judiciaire de l'Égypte gréco-romaine // The Journal of Juristic Papyrology. 1957. Т. 11—12.

⁸ Гл.: Wipszycka E. Formy produkcji rzemieślniczej w Egipcie grecko-rzymskim // Przegląd historyczny. 1969. N 3.

⁹ Гл. Фихман И. Ф. Египет на рубеже двух эпох. М., 1965.

¹⁰ Гл.: Piątkowska M. La skepe dans l'Égypte ptolémaïque. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1975.

¹¹ Гл.: Biezuńska-Małowist I. Quelques formes non typiques de l'esclavage dans le monde ancien // Античное общество. Труды конференции по изучению античности. М., 1967; Idem: Zastosowanie pracy niewolniczej w Egipcie Lagidów // Przegląd historyczny. 1973. N 2; Idem: L'esclavage dans l'Égypte dans gréco-romaine. V. 1; Période ptolémaïque. Warszawa. 1974; Idem: Sytuacja społeczna niewolników w Egipcie ptolemejskim // Kwartalnik historyczny. 1976. N 1.

¹² Гл.: Gschnitzer Fr. Studien zur griechischen Terminologie der Sklaverei. Bd. 1: Grundzüge des vorhellenischen Sprachgebrauchs. Wiesbaden, 1963.

В. П. РУДАКОВ

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ — СУЩНОСТЬ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

Начиная с середины 50-х годов в нашей философской литературе время от времени вспыхивают оживленные споры по поводу определения основных понятий закона единства и борьбы противоположностей. Особенно много внимания уделялось в этих обсуждениях категориям противоположности и противоречия. Выяснить смысл этих понятий — значит раскрыть суть марксистской диалектики. К сожалению, ни одна из прошлых дискуссий данной задачи не решила. Нет ясности в понимании этой проблемы и в наше перестроечное время. Правда, изредка появляются в философских журналах статьи о специфике возникновения и разрешения противоречий социализма. Но сущности понятий противоположности и противоречия они не касаются. И возникает вполне закономерный вопрос: «Можем ли мы, советские марксисты, научно рассмотреть особенности противоречий социализма, не зная, что такое противоположность и противоречие вообще?!» Я утверждаю: не можем. Потому что общие критерии выделения реальных противоположностей, объективных противоречий социалистического строя дают философские, диалектические определения этих понятий.

Сложившаяся тушковая ситуация осознается многими марксистскими философами. Они утверждают, что проблема существует и должна быть безотлагательно решена.

В ходе прошедших обсуждений предлагались различные варианты дефиниций противоречия и противоположности, но общего понимания не выработано. Правда, большинство советских философов-марксистов единодушно осудили традиционное объяснение категорий противоположности и противоречия. Сущность последнего сводится к следующему: сначала декларируется, постулируется наличие во всех процессах действительности различных и противоположных сторон, направлений (положительное и отрицательное, новое и старое, прогрессивное и реакционное). Затем скоропалительно провозглашается, что указанные явления называются противоположными. А отношения между ними образуют противоречие. Таким упрощенным способом, видимо, невозможно раскрыть диалектико-логический смысл таких отвлеченных категорий, какими являются противоположность и противоречие. Нельзя, конечно, здесь спускаться на уровень рассудочной самоочевидности: сперва указываются конкретные наглядные полюса различных процессов, и здесь же следует обобщение, что это и есть философские дефиниции противоположности и противоречия. Философский анализ любой проблемы всегда заключается в рассмотрении обобщенного содержания, родовой сущности понятий. В данном решении ничего и близкого к этому нет.

Эта логическая наивность с некоторыми вариациями, дополнениями перекочевала и в философские работы нашего времени. Если раньше понятие противоположности не раскрывалось, то теперь оно дается. Определяется оно приблизительно так: противоположность — это каждая из двух взаимообуславливающих и одновременно взаимоотрицающих сторон, на которые раздваивается противоречие, как взаимодействие двух действительных форм, одновременно друг друга предполагающих и отрицающих.

Иногда противоположность понимают еще проще, как одну из сторон противоречия, а противоречие — как взаимодействие противоположностей.

Сопоставляя эти суждения, мы обнаружим, что каждое второе дублирует первое, значит, одно из них не содержит в себе новой информации и, следовательно, оно бессмысленно для науки. Единственное, что их отличает друг от друга — так это порядок слов, в остальном они идентичны.

Хотя надо отметить, что данная трактовка противоречия в известном смысле слова нас может удовлетворить, что же касается противоположности, то ее сущностная специфика раскрыта недостаточно.

Чем же обусловлен данный недостаток?

Нам думается, прежде всего тем, что авторы названных положений переоценивают возможности формальной логики. Естественно, что в известных пределах диалектическая логика использует ее методы при изучении своих законов и категорий, но только в известных пределах. Если же эти границы нарушить, то мы запутаемся в неразрешимых теоретических коллизиях, так как понятия диалектики нельзя объяснить одними средствами данной логики. Например, движение тела можно описать только диалектически: тело в данное время находится и не находится в этом месте.

По правилам формальной логики, для объяснения неизвестного понятия его подводят под более широкое, родовое положение. Следуя этому принципу, некоторые наши философы как само собой разумеющееся принимают тезис о том, что понятие противоположности меньше по объему противоречия и выводят его из второго — получается формально-логическая дефиниция противоположности, а потом из нее выводят понятие противоречия. В результате получается тавтология в определениях, где одна из категорий так и остается нераскрытой.

Существует и другой вариант формально-логического рассмотрения противоположностей — это так называемый системно-структурный метод. Эта форма исследует противоположности как рядоположенные, смежные, взаимно исключающие и полагающие друг друга. Системно-структурный подход в его формально-логическом понимании решить проблему противоположности и противоречия не способен. Между прочим, отметим, что под системно-структурным изучением явлений действительности классики марксизма понимают необходимую форму изображения их развития. Данный анализ предполагает выведение из объективно-конкретного явления родового основания, а из него выделение производной, противоположной формы. Последняя, соединяясь с всеобщей основой, образует духовно-конкретное.

Нам представляется, что разобраться в понятиях противоречия и противоположности можно только при помощи принципов диалектики, суть которых состоит в следующем.

Во-первых, центральным положением марксистской логики является изображение изучаемых предметов и понятий в развитии. Гегель писал, что «смысл, равно как и необходимое доказательство дефиниции, содержится только в ее развитии и в том, что она является результатом этого развития»¹.

Во-вторых, данное развитие выражается, осуществляется в определенных, преходящих, односторонних формах, которые являются стадиями развития.

В-третьих, эти относительно прочные состояния развития выстраиваются в последовательный, продуктивный ряд, где каждая предыдущая стадия порождает каждую новую.

В-четвертых, эти различные генетические роли ступеней развития оформляют каждую предшествующую как основание, каждую производную как противоположность.

В-пятых, сущность понятий марксистско-ленинского материализма раскрывается через соотношение со своей собственной крайностью, в данном случае через сопоставление (точнее — противопоставление) со своим другим однородным полюсом, т. е. основанием. Начальное положение, основание развития и его противоположность характеризуются предельной общностью, и поиск более широкого определения, под которое можно подвести исследуемые понятия, бесплоден. Категорию противоположности необходимо выделить из условно начального основания. При этом надо помнить, что эти явления сущностно однородны, т. е. моменты единой сущности. Поэтому в процессе последовательного поступательного развития противоположность, рожденная предшествующим основанием, сама превращается в основание для новой противоположности. Последняя формально воспроизводит, возрождает первое основание.

В-шестых, диалектика требует максимально возможного учета многообразных отношений между разбираемыми явлениями и их образами в мыш-

ленин. Классики марксистско-ленинской философии выделили две основные формы связи между односущностными действительными противоположностями: единство, т. е. продуктивное превращение их друг в друга, и борьбу, т. е. взаимное отрицание, самоотрицание.

В-седьмых, диалектика требует выделения из всех связей между рассматриваемыми явлениями и их понятиями существенной, необходимой зависимости, которая определяет все остальное, в том числе природу самого явления.

Если придерживаться этих диалектико-материалистических принципов, рассматривать противоположности как общие стадии развития, то окажется, что парным понятием противоположности является начальное объективное основание развития вещи. Диалектическое объяснение уникальности противоположности возможно при помощи ее выведения из непосредственного основания, в котором она содержится в виде ростка и из которого она, в конце концов, выходит в процессе его развертывания.

Из многозначной зависимости между крайностями нам необходимо выделить ее главное звено, которое, создавая противоположности, наделяет их специфическими свойствами. Одна из них является непосредственным положением, условно исходным основанием. Данная противоположность находит свое воплощение в определенном положительном процессе конкретного объекта. Например, тождество жизни с самой собой обнаруживается в ассимиляции.

Другая сторона выступает в образе возможности новой, производной действительности, отрицающей первоначальное реальное основание предмета. Она тоже находит свое объективное олицетворение в ограниченном, но уже негативном процессе явления. Обычно ее действие вносит момент развития в относительно исходное тождество. Например, различием жизни от самой себя является диссимиляция. При этом надо указать, что первый момент, самообоснование развития, является недостаточной противоположностью, так как он отрицает исходное начало развития предмета.

Необходимо также указать, что данные характеристики абсолютно принадлежат сторонам противоречия, присущего данному отдельному этапу совокупного исторического процесса вещи. Но поскольку в генетическом взаимодействии предмета противоположные формы бытия превращаются друг в друга, то их качества меняются в корне: действительная абсолютная сторона становится непосредственной, основанием, а бывшая условно основная сторона приобретает функции отрицательного звена.

На наш взгляд, существенными моментами диалектических противоположностей является их производный зависимый характер от своего относительно первого основания.

Как уже отмечалось, всякое движение в общем виде представляет собой попеременное чередование оснований и противоположностей. Сторона-основание всегда является сравнительно самостоятельной по отношению к своей производной стороне-противоположности в отдельном акте развития. В следующем акте развития противоположный производный момент становится основанием, создающим новую сторону, которая поступательно отрицает свое исходное начало.

Вторым существенным свойством диалектической противоположности является ее продуктивное отрицание своего основания. Диалектическая противоположность, разрушая свою условную опору, создает самое себя. Поэтому всякое развитие в философском смысле представляет собой превращение основания в свою противоположность, которая его производительно опровергает. Только диалектическое отрицание способно наделять всякое производное звено определенного процесса свойством противоположности.

Говоря об абсолютной роли отрицания в отношениях между истоком и противоположностью, мы должны иметь в виду, что оно является поступательным, обновляющим, односторонним. Саморазрушаемое основание производит новую противоположность. Данная производительная связь между началом и противоположностью образует их диалектическое единство, в рамках которого и происходит самосгорание основания и формирование противоположности.

Итак, развитие, движение на сущностном уровне представляет собой последовательное, поступательное чередование крайних, противоположных сторон, ступеней процесса. Каждое звено попеременно, поочередно выступает то в роли основания, то в роли противоположности. Всякий отдельный, новый процесс начинается с относительного положительного основания. Относительного потому, что это основание само является продуктом опровер-

жения устаревшего, условно замкнутого звена общей цепи изменения вещи. Положительное начальное основание относительно и потому еще, что оно само содержит в себе возможность самоотрицания, заложенной в нем противоположностью. Противоположность устраняет условно исходное основание, положение становится действительной противоположностью. Последняя, выражаясь, формируя в своих недрах новую противоположность, становится для нее основанием. А новая противоположность формально воспроизводит, изображает первое основание отдельного процесса.

Таким образом, всякая противоположность обладает следующими признаками: во-первых, производностью и самопроизводностью генетической зависимости от своего составного однородного условного основания; во-вторых, односторонней поступательной отрицательностью по отношению к своему исходному, опорному положению. Можно сказать, что **противоположность** — это **производная сторона основания**, однозначно поступательно **отрицающая** последнее. Данное понятие является своего рода абстракцией, отвлечением от целого процесса, фиксирующим его отдельный, односторонний момент. **Противоречие** же всегда охватывает процесс развития вещи в целом и выступает в форме **взаимного отрицания** основанием и противоположностью друг друга в ходе их генетического, производительного единства.

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 59.

Т. М. АЛШЕЕВА

СОЦИАЛЬНОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

История всех тоталитарных режимов свидетельствует о том, что их идеологической опорой и основанием является социальное мифотворчество и религия. Великие и могущественные постулаты, создаваемые ими, оправдывают верховную власть, освящают насилие и беззаконие, оскорбляют свободу мысли, духа и действий. Этими догмами «кормят и кормят народ, пока людей не затошнит. И вот тогда пропадает вера в Веру... Диктатора ни спровергают и выясняется, что с ним низвергнут и Бог, развенчан миф... И страна оказывается перед выбором: либо хаос и распад, либо новая диктатура. Впрочем, есть и третья возможность... Заключается она в том, что миф старый заменяется на миф новый. Точнее, на три новых мифа, которые всегда под рукой: свобода, равенство, братство»¹. Несмотря на некоторую категоричность вывода, автор прав в главном, что развитие истории человеческого общества (не только диктаторских режимов) есть процесс творения и развенчания мифов. В этой связи нынешнее историческое время не является исключением. Социальное мифотворчество составляет неотъемлемую часть всех современных социально-политических систем, оно прочно имплантировано в тело современной цивилизации.

В последние годы термин «миф» достаточно прочно вошел в лексику научных, публицистических, политических работ, посвященных проблемам социальной теории марксизма и практике ее реализации. Этот факт знаменателен сам по себе, ибо он свидетельствует о начавшемся процессе демифологизации теоретического и обыденного уровней общественного сознания. Тем более, что еще совсем недавно такого рода подходы к анализу теории социализма и «реального» социализма были просто немислимы. Понятия «миф», «мифотворчество» интерпретировались философами-марксистами только как феномен буржуазной идеологии. Научность и истинность марксизма рассматривались как базисный фактор, в принципе предопределяющий невозможность социального мифотворчества. В этом плане следует отметить, что предшествующая почти 70-летняя философская традиция познания социальных процессов в нашей стране характеризовалась почти полным игнорированием внутренних нормативов науки, выработанных еще в эпоху Возрождения и в начале Нового Времени: запрета на умышленное искажение истины в угоду другим, внешним для науки ценностям (политическим, идеологическим, религиозным) и запрета на плагиат². В результате общественное превратилось в набор социальных мифов, искаживших и извративших суть процессов прошлого, настоящего и будущего. Пожалуй, такого прецедента мифологизации социальной действительности история еще не знала.

В этих условиях особое теоретическое и практическое значение приобретают проблемы исследования социального мифа как социально-культурного

феномена, его онтологических и функциональных особенностей, роли в историческом развитии и др. Остановимся на некоторых теоретико-методологических аспектах анализа данного феномена.

Прежде всего следует отметить неправомерность употребления понятия «социальный миф» по отношению к любым ложным идеям и представлениям о процессах и явлениях общественной жизни. Для того чтобы последние трансформировались в миф, они должны быть усвоены людьми, внутренне приняты, должны стать их убеждениями. В этой связи можно сказать, что социальный миф есть интериоризованная общественным сознанием система идей и представлений, неадекватно отражающих социальную реальность. Это не просто превратная форма отражения мира, в которой человек домосливает и достраивает его с помощью вымышленных образов и представлений. В этом мире он живет. Обобщая различные явления социальной среды в мифологической форме, человек не отчуждает свое творение, а имманентно присутствует в нем. Поэтому миф можно рассматривать как социально-психологический феномен, включающий в себя всю совокупность проявлений жизнедеятельности индивидов, основанную на иллюзорном мировосприятии. Миф определяет контуры образа жизни, наполняет его содержанием, смыслом, ценностями, нормативами. И человек, существующий «внутри» мифологизированной реальности, в мире «якобы бытия», оказывается полностью погруженным в него, мыслит и действует в соответствии с его сюжетами и образами. Основным методом мышления здесь выступает дедуктивный рационализм, когда представление о любом явлении выверяется не практикой, а через логическую формализацию, через процедуру дефинирования, когда мысль движется от одного формального определения к другому, абсолютизируется метафизическая вера в стабильную сущность, устраняется необходимость анализа всего многообразия субстанциональных проявлений. Такая рефлексия, обращенная на мысль, движущуюся от общего к частному, требует определенной совокупности стабильных аксиом, которые, в свою очередь, тоже выводятся не из эмпирии, а посредством интеллектуальных процедур. Движение логических рассуждений ограничивается политико-идеологическими рамками. Именно такой вид метафизического рационализма составляет методологическую основу социального мифотворчества, позволяя конструировать образ мира логичным и внутри непротиворечивым, стабильным и вечным.

Таким образом, на теоретическом уровне мифологического сознания проблема истины решается в полном соответствии с требованиями дедуктивного рационализма. Носители знаний превращаются в оракулов, а сами знания покрываются ореолом мистической тайны, доступной только избранным. На обыденном уровне происходит подмена авторитета истины авторитетом веры в истинность знаний. Субъективно-психологическая вера в истинность выдвинутых идей, вне рационального осмысления, соотнесения с объективной реальностью, рождает извне заданное, схематизированное и догматическое мировосприятие. Отсюда и интериоризация мифологем в массовом сознании осуществляется не посредством аналитической деятельности сознания, а через психологические установки. Закрепляясь в психологической структуре, в субъективном мире личности миф стереотипизирует сознание и детерминирует формы массового поведения. Данная специфика социального мифа имеет определенную политическую ценность, так как она обнаруживает важнейшую его функцию: спланировать и активизировать действия масс, укреплять и стабилизировать общественные отношения.

Эта особенность была замечена теоретиками прошлого. П. Лавров, например, подчеркивал, что критически мыслящим личностям нужны знания, верующим исполнителям — ложь, отсюда необходимость мифотворчества в деле революционного преобразования общества³. М. Бакунин утверждал, что ложь, жертвою которой было человечество, оказывается могущественнее истины⁴. Ж. Сорель писал, что любые социальные действия инспирированы мифами, что это средство воздействия на массы⁵. «Миф может быть очень действенным, может заключать в себе взрывчатую динамическую энергию и двигать массами, которые мало интересуются научной истиной и вообще истиной. Мы живем в очень мифотворческую эпоху, но характер мифов довольно неизменный», — отмечал Н. Бердяев⁶. В этом плане следует согласиться с мыслью П. Гуревича о том, что миф — есть движущая сила истории⁷. Действительно, он на определенное историческое время укрепляет, стабилизирует общественные отношения, активизирует массы, выступает в качестве средства их социальной ориентации. Но, с другой стороны, в мифе заложен и огромной силы разрушительный заряд, взрыв

которого ведет к широкомасштабным деструктивным последствиям. Свидетельством этого является современная реальность, когда мощный взрывной заряд мифов прошлых лет поразил самое ценное — человека, а через него и все общественные отношения.

Анализируя данный аспект исследуемой проблемы, отметим два, на наш взгляд, наиболее важных момента. Во-первых, в мифологизированном сознании гносеологической нормой постижения бытия становится принцип двойного сознания⁸. Раздвоен сам познающий субъект, он и знает и не знает правды. Его бытие протекает как бы в двух мирах: в мире житейских невзгод и катаклизмов и в иллюзорном, мифическом, приглаженном мире. Причем оба мира воспринимаются как реально существующие. Возникающие противоречия между ними, не преодолеваясь интеллектуальными усилиями, устраняются экзистенциально. На основе мобильности психики, возможности переключения сознания из одной плоскости в другую в человеке формируются такие качества, как скептицизм, конформизм, индифферентизм, цинизм, выражающиеся в определенных типах поведения и социального действия. Следствием двойного сознания является духовная стагнация общества, исчезновение устойчивых нравственных норм.

Во-вторых, любому социальному мифу объективно присуща амбивалентность, создающая «при соответствующих обстоятельствах эффект опрокидывания смысла мифа, т. е. положительный знак, под которым он создавался, как бы сам собой меняется на отрицательный»⁹. Условием «опрокидывания» мифа является нарушение субстанциональной меры должного и сущего, отождествление цели движения с торжеством идеи. Действительность насыщенно подгоняется под мифическую идею, в результате чего противоречие между искусственно созданной ложной парадигмой и реальным бытием достигает состояния конфликта и разрешается ниспровержением режимов, их создавших. Наиболее ярким примером этого являются последние события в странах Восточной Европы.

Истоки амбивалентности социального мифа раскрываются в диалектике знаний, убеждений и социальных действий. Не останавливаясь подробно на ее анализе, отметим, что часть получаемых знаний «оседает» в сознании в качестве информационного балласта, не функционирующего в данный исторический момент, но при определенных условиях включающегося в интеллектуальную деятельность. Рефлексия, устраняющая противоречивость двойного сознания посредством актуализации всего имеющегося арсенала знаний и его критического соотнесения с действительностью, составляет гносеологическую основу амбивалентности социального мифа.

Таким образом, социальной мифологизации имманентно присуще свойство деструктивного воздействия как на личность, так и на общество в целом. В этой связи упомянутое утверждение о том, что миф является движущей силой истории, в данном контексте можно проинтерпретировать следующим образом: социальная мифология, раздваивая личность, разрушала ее на протяжении всей истории, постепенно уничтожая человеческое в человеке. В этом смысле социальный миф — движущая сила истории в направлении ее самоуничтожения.

Есть ли объективные основания для мифотворчества в современных условиях? Представляется, что есть. Ибо, как указывал Маркс, там, где господствуют вещные отношения, там всегда будут и их мистификация, попытки закрепить в сознании людей «отношения вещной зависимости» насаждением веры в их вечность»¹⁰. Вера в эти идеи постоянно укрепляется, поддерживается и внушается заинтересованными в ней социальными силами. Обратившись к анализу нынешних реалий, связанных с осуществлением идей перестройки и возможностей мифотворчества, следует отметить, что, во-первых, продолжается углубление противоречий между идеалами перестройки и реальностью, что ведет к постепенному размытию идеала и укреплению отношений вещной зависимости, следствием чего являются нигилизм, вещизм и т. д. Причина этого явления обнаруживается не только в углублении экономического кризиса, но и в том, что идеи перестройки не обеспечены научно-обоснованными средствами и путями их осуществления. Сама по себе такая ситуация чревата мифотворчеством, так как всегда присутствует «кризис надежды».

Во-вторых, мифологизаторство с необходимостью вытекает из того обстоятельства, что пока еще жизнеспособна административно-командная система, которая сегодня, как никогда раньше, и идеологическими, и политическими средствами воссоздает иллюзии, мифы, направленные на восстановление и закрепление своего господства. И, пожалуй, больше всего она пре-

успела в мифологизации самой идеи, самого идеала социализма, отождествив деформированный теорией и практикой социализм с его идеалом. Как результат, в массовом общественном сознании произошел «эффект опрокидывания» положительного содержания социалистического идеала.

Основные социальные мифы прошлых лет сегодня чрезвычайно сильно выявляют свойство амбивалентности и в общественном сознании, и в действиях людей, что в конечном итоге сказывается на состоянии перестроечных процессов. Закрепленные в самых глубинных пластах психики людей мифологема с положительным знаком, такие, например, как «наше общество — самое гуманное, справедливое в мире», «все во имя человека, все для блага человека», «человек человеку друг, товарищ, брат» и др. получили «эффект опрокидывания» и обернулись антиутопической действительностью. Их противоположное значение интериоризуется, усваивается сознанием. И этот процесс еще больше углубляется и расширяется под воздействием новых, уже перестроечных мифов. Особенностью последних лет является то, что в условиях гласности и демократизации, плюрализма мнений и устранения идеологического тоталитаризма они почти тотчас выявляют внутреннюю амбивалентность. Осознание сложившейся ситуации, сопоставление получаемых знаний с личностным опытом, с условиями и результатами социальных действий выражается в ослаблении убежденности в успехе перестройки.

Мы указали лишь на самые общие черты, детерминанты и последствия социального мифотворчества. В действительности они гораздо более многоплановые и многоуровневые, дальнейшее исследование их позволит углубить познание социальной действительности и таким образом сузить границы деструктивных действий.

¹ Рушди С. Стыд // Иностранная литература. 1989. № 9. С. 79—80.

² См.: Стёпин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 4.

³ См.: Лавров П. Л. Исторические письма. СПб., 1906.

⁴ Бакунин М. Бог и государство. СПб., 1906.

⁵ Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 1907.

⁶ Бердяев Н. Христианство и антисемитизм // Дружба народов. 1989. № 10. С. 207—208.

⁷ См.: Гуревич П. С. Социальная мифология. М., 1983.

⁸ См.: Корнер В. Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 72—73.

⁹ Лебедев А. А. Последняя религия // Вопросы философии. 1989. № 1.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 108.

¹¹ См.: Социальное действие. Мн., 1980.

В. В. АНОХИНА

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В СТРУКТУРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Необходимость преобразования сложившихся способов взаимодействия с окружающей средой, обусловленная кризисом индустриально-урбанистической цивилизации, порождает глубинные трансформации в общественном сознании, связанные с формированием новых экологических идеалов и норм природопользования, со становлением качественно иных ценностных отношений между человеком и природой. В таких условиях возрастает роль исследований, посвященных проблемам социокультурной детерминации происходящих в общественном сознании изменений, и, в частности, направленных на изучение роли культурных традиций в данном процессе. В настоящее время целый ряд научных работ содержит анализ экологически значимых ценностей, составляющих содержание различных культурных традиций¹. Это позволяет говорить об изучении адаптивных возможностей исторических типов экологического сознания, отражающих локальную культурную специфику конкретных общностей и особенности осваиваемых ими сред. Поскольку для переходных состояний системы «общество — природа» характерно преобразование сложившихся прежде иерархий ценностей, особую актуальность приобретает исследование культурных традиций как специфических механизмов трансляции экологического опыта в условиях транзитивной эпохи, их функций в структуре формирующегося экологического сознания.

В философских исследованиях последних лет, посвященных данной проблематике, отмечается, что экологическое сознание представляет собой сложное многоуровневое образование, обладающее ярко выраженной адаптивной направленностью. Идеи, представления, ценностные ориентации и установки, входящие в его содержание, формируются в процессе отражения в общественном сознании конкретного коллектива характеристик окружающей среды, деятельности составляющих его членов по обеспечению оптимальных условий существования, а также связей и отношений между людьми, которые формируются на основе этой деятельности. Благодаря функционирующим в его структуре ценностно-нормативным элементам экологическое сознание обладает широкими возможностями регуляции и контроля за состоянием системы социоприродных взаимосвязей и определяет степень и направление человеческой активности².

Для экологического сознания доиндустриальных обществ, которое рассматривается в статье, характерно, что оно складывается на основе опыта непосредственных практических связей человеческого коллектива со средой обитания. В условиях, когда взаимодействие с природой основывается на естественных факторах производства и преобладании натуральной организации хозяйства, совокупность этих отношений выступает в качестве локальной экосистемы, пространственно ограниченной пределами освоенной конкретным коллективом территории с доминированием обратных связей. Это предполагает ориентацию экологического сознания архаических коллективов на устойчивые, исторически апробированные способы взаимодействия с природой.

В рамках локальной экосистемы значительная часть содержания экологического сознания определяется сложившейся в данном коллективе структурой жизнеобеспечения, осуществляемого по традиционным принципам. Сфера хозяйства и технологии практически всегда жестко связана с природными условиями, в которых существует человеческое сообщество, и в наибольшей мере, чем остальные элементы культуры, отражает уровень приспособленности именно к данным конкретным условиям. Вместе с тем благополучное существование архаических обществ зависит не только от успешного освоения природных условий, но и от социокультурного окружения, а также от различных изменений внутри собственной социальной организации. Поэтому экологическое сознание такого типа включает в себя идеалы и представления, относящиеся к различным сторонам социальной и духовной жизни. При этом все его составляющие ориентированы на моделирование наиболее благоприятных условий для развития конкретного коллектива.

Структуру экологического сознания доиндустриальных обществ невозможно представить в виде четко фиксированных уровней теоретического и обыденного сознания. Однако оно не является аморфным, расплывчатым образованием. Все его компоненты вполне определенно взаимосвязаны между собой и образуют единый комплекс. Абстрактно его организацию можно представить в виде концентрического образования с устойчивым и упорядоченным центром, пронизанным системой функционирующих в данном коллективе культурных традиций, а ближе к периферии располагаются в значительной мере неопределенные и неупорядоченные элементы, имеющие минимальную историческую глубину и связанные с постоянно расширяющимися контактами общества с окружающей средой. Этот слой постоянно ставит под угрозу целостность экологического сознания, так как именно здесь зарождается наибольшее количество новых знаний, представлений и инноваций в способах взаимодействия с природой.

В условиях повышенной зависимости от изменений окружающей среды способность коллектива к быстрой и эффективной адаптации определяется уровнем взаимосвязанности всех сфер общественной жизни, синхронизацией их развития между собой и соответствием этих процессов природным ритмам. На основании многочисленных исследований первобытной культуры можно сделать вывод, что организация архаического экологического сознания формировалась в процессе осмысления реальных совпадений календарно-астрономических циклов с двумя фундаментальными основами бытия древнейших сообществ — динамикой производственно-промысловой деятельности и динамикой воспроизводства человеческого коллектива³. Совокупность мифологических представлений о неразрывной связи человека с окружающим миром и постоянной зависимости человеческого коллектива от мифической жизни различных тотемов, составляя ценностное ядро экологического сознания, обеспечивала его устойчивую целостность. Мифологические

представления, направленные на преодоление противоречий и гармонизацию отношений между человеком, обществом и природой, выполняли по отношению к экологическому сознанию не только интегративную функцию, подчиняя его содержание единым конструктивным принципам, но также и функцию стабилизирующую. События мифического времени, утверждавшиеся в качестве некоторого эталона поведения и деятельности, ориентировали представителей архаических коллективов на сохранение традиционных способов взаимодействия с окружающей средой. Это находило свое выражение в господствующей установке экологического сознания на неизменность обычаев, в которых фиксировались наиболее устойчивые единицы экологического опыта. Освящаясь действующими мифами, такие обычаи становились частью логико-обрядового комплекса и воспроизводились из поколения в поколение в качестве позитивных или негативных (например, табу) экологических норм.

Наиболее существенные изменения в организации экологического сознания доиндустриальных обществ были связаны с разложением первобытно-общинного строя, значительным усложнением социальной структуры архаических обществ, возникновением новых социальных институтов, дифференциацией сфер духовной жизни и общественного сознания. Развиваясь на фоне расширения границ взаимодействия общества с окружающей средой, происходящего, в первую очередь, за счет совершенствования земледелия и животноводства, данные процессы приводили к разрушению прежнего единства экологического сознания первобытных коллективов. Анимистические верования, древние космологические культы по-прежнему составляли основное содержание архаического экологического сознания. Как и в эпоху первобытности, для земледельческих коллективов более позднего времени плодородие земли, вовремя выпавшие дожди, защита посевов от ветра и града, правильное времяисчисление имели жизненно важное значение. Это выражалось в комплексе обрядов и ритуалов в честь Земли, Неба, Солнца и других божеств и духов. Вместе с тем экологическое сознание, ценностное ядро которого составляли космологические мифы и племенные культы первопредков, играющих роль медиаторов в отношениях коллектива со средой, оказалось неспособным сохранить свою устойчивость в условиях значительного усложнения экосистем, расширения объема информационного поля, развития миграционных процессов, обуславливающих необходимость ассимиляции инородных культурных влияний. Система мифологических представлений, объясняющих мир с помощью принципа всеобщего генетизма в терминах сознательной воли и эмоций мифических персонажей, уже существенно ограничивала возможности приобретения и закрепления новых знаний, не могла обеспечить должную социальную стабильность и единство гетерогенных в культурном отношении обществ периода разрушения прежних племенных связей и становления государственности. В условиях повышенной неопределенности и трансформации прежних экологических систем задача культурного освоения новых природных и социальных факторов сопряжена с необходимостью сбережения всего ценного в прошлом экологическом опыте, сохранения преемственности развития экологического сознания в плане его гомеостатических возможностей. Поэтому функционирование культурных традиций в период качественных трансформаций экологического сознания направлено на сохранение целостности экологического опыта, обеспечение преемственности в развитии экосистем и их жизнеспособности. Культурные традиции, вплетенные в ткань экологического сознания, становятся средствами отбора и закрепления тех общественных идеалов и норм, которые с наибольшим успехом способны выполнить роль стабилизирующих и интегрирующих факторов, противостоящих росту энтропии в обществе. В экологическом сознании переходного периода активизируется внимание к древним эталонам, которым придается новый смысл благодаря включению в измененный культурный контекст. Если в мифологическом сознании первобытного коллектива установка на неуклонное следование воспринятым из прошлого образцам существует в невыявленной форме как общепринятая норма, не требующая специальной институционализации, то в зарождающемся типе экологического сознания раннеклассовых формаций такая ориентация специально закрепляется в культуре в качестве особого нормативного текста. Тем самым в содержание традиции закладывается определенное представление о механизмах ее функционирования и возможностях изменения.

В ценностных основаниях экологического сознания в процессе формирования нового структурного ядра, призванного обеспечить органичное внутреннее единство всех его многообразных составляющих, происходит постепен-

ное вытеснение на периферию магиико-мифологического комплекса, который продолжает сохраняться в виде локальных племенных культов, подчиненных единой элитарной культуре раннеклассового общества. В ряде крупных культурных регионов в этот период мифология демистифицируется и почти полностью растворяется в рациональных построениях исторического сознания. Центральное место в структуре зарождающегося типа экологического сознания занимает мантика, которая строится на основе рациональной классификации эмпирических знаний и многовековых наблюдений за природными закономерностями. Мантическая практика основывалась на постепенно возникающих в ткани культуры особых представлениях о мире, которые, в отличие от мифологических, не апеллировали к иррациональной сфере, воле богов и небесному року. Мир моделировался как вечный, единый и относительно стабильный универсум, в котором происходят циклические чередования двух основных начал и взаимопереходы явлений. Фиксация совпадения событий во времени и пространстве, мантика имплицитно содержала в себе идею взаимозависимости людей и природных сил, элементы каузальной интерпретации мира. Ее дальнейшее совершенствование и укрепление было связано с оформлением содержащихся в ее структуре мировоззренческих конструкций в систему рациональных философских принципов. На основе мантических традиций формировалась и особая методология, получившая в специальной литературе название нумерологической⁴. Используя классификационные схемы, построенные на идее параллелизма макрокосма и микрокосма, мантическая методология обеспечивала эффективное упорядочение и систематизацию новых экологических представлений, возникающих в процессе деформации прежних экосистем. Благодаря специфическому характеру символов, являющихся переменными классификационных схем, нумерологическая методология позволяла конструировать многомерные в смысловом отношении тексты. Обладая большими, по сравнению с мифологией и магией, синтезирующими возможностями, нумерологическая методология и развивающиеся в системе мантических представлений философские принципы обеспечивали целостность экологического сознания и преемственность его основного содержания даже в условиях значительных трансформаций социоприродных взаимосвязей. Цивилизации, в которых складывалось экологическое сознание, основывающееся на культурных традициях такого типа, приобретали высокие адаптивные возможности и большую временную устойчивость. Их экологическое сознание, обладая внутренней подвижностью и значительной информационной емкостью благодаря функционирующим в его структуре идеалам и ценностям, обеспечивало должный уровень регуляции и контроля в системе взаимоотношений общества с окружающей средой, позволяя последнему длительное время развиваться в условиях динамического равновесия социоприродного комплекса. Тщательный анализ экологического сознания такого типа, возникшего в процессе культурного становления человечества, может быть особенно полезным в условиях кризиса ценностных оснований современной индустриально-урбанистической цивилизации, когда конструируются возможные альтернативы ее дальнейшего развития.

¹ См.: Бромлей Ю. В. К изучению этнических аспектов экологии человечества // Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси, 1985. Вып. 22; Человек и мир в японской культуре. М., 1985; Казначеева Т. П. К вопросу о генезисе экологического сознания: На материале северо-кавказских культур. Ставрополь, 1982; Василенко Л. И. Экологическая ответственность, культурный традиционализм и «мир об Эдеме» // Проблема взаимодействия общества и природы. Рига, 1986 и др.

² См.: Гирусов Э. В. От экологического знания к экологическому сознанию // Взаимодействие общества и природы. М., 1986; Зеленков А. И., Водопьянов П. А. Динамика биосферы и социокультурные традиции. Мн., 1987; Они же. Нравственные императивы в структуре экологического сознания // Человек и нравственность в условиях перестройки. Мн., 1988; Палинчук Ф. Я., Платонов Г. В. Экологические отношения, сознание, деятельность // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1987. № 4 и др.

³ См.: Фролов Б. А. К истокам первобытной астрономии // Природа. 1977. № 8. С. 104. Его же. Биологические знания в палеолите // Природа. 1980. № 6. С. 58.

⁴ См.: Кобзев А. И. Особенности философской и научной методологии в традиционном Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988; Карапетьянц А. М. «Чунь цю» и древнекитайский «историографический» ритуал // Этика и ритуал в традиционном Китае; Зинин С. В. Методологические проблемы изучения традиционной китайской науки // Древний и средневековый Восток. М., 1985. Ч. 1 и др.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Главное средство ликвидации кризиса в экономике — это активизация человеческого фактора во всех сферах общественного производства. Немаловажное значение в этом имеют деловые качества руководителей всех рангов. Сегодня они должны обладать не только высокой компетентностью. Их обязательным профессиональным качеством становится умение понимать людей, повседневно общаться с ними. Для достижения успеха в управлении руководитель должен придавать большое значение совершенствованию деловых отношений с коллегами и подчиненными, деловому общению.

Деловое общение предполагает служебные, т. е. официальные контакты с обратной связью. Межличностная обратная связь рассматривается в социальной психологии как получаемая человеком от окружающих информация о себе и своем поведении в различных ситуациях¹. Вступая в деловое общение, люди всегда ставят перед собой определенную цель — получение необходимой деловой информации, что и является главной функцией делового общения.

В процессе исследования делового общения руководителей было бы более уместно использовать термин «управленческое общение», который подчеркивает специфику управленческой деятельности. Ведь именно общение является ведущим способом выполнения управленческих обязанностей руководителя любого ранга. В процессе управленческого общения осуществляется взаимодействие руководителей с коллегами и подчиненными, обмен информацией в целях достижения главной управленческой задачи — принятия обоснованных решений.

Управленческое общение является необходимым условием организации производства и одновременно составным элементом управленческой культуры. В современных условиях наметилась тенденция де бюрократизации управления, которая проявляется и в процессах управленческого общения. Так, социологами зафиксирована тенденция роста устных распоряжений на всех уровнях управления производством. По данным исследований, проведенных на одиннадцати предприятиях Краснодарского края, на уровне директора предприятия принято 26,6 % устных решений, на уровне начальника цеха — 69 % от общего числа принятых решений² (это объясняется тем, что все основные виды работ, выполняемые руководителем на этом уровне, основываются на непосредственной и постоянной связи между ними и всеми членами цехового коллектива). Отсюда следует необходимость повышения требований к форме передачи решения. Здесь очень важна форма контакта между руководителем и подчиненным, культура общения руководителя.

На всех уровнях управленческой системы руководители используют деловую беседу как один из надежных инструментов совместного поиска решения разнообразных экономических и социальных задач. С теоретической точки зрения деловые беседы представляют собой набор целесообразно подобранных слов, посредством которых один или несколько собеседников хотят оказать определенное влияние на другого собеседника или группу собеседников в целях изменения существующей деловой ситуации или деловых отношений, т. е. создания новой деловой ситуации или нового делового отношения³. Умение организовать плодотворную деловую беседу не обеспечивается самим по себе, пусть и высоким, уровнем культурной и профессиональной подготовки руководителей. В условиях расширения самостоятельности руководителей все более сложной становится проблематика деловых встреч, и сегодня многие руководители убеждаются в том, что нужно уметь использовать формы и методы словесного воздействия на основе рекомендаций риторики, психологии, этики и социологии.

Непосредственным «продуктом» процесса общения является и групповое решение как выбор из ряда альтернатив в условиях общения, предполагающей последующую деятельность группы или других исполнителей по его реализации. Коллективные решения, как правило, менее субъективны и связаны с большей вероятностью осуществления. Качество групповых решений является одним из факторов, которые могут использоваться для оптимизации совместной деятельности. Одновременно коллективные решения служат иллюстрацией влияния активного делового общения (в данном случае интенсивного обмена информацией, идеями и мнениями) на решение задач совместной деятельности.

Вне анализа процессов общения, составляющих живую ткань групповой жизнедеятельности, не могут быть адекватно осмыслены закономерности формирования и развития коллектива. Необходимо анализировать и активное воздействие общения на совместную деятельность с целью ее оптимизации. «Для того чтобы стало возможным операциональное включение «социальных» параметров в исследование общения и деятельности, необходима дальнейшая разработка путей концептуального сочленения двух достаточно освоенных наукой уровней анализа: микрогруппового и макрогруппового...»⁴ Это в наибольшей степени относится к управленческой деятельности и управленческому общению. Для успеха управления необходим учет детерминирующих психические процессы законов, которые определяют взаимоотношения между людьми как личностями (социальная психология), и законов, которые обуславливают поведение масс (их изучает социология). В практическом плане такой подход расширяет возможности ответить на запросы общественной практики — помогать средствами социальной психологии и социологии совершенствованию совместной деятельности в реальных коллективах.

Искусство руководства людьми строится во многом на умелом, эффективном общении. В рамках психологии личности эффективное общение определяется как «возможность и способность коммуниканта адекватно расшифровать полученное сообщение, переводить воспринятую мысль в план собственного сознания без существенных потерь смысла»⁵. Деловое же общение считается эффективным в том случае, когда оно обеспечивает продвижение в решении деловых проблем с использованием наиболее оптимальных средств путем достижения взаимопонимания между партнерами. Эффективность деловой коммуникации зависит от «адекватности установок руководителя, понимания своей деловой и межличностной позиции, знания закономерностей различных форм общения и правил поведения в разнообразных ситуациях, умения сформулировать тактический план делового контакта и реализовать его на основе имеющихся социальных навыков»⁶.

В этой связи со всей очевидностью встает вопрос о необходимости создания специальной системы научно обоснованного практического обучения руководителей профессиональному общению. Это принципиально важно еще и потому, что ценные научные рекомендации зачастую не могут быть реализованы не просто из-за отсутствия желания следовать им, а прежде всего из-за недостаточной социально-психологической компетенции конкретных исполнителей этих рекомендаций и отсутствия у них необходимых психологических возможностей для эффективного выполнения этих рекомендаций.

Необходимо обучать управленцев искусства руководства людьми. Заменить такую учебу изложением основ педагогики, психологии, экономики нельзя, так как сам руководитель не в состоянии проделать огромную работу по преобразованию чисто теоретических знаний о законах человеческой психики в специальные знания и умения по управлению людьми, по воздействию на них. В то же время обучение собственно деловому общению должно предвдаться преподаванием основ психологии, социальной психологии, социологии управления, педагогики. Являясь зачастую очень опытными психологами-практиками, руководители в то же время совершенно не имеют научного, систематизированного знания психологии межличностных отношений, социологии делового общения. Целенаправленное обучение деловому общению требуется тем более, что если профессиональные знания руководитель получает в учебном заведении, а навыки управления в труде, то в познании искусства общения он предоставлен самому себе, приобретает необходимые знания методом проб и ошибок.

Одним из эффективных способов развития компетентности в деловом общении является специальный социально-психологический тренинг (обучение социальным умениям с помощью активных методов). В практике коммуникативной подготовки руководителей широко используется такой вид тренинга, как ролевые (деловые) игры. Метод деловой игры основан на том, что существует своеобразная технология делового общения. Служебное общение имеет некоторый стандарт, так как в деловых отношениях возникают сотни сходных ситуаций. В них имеются и стандартные величины: ситуация; воспринимающий ситуацию руководитель; люди — участники событий; решение, которое руководитель должен принять. Зная содержание этих компонентов, можно не только прогнозировать, но и конструировать, а затем и анализировать развитие делового контакта. Участвуя в ролевых играх, игроки могут пробовать свои варианты поведения, искать наиболее приемлемую тактику и стратегию, отрабатывать различные технические приемы. Основ-

ная цель игры заключается в углублении знаний участников тренинга о закономерностях протекания коммуникативных процессов в области делового общения.

Обратимся к одному из вариантов деловой игры, задача которой — выработать как можно более четкие навыки делового, конструктивно развивающегося общения. Игровая ситуация следующая⁷: заместитель директора по снабжению (коммерческий директор) в течение 15 лет успешно выполнял свои обязанности. Но прошло время, функции директора значительно усложнились, ему трудно действовать столь же успешно. Возникла необходимость предоставить 57-летнему администратору новую, менее ответственную работу и в допустимой форме сообщить ему об этом.

В обсуждении ситуации принимает участие директор предприятия, начальник отдела кадров, секретарь парткома и виновник ситуации. Между участниками распределяются роли и на первый случай даются заранее подготовленные аргументы. Исполняющий роль коммерческого директора выходит, остальные совещаются непродолжительное время. Потом происходит заключительная и достаточно трудная беседа. На следующем занятии участники меняются ролями. Такие игры помогают выработать гибкость делового мышления, включенного в конкретную ситуацию.

Однако разработанные психологами программы формирования и развития коммуникативного потенциала личности, сколь бы ни были совершенны, не могут заменить «естественного» приобщения к коммуникативной культуре общества. Целью программ развития должна быть не замена «естественного» опыта другим, а помощь в самоорганизации более эффективных способов освоения богатств нашей коммуникативной культуры. Только на основе активного самосозидания можно добиваться действительно серьезных результатов психологического воздействия, особенно в том случае, если оно направлено на сложившуюся личность взрослого человека. Плодотворные результаты приносят такие способы развития компетентности в общении, как аналитическое наблюдение разнообразных коммуникативных взаимодействий и мысленное проигрывание своего поведения в различных ситуациях.

Многие проблемы руководства успешно решаются тогда, когда управленческое взаимодействие руководителей с коллективом строится на уважении достоинства людей. Вежливость и многие другие элементы культуры делового общения по существу представляют собой рациональные приемы для достижения деловой цели с наименьшими затратами времени и энергии собеседников.

Таким образом, система формирования и переподготовки управленческих кадров обязательно должна включать: социально-психологическую подготовку руководителей, развитие навыков делового общения (умение убеждать, организовывать и стимулировать процесс группового принятия решений, анализировать конфликтные ситуации, оценивать подчиненных и т. д.), развитие навыков саморегуляции (самоконтроль, стрессоустойчивость, самокоррекция неэффективных и наносящих психологический ущерб собеседникам навыков подачи обратной связи); их закрепление непосредственно в управленческой деятельности в ходе стажировок. Элементами такой системы является оценка поведения, деятельности, деловых и личностных характеристик руководителей, служащая основой для самокоррекции, и персональные консультации, направленные на формирование и изменение индивидуальной управленческой концепции, стиля управления.

¹ См.: Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г. М. Андреевой и Я. Янушека. М., 1987. С. 208.

² См.: Симонян Р. Х. Начальник цеха: методы и практика руководства. М., 1981. С. 75.

³ См.: Мицич П. Как проводить деловые беседы. М., 1987. С. 24.

⁴ Общение и оптимизация совместной деятельности. С. 236.

⁵ Соколовин В. Н. О природе человеческого общения. Фрунзе, 1973. С. 26.

⁶ Жуков Ю. М. Эффективность делового общения. М., 1988. С. 52.

⁷ См.: Юрганов О. Б. Смотришь, как в зеркало, в другого человека: Записки психолога о служебном общении. Мн., 1977. С. 151—152.

ЭТИКА АРИСТОТЕЛЯ О ПРОБЛЕМЕ РАБСТВА

Динамические процессы, присущие современному обществу, все чаще заставляют исследователей отступать от существующих идеологических стереотипов и обращаться к философскому наследию предшествующих эпох в поисках общезначимых суждений, отражающих объективные тенденции социально-исторического развития. В этом отношении значительный интерес представляют этико-политические труды Аристотеля — величайшего систематизатора и энциклопедиста древности. Всеми признано, что по глубине и упорядоченности философской мысли Стагирит не знал себе равных на протяжении нескольких тысячелетий, вплоть до появления немецкой классики Нового времени. Тем не менее для современных авторов характерно некоторое сомнение в актуальности выводов, сделанных античным мыслителем в «Никомаховой», «Большой» и «Эндемовой» этиках, а также в трактате «Политика». Причина кроется, как представляется, в некотором несовершенстве терминологии, в частности — в неадекватной интерпретации понятия «рабство». Действительно, апология рабства занимает значительное место в перечисленных произведениях, что истолковывается как свидетельство исторической ограниченности философа, его неспособности преодолеть реалии рабовладельческой эпохи и подняться в области этики до общечеловеческих ценностей: «Аристотель исследовал нравственность с такой глубиной... с какой это вообще было возможно на современном ему уровне развития науки и социальной практики... Он разделял иллюзию едва ли не всех идеологов эксплуататорских классов...»¹; «Этика Аристотеля — этика рабовладельцев, этика господ...»² — подобного рода утверждения заставляют предположить, что выводы Стагирита давно устарели, утратили актуальность. Между тем при ближайшем рассмотрении очевидно, что непосредственно в текстах термин «рабство» используется отнюдь не в классово-социологическом значении (по крайней мере, не только в нем), но отражает, скорее, морально-психологическую ориентацию личности, иными словами, при соответствующей экспликации содержания вполне может быть применен к анализу современного общества. Скажем об этом несколько подробнее.

Вызывает возражение тезис об ограниченности мысли Аристотеля социально-экономической реальностью рабовладельческой эпохи. Как известно, философ является современником завоевательных походов Александра Македонского, которые поколебали экономические устои античного общества и привели к замене полисной демократии эллинистической монархией.

Аристотель еще застал всеобщее распространение демократических институтов, основанных на широком использовании во всех сферах производства труда свободных равноправных граждан³. В связи с тем, «...что в классический период истории Греции рабский труд не играл (за некоторыми исключениями) решающей роли в основных отраслях производства... что в период греческой классики труд свободного демоса не был еще вытеснен рабским трудом и не потерял своего значения», более того, именно «...широкое распространение рабовладения в последние века античного мира как раз и привело к падению античного полиса и всей античной цивилизации»⁴, приходится признать, что Аристотеля окружали отнюдь не рабы и рабовладельцы, а, скорее, свободные труженики — земледельцы и ремесленники, граждане города-государства. Хотя было бы трудно отрицать, что полисная демократия в рассматриваемую эпоху обнаруживает ряд острых противоречий в своей внутренней структуре (одно из них — несоответствие демократической организации управления широкому использованию труда пленных «варваров»), однако это не является достаточным основанием для столь пристального внимания к проблеме рабства, которое характерно для Аристотеля. Очевидно, что философ исследует не эллинистическую монархию, но, скорее, именно полис; откуда же в таком случае столь необычный интерес к отношениям рабов и господ? Ответить на этот вопрос поможет обращение к характерному для Стагирита противопоставлению эллинов и «варваров» — еще одному основанию для обвинений в исторической ограниченности и даже некотором шовинизме.

Действительно, философ считает необходимым «охотиться... как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначены к подчинению, не желают подчиняться»⁵. Подобное утверждение позволяет предположить наличие очевидной этно-культурной сегрегации в вопросах социальной стратификации античного общества. Все люди делятся на

греков и варваров, причем последние являются потенциальными рабами, поскольку «варвар и раб по природе своей понятия тождественные»⁶. Отождествление достаточно репрезентативное, вполне адекватное реально существовавшему в эпоху греко-персидских войн этносоциальному эгоцентризму. Тем не менее термины «рабство варваров» и «рабство по природе» несомненно заслуживают более подробного рассмотрения.

В сочинениях философа удивляет отсутствие прямых указаний, позволяющих предположить в любом случайно избранном представителе эллинской народности личностные черты господина, повелителя многочисленных невольников. Это тем более странно, что понятия «раб» и «варвар» (представитель не греческой культуры) соотносятся постоянно. Более того, по мнению философа, многие эллины тоже способны иметь склонность к подневольному состоянию. Это происходит при отсутствии некоторых добродетелей, главным образом интеллектуальных (дианоэтических): встречаются люди, которые, обладая физическим совершенством, не могут, тем не менее, должным образом им распорядиться — следствие духовной ограниченности. Таким ущербным личностям нужен господин, своеобразный «нравственный поводирь», именно в этом смысле рабство взаимовыгодно. В этом же отношении бывает возможна, более того, необходима дружба господина с невольником, ведь оба движутся в одном направлении и некоторым образом помогают друг другу. Очевидно, все сказанное не исключает рабского состояния для грека, хотя Аристотель, воспитанный на традициях полисной демократии, этого, разумеется, не приветствует.

Откуда же проистекает столь удивительное пренебрежение неэллинскими народностями, «варварами», которые считаются потенциальными рабами? По всей вероятности, под склонностью к рабству подразумеваются в последнем случае не физические свойства человеческого организма, но, скорее, социально приобретенные психологические качества. Как известно, варвары в эпоху Стагирита либо находились в первобытном состоянии, либо жили в условиях восточной деспотии. Последнее, несомненно, налагало отпечаток на психику субъекта, формировало своеобразный тип личности, то, что философ отражает как склонность к рабству: «...азиатские варвары... подчиняются деспотической власти, не обнаруживая при этом никаких признаков неудовольствия». Эти же качества присутствуют и в дефиниции понятия «раб»: «... кто по природе принадлежит не самому себе, а другому и при этом все-таки человек, тот по своей природе раб»⁷. Как видим, такое определение не исключает причастности к греческой народности, хотя в условиях полисной демократии принадлежать кому-то «по природе», разумеется, значительно сложнее, чем в политической системе, организованной по типу восточного тоталитарного режима, где общество на всех без исключения уровнях пронизано иерархическими отношениями.

Помимо прочего, само понятие «рабство по природе» далеко не однозначное. «Природа» может пониматься двояко: как совокупность физиологических качеств организма и как окружающая географическая среда, воздействующая на общество и через него, опосредованно, формирующая определенный тип индивидуальной психики. Второй случай, сходный с марксистским принципом социально-экономической детерминации личности исторического субъекта, позволяет применить «рабовладельческие» постулирования Стагирита к анализу всех без исключения эпох общественного развития, в том числе современности.

В текстах первоисточников можно обнаружить наличие обоих аспектов. У многих людей от рождения преобладают телесные достоинства, другие имеют большую склонность к умственной деятельности. Аристотель полагает, что первым легче подчиняться, вторым — отдавать правильные распоряжения (деление на эллинов и варваров, аналогичное антистезе свободы и рабства, полностью отсутствует). Однако подобное противопоставление сразу же возникает, как только исследователь от индивидуальной физиологии переходит к анализу социологических аспектов человеческой «природы»: среда определяет социальный строй, который, в свою очередь, формирует у варваров склонность к рабству. «Природа определила образ жизни животных... То же самое и среди людей. Образ их жизни бывает весьма различным. ...Люди ведут такой образ жизни, какой их заставляет вести нужда»⁸. (Далее перечисляются конкретные способы хозяйствования и показывается их связь с теми или иными формами организации власти: полисной демократией — у греков, деспотией и тоталитаризмом — у азиатских варваров).

Действительно, цивилизации Египта и Месопотамии, основой хозяйства которых служило ирригационное земледелие, были способны обеспечить рен-

табельное производство только при использовании развитых форм коллективной деятельности. Отсюда — отсутствие личностных устремлений, предпочтение тоталитарной организации социума, деспотической власти, обеспечивающей синкретичность общественных структур и соотнесенность их с общим ритмом природных явлений (разливы Нила и т. п.), уважение к традициям, неприятие личной инициативы, неизбежно разрушительной для «предустановленной» гармонии человека и окружающей среды. Разумеется, восточному варвару, воспитанному в таких условиях, необходим предводитель-господин, как только он попадает в общество западного типа, не связанное с ирригацией, не ограниченное ежегодными природными ритмами, следовательно, изначально ориентированное на технический прогресс, тяготеющее к новации и предоставляющее широкий простор инициативе субъекта.

Вырисовывается следующая схема: человек обладает некоторой совокупностью врожденных психо-физических свойств; однако ему приходится жить в тех или иных природных условиях, которые предписывают ему способ ведения хозяйства. Потребности же производственной деятельности задают определенный тип социально-политических отношений. Форма организации власти влияет, в свою очередь, на сферу нравственности, а также, через возникновение социальных привычек, стереотипов морального поведения, на психику субъекта, т. е. на его природу. Так, у персов даже «(власть) отца тираническая, потому что они обращаются с сыновьями как с рабами». Именно это и делает варвара, привычного к приказаниям и лишнего инициативы социальными механизмами восточной государственности, потенциальным рабом всякого эллина, природа которого изначально опирается на рационалистические социо-культурные институты полисной демократии. Очевидно, что варвар от рождения обладает тем же личностным потенциалом, что и любой из греков («...так, что как с рабом, дружба с ним невозможна, но как с человеком возможна»⁹). Но, живя в тоталитарном обществе, приобретая соответствующие душевные свойства и очутившись, волею судьбы, в окружении греческой культуры, он, разумеется, не способен ассимилироваться в ней без посторонней помощи. В этом смысле его подчинение вполне соответствует критериям социальной справедливости, так как оно необходимо в первую очередь самому рабу. Роль господина также социально оправдана: труд раба компенсирует те усилия, которые он затрачивает, помогая адаптации варвара в новых условиях. Справедлива и «охота» на варваров, ставящая их в такое положение, когда они нуждаются в господстве эллина: взаимодействие западной и восточной культуры детерминировано техническим прогрессом (развитие мореплавания, военного дела и пр.) и в этом смысле объективно, не зависит от единичной воли. Между тем труд рабов несомненно выгоден в хозяйстве. Таким образом, проблема обоснования и нравственного оправдания античного рабовладения оказывается решенной, хотя и не без некоторой натянутости. Впрочем, конкретно-социологические аспекты отступают на второй план перед общим эτικο-культурологическим контекстом, в котором проявляются отношения раб — господин, варвар — эллин.

В самом деле, очевидно, что обсуждаемая Аристотелем проблема рабства отражает более глубокое и характерное не только для древности противостояние двух фундаментальных типов культуры: западного, более позднего по времени, возникшего в неблагоприятных природных условиях и генетически связанного, в силу этого, с развитием техники, науки, рационально-логического познания, активизирующего творческую индивидуальность и непрерывный поиск новых решений, и восточного, исторически более раннего, тяготеющего к коллективным формам производства, монархической власти, иррационализму, силе традиций, гипертрофированной духовности и всеобщей упорядоченности. Эти типы культуры, впервые непосредственно столкнувшиеся в эпоху Аристотеля и осмысленные им как противоречие рабства и господства (неограниченной свободы), впоследствии активно взаимодействуют на всем протяжении исторического процесса: Восток, статичный, неизменный, связанный границами географического региона и духовной традиции, выдерживает и ассимилирует все новые волны западных пришельцев, идущих по пути Александра Македонского и Марко Поло; Запад, инициативный, предприимчивый, со свойственной ему социальной динамикой легко заимствует восточные образцы в случае их малейшей экономической, политической и любой другой целесообразности, чтобы затем в ходе социальных революций с такой же легкостью от них отказаться. Технический прогресс, машинное высокотехнологическое производство, неизмеримо уси-

лившее на рубеже XIX в. западную цивилизацию и поставившее под сомнение само существование традиционной восточной культуры, вновь обращается к ней за помощью, столкнувшись с гонкой вооружений и экологической катастрофой.

¹ Гусейнов А. А., Иррлитц Г. Краткая история этики. М., 1987. С. 146, 147.

² Попелова И. Этика. Об исторической и современной проблематике нравственной теории / Пер. с чешск. М., 1965. С. 54.

³ См.: Утченко С. Л., Дьяконов И. М. Социальная стратификация древнего общества. М., 1970.

⁴ См.: Кессиди Ф. Х. Диалектика и материализм в философии Гераклита Эфесского // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 5. С. 131; Его же. От мифа к логосу. М., 1972. С. 12.

⁵ Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 389.

⁶ Там же. С. 377.

⁷ Там же. С. 475, 382.

⁸ Там же. С. 388—389.

⁹ Там же. С. 235, 236.

И. Л. ЗЕЛЕНКОВА

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ИСТОРИИ ЭТИКИ

(к постановке проблемы)

Общепризнанный в марксистской литературе универсальный статус преемственности как метанаучной закономерности, определяющей развитие теоретических систем, нуждается в развернутой содержательной интерпретации применительно к различным видам научных дисциплин. Принципиальное значение проблема преемственности приобретает в контексте современных историко-этических исследований, поскольку вне ее философского осмысления и преломления в конкретном материале невозможно выявление логики развития этических концепций, целостная, адекватная реальности реконструкция этого процесса. Уникальной формой преемственности, средством трансляции социально-значимого опыта, фиксирующего важнейшие устойчивые ценности культуры, является традиция, анализ которой правомерно рассматривать в качестве необходимого инструмента проблемного изучения истории этики.

Нельзя сказать, что проблема традиции абсолютно нова для историко-этического исследования: любая попытка систематизации историко-этических феноменов предполагает явную или скрытую установку на выявление их традиционных и инновационных характеристик. Тем не менее отсутствие целостной философской концепции традиции отнюдь не способствовало созданию достаточно развитых теоретических моделей, позволяющих последовательно проследить ее модификации в развитии этики.

В настоящее время марксистская философская литература обращается к комплексному анализу традиции как относительно самостоятельного объекта, весьма значимого в нашу динамичную эпоху. Не подвергая сомнению актуальность проблемы, необходимость системного подхода к ней, исследователи пока далеки от единства в содержательных интерпретациях ее различных «ипостасей», что в значительной степени может быть объяснено отсутствием четких научных традиций исследования традиций¹. Разумеется, единые философские основания интерпретации были бы более благоприятной основой для историко-этического освоения проблемы, но, поскольку это дело будущего, методологические установки нынешнего этапа должны фиксировать наиболее плодотворные и относительно устоявшиеся концепты современной марксистской «традициологии». Таким образом, речь пока может идти именно о постановке проблемы традиции применительно к изучению истории этики, которая предполагает выделение основных параметров ее теоретической интерпретации, основанных на методологических обобщениях, наиболее приемлемых для системного анализа историко-этического материала. Что касается определенного эмпирического фундамента, позволяющего в перспективе синтезировать философское видение традиций с реальной историей их воплощения в мире этических феноменов, то в качестве такового могут выступать разнообразные, преимущественно дескриптивные, историко-этические изыскания, накопленные к настоящему моменту в достаточном объеме.

В оформлении дефинитивного статуса понятия «традиция» наиболее оче-

видной является тенденция расширения его содержания, фиксирующего в настоящее время не только стабильность и инвариантность механизмов трансляции социального опыта, но и инновационные процессы, отрицаемые прежними определениями. Исследовательская программа, задаваемая такими интерпретациями, предполагает дальнейшее поливариантное изучение проблемы традиций с целью создания целостной теории и исключает на данном этапе окончательное решение дефинитивной задачи. Оформление предварительных «рабочих» определений должно, вероятно, ориентироваться на общий смысл марксистской парадигмы и специфику исследования определенного ракурса проблемы. Применительно к историко-этическому анализу традиция, в самом общем виде, может быть представлена как такой способ трансляции социального опыта, накопленного в сфере морали и преломленного в теоретических моделях ее осмысления, при котором на новых этапах развития этической мысли воспроизводятся некоторые существенные характеристики ее предшествующего уровня, задающие алгоритм постановки и интерпретации этической проблематики.

Исследование проблемы классификации, признаваемой одной из первоочередных в созидании единой теории традиции, уже имеет существенные результаты: обоснование разнообразных критериев различения традиций и, соответственно, выделение их видов. Не останавливаясь подробно на перечислении довольно многочисленных направлений классификации традиций, можно отметить те из них, которые представляются наиболее перспективными в контексте потребностей историко-этического анализа. Применительно к исследовательским интересам в этой области целесообразно проводить классификацию по степени устойчивости, длительности существования традиции, по жесткости (лабильности) стереотипизации опыта, по степени общности. Правомерно характеризовать традиции в истории этики как прогрессивные или реакционные, статичные или динамичные.

Статичный «срез» соотношения традиции и инновации обнаруживает противостояние традиции, фиксирующей стабильность, устойчивость, и инновации, символизирующей изменчивость. Рассматриваемые же динамически, в процессе развития, традиция и инновация обнаруживают органическую взаимообусловленность. «С одной стороны, инновация служит потенциальным источником образования стереотипов культурных традиций. С другой стороны, традиции выступают в качестве необходимой предпосылки творческих процессов создания того фонда, путем комбинации элементов которого во многом и осуществляются эти процессы. Традиции же обычно и задают им общую направленность»².

Традиция, выражающая инвариантное воспроизведение структурных и функциональных характеристик прошлого бытия какой-либо системы на следующих этапах ее развития, не остается абсолютно неизменной, подвергаясь воздействию множества социальных влияний, расплывающих ее устойчивость. Рожденные духом нового времени инновации вступают в исключительно сложные взаимоотношения с традицией, так или иначе дестабилизируя ее, способствуя возрастанию ее неопределенности, размывая ее поверхностные либо существенные структурные уровни. В зависимости от конкретно-исторических обстоятельств итоги этих взаимоотношений могут быть различными: ослабление ведущей традиции и рождение родственной ей; стереотипизация инновации, включающейся в структуру несколько измененной традиции; деструкция традиции, оформление качественно нового варианта бытия системы и т. д.

Применение данных методологических установок представляется весьма перспективным в контексте выявления своеобразия идейной преемственности как в истории развития этической мысли в целом, так и на отдельных ее этапах. Под таким углом зрения интересно было бы проанализировать «жизненный путь» главных традиций в рамках натуралистического направления в этике. Утилитаристский, например, подход к исследованию морали, намеченный в античности и определенно оформившийся в теории «разумного эгоизма» французских материалистов XVIII века, подверженный воздействию принципиально различных инноваций, специфически трансформируется в дальнейшем. Классовые ориентации русских революционных демократов по существу разрушают утилитаристскую традицию, оставляя лишь элементы декоративного ее выражения. Английская этическая мысль XIX века (в лице Бентама), напротив, усиливает основоположения утилитаризма, способствуя в немалой, вероятно, степени его полному «расцвету» в этических изысканиях представителей прагматизма. Кстати, именно этот «расцвет», т. е. абсолютизация значения принципа полезности в качестве источ-

ника морали, приводит к явному выявлению его методологической несостоятельности и столь же явной реакционности его политических следствий. Скомпрометировавшая себя утилитаристская традиция тем не менее не прекращает своего существования: метаморфозы ее дальнейшего бытия связаны как с областью теории морали (ассимиляция принципа полезности в иных по исходным ориентациям буржуазных этических концепциях), так и со сферой практики (внедрение утилитаристских установок в процесс функционирования буржуазных моральных отношений).

Таким образом, принцип полезности, вошедший в арсенал средств этической рефлексии на исходных этапах ее оформления и сохраняемый в качестве традиции на всем протяжении ее развития, выступает в различных вариантах: исторические социокультурные параметры определяют конкретные содержательные контексты и формы существования этой традиции (потенциальную — когда ее основоположения опровергаются и отвергаются приоритетными этическими учениями; актуальную — когда дух утилитаризма, вызываемый к жизни капиталистическим укладом, становится своеобразным «знаменем времени», претендуя на монополию в морали и в ее этическом отражении).

Историко-этическая расшифровка сложной диалектики традиций и инноваций предполагает определение своеобразия их соотносительности. Плодотворную идею М. С. Кагана о том, «сколько важно понимать специфическую для каждой конкретной сферы человеческой деятельности меру традиционности и меру новаторства и не переносить эти меры механически из одной области культуры в другие»³, необходимо, вероятно, освоить в историко-этической литературе. Действительно, история развития этической рефлексии не могла не отразить устойчивости, долговечности и исключительной важной роли традиций в области морали, что наложило неизгладимый отпечаток на характер традиций этических. Однако, в сравнении с консервативной силой религии, мораль обладает большей мерой новаторства, поэтому значение инновационных процессов в ее этическом осмыслении существеннее. Сопряженность морали с религией, детерминирующая «обремененность» этических размышлений богоискательскими потребностями, повышает степень традиционности теорий морали, препятствуя инновационным внедрениям. Эта особенность характеризует европейскую средневековую этическую мысль, обреченную под игом христианской догматики лишь совершенствовать ценностные аспекты теологии, вращаясь в рамках строго фиксированных параметров. Она отчетливо проявилась в древнеиндийском философском воззрении, господствующая этико-религиозная ветвь которого с незначительными вариациями веками интерпретирует основоположения, заложенные еще в Упанишадах.

Иная соотносительность традиций и инноваций в сфере политики, характеризующаяся большей, по сравнению с моралью, мерой новаторства, накладывает свой отпечаток и на особенности этической рефлексии в том случае, если она тесно связана с политикой. Стимулируемые политическими ориентациями создатели этических концепций предлагают целый ряд инноваций, способствующих, по их мнению, повышению эффективности моральной регуляции, практической значимости теоретических построений. Позитивная ценность изысканий Аристотеля во многом определяется его установкой на то, что «человек по своей природе существо политическое»⁴. Политическая «озабоченность» французских материалистов XVIII века побуждает их создавать этические модели практической реализации гармонии личного и общественного интереса.

В контексте органической взаимосвязи традиций и инноваций представляется обоснованным сведение всего многообразия функций, которые выполняют традиции в процессах социокультурной динамики, к двум основным, фиксирующим роль традиции в качестве механизма стабилизации и преемственности и в качестве предпосылки для успешного осуществления инноваций⁵. Стабилизирующая функция традиций в развитии этики связана, прежде всего, с постановкой и сохранением определенного круга проблем. Вопрос о том, как и почему фиксируется ядро этической проблематики, требует особого исследования; можно лишь отметить, что уже в древнегреческой философии оно очерчено достаточно выразительно. Преемственность в истории этической мысли реализуется в наследовании проблематики, традиционно подвергаемой этической рефлексии, а инновационное внедрение, т. е., в данном случае, выдвижение новой проблемы, имеет реальный смысл только тогда, когда оно входит в имеющуюся традицию, становится ее элементом, возможность чего определяется соответствием новации «общему духу» сложившихся установлений. Специфика «вечных» вопросов теории мо-

рали, проявляющаяся, в частности, в том, что на них нельзя дать окончательный однозначный ответ, обуславливает постоянное воспроизведение нерешенных этических проблем, которые интерпретируются применительно к новым параметрам социального и индивидуального бытия.

Алгоритм этой интерпретации в значительной степени задается регламентирующими санкциями традиции, касающимися исходной предпосылки осмысления всей совокупности моральных феноменов. Фундаментальные методологические основания, определяющие понимание сущности морали, образуют главные направления в истории домарксистской этики, конкретные проявления которых достаточно разнообразно воспроизводят исходную тенденцию. Между общей парадигмой, задаваемой традицией в рамках какого-либо направления, и интерпретацией отдельных этических проблем, осуществляемой его представителями, нет жесткого, однозначного соответствия: отношения между ними сложны и зачастую противоречивы. Так, например, исследование проблемы смысла жизни, на «монопольное владение» которой этика посягала уже с самых первых шагов своего пути, само по себе образует определенные традиции, имеющие относительно самостоятельный статус существования и далеко не всегда прямо соответствующие основоположениям главных этических направлений. Оптимистическое либо пессимистическое отношение к ценности жизни как предпосылка постановки вопроса о ее смысле, трансцендентная или имманентная ориентация поиска этого смысла, рационалистический или иррационалистический стиль постижения его — факторы принципиально важные: выбор автором смысложизненного проекта своей позиции в этой области имеет не меньшее значение, чем принадлежность его к натуралистической или идеалистической тенденции.

В исследовании проблем этики стабилизирующая функция традиций проявляется и в сохранении определенного «дефинитивного пространства», детерминирующего теоретическое осмысление искомого понятия. Так, например, сложившаяся в античной этической рефлексии традиция предписывает определять понятие «счастье» путем соотнесения его с понятиями удовольствия, добродетели, сохраняя достаточную свободу и, соответственно, порождая поливариативность содержательных выражений этого соотнесения. Относительно устойчивым остается логический каркас исследования проблемы, хотя и он выражается в разнообразных структурных композициях; наиболее подвержены инновационным внедрениям ее содержательные воплощения, определяемые конкретно-историческими факторами.

Чрезвычайно интересным является также исследование проблемы традиции и инновации в контексте возникновения и развития марксистской этики, представляющей собой качественный скачок в истории этических идей. Она заслуживает специального, развернутого анализа, что можно отнести и к другим вопросам, затронутым в данной статье. Высказанные здесь соображения носят постановочный характер и преследуют цель привлечь внимание исследователей к весьма важной в методологическом отношении проблеме истории этики.

¹ См., например: Традиции и современность. Севастополь, 1985. С. 62.

² Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М., 1983. С. 155.

³ Каган М. С. Традиция как форма социокультурного наследования // Традиции и современность. С. 57.

⁴ Этика Аристотеля. СПб., 1908. С. 10.

⁵ См.: Ленинская теория отражения как методология научного познания. Мн., 1985. С. 77.

Н. Н. БЕЛЯКОВИЧ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛИЗМА

В современных условиях в центр теоретических исследований выдвинулась проблема сущности социализма, его места и роли в мировом общественном развитии. Это связано как с причинами общенаучного характера, диктующими необходимость усиления во всей системе социологических знаний фундаментальных исследований, наличием в данной предметной области множества «белых» и «темных» пятен, так и с причинами практического порядка: нерешенности в условиях социализма многих жизненно важных для каждого человека задач.

Сегодня не представляется возможным во всех деталях обрисовать конкретный облик будущего общества, к которому мы намерены идти через перестройку. Любые практические решения, касающиеся конкретных проблем, форм, способов, механизмов реализации социалистических идеалов и принципов, могут приниматься, исходя из реальных обстоятельств и условий. А поскольку все многообразие этих обстоятельств заранее предвидеть и учесть нельзя, то, следовательно, невозможно заранее определить и конкретные формы организации нового общества. Но обозначить в общем виде существенные характеристики и главные параметры того, что мы называем качественно новым состоянием социализма, можно и нужно.

Можно, ибо ведущие тенденции и противоречия поступательного развития социализма уже достаточно определенно проявились. Нужно, ибо помимо острой критики выявившихся недостатков, понимания того, от чего мы должны отказаться, столь же велика потребность и в конструктивных, позитивных ориентирах, которые определили бы пути и средства приближения практики к высоким идеалам социализма. Без наличия основополагающих теоретических прогнозов невозможно успешное решение сложных и масштабных задач ускорения социально-экономического, научно-технического и культурного прогресса социалистического общества. Подлинный социализм не развивается стихийно, он строится на основе научной теории.

Для создания современной концепции социализма, отвечающей духу нового политического мышления, необходимо прежде всего дать объективную оценку нынешней ступени развития советского общества, характера его деформаций и противоречий. Иначе говоря, мы должны ответить на вопрос, какой социализм мы построили? Этот вопрос имеет важное методологическое значение, ибо определяет точку отсчета нашего движения вперед. Первая обязанность тех, кто советовал В. И. Ленина, кто хочет искать «путь к человеческому счастью», не «морочить самих себя», а иметь смелость откровенно признать то, что есть, как можно точнее изобразить все противоречия, которые имеют место в реальной жизни¹. Для этого исследователь должен находиться в особом расположении, которое на Востоке называют «правильным состоянием духа»: быть верным истине, своему разуму и сердцу. Оторванное от существующих реальностей сознание, искаженная «душа» порождают и адекватное тому «творение».

В этой связи полезно обратить внимание на характер дискуссий, развернувшихся в последние годы на страницах научной и публицистической литературы по проблемам реального социализма. Примечательно, что в полемику включились представители различных областей знания: экономисты, социологи, политологи, гуманитарии и естественники, теоретики и практики. Обозначилось множество, нередко взаимоисключающих, точек зрения — от откровенно консервативных до крайне радикальных.

Одни авторы утверждают, что к настоящему времени в нашей стране построено социалистическое общество. Называют они его по-разному: казарменным, социал-феодализмом, административно-командным, государственно-монополистическим и т. п. Но так или иначе представители этой точки зрения признают факт существования реальных экономических, политических и духовных структур, адекватных социализму. Другие исследователи полагают, что у нас нет социализма, хотя бы и деформированного. Более того, «если исходить из принятых в мире критериев, — заявляет политолог А. Мигранян, — у нас нет пока институтов гражданского общества, а значит, нет и самого общества в классическом смысле»².

Некоторые авторы рассматривают социализм как ошибку истории, достойную якобы сожаления и быстрее исправления. Особенно преуспели в «покаяниях» отдельные публицисты. Подвергая хлесткой критике недостатки советского общества, они подчас впадают в экстаз самобичевания и безверия, вольно истолковывают мысли Маркса, Энгельса, В. И. Ленина, приписывают им всякие небывшие и пророчества, искажают исторические факты, а то и просто распростирают вымыслы. «Радикально перестроечные авторы» призывают незамедлительно сменить социальную окраску социалистических идеалов и ценностей и решительно вести преобразования на капиталистический лад.

Представители третьей точки зрения задаются вопросом: можно ли считать социализмом все те реалии, всю ту многоликую действительность, которая нас окружает и в которой мы живем? «Надо ясно представить себе, — утверждает академик Л. И. Абалкин, — что социализма мы не построили и в условиях социалистического общества не жили»³.

Чрезвычайно широк и разнообразен диапазон взглядов западных совето-

логов и политологов на сущность социализма и перспективы его развития. Надо сказать, что суждения многих из них находятся в русле традиционных исследований. В первую очередь это относится к характеристике состояния советской экономики. Еще в начале 80-х годов более 40 американских экономистов, основываясь на данных экономического прогноза, заявили, что оснований для вывода о грядущем «крахе» народного хозяйства СССР нет, но перед ним — «беспокойное море» и очень трудные времена. Они писали о хроническом дефиците и плохом качестве советских товаров и услуг, коррупции и «черном рынке», росте алкоголизма, детской смертности, преступности и иждивенчества⁴.

Вместе с тем некоторые из западных исследователей сегодня высказывают мнения довольно неожиданные на фоне ранее разработанных ими концепций. Например, широко известный историк и политолог правых взглядов профессор Гарвардского университета А. Улам заявил в ходе дискуссии с другими консервативными теоретиками, что советское общество располагает значительными внутренними ресурсами развития, не требующими отказа от основ социализма⁵.

Выразители правоконсервативных взглядов рисуют довольно мрачные картины будущего советского общества, предрекают окончательный крах коммунизма. Так, американский публицист Р. Кайзер на страницах «Форин афферс» патетически восклицает: «Самый драматический эксперимент века медленно, но верно рушится на наших глазах»⁶. Провал мирового коммунизма, и не позднее, чем до конца нынешнего века, пророчит З. Бжезинский. Он лишь формально допускает возможность успеха перестройки в Советском Союзе. Гораздо более вероятно, по мнению американского политолога, четыре других варианта: длительное брожение, возврат к застою, репрессивный переворот и раскол советского общества⁷.

Анализируя столь разнообразие и противоречивые мнения на реальный социализм, их отражение в массовом сознании, необходимо, как мне представляется, учитывать следующие обстоятельства. **Первое.** Плурализм взглядов на один и тот же вопрос со стороны исследователей различных идейно-политических течений отнюдь не дань моде. Он отражает сложные, во многом неоднозначные и еще не устоявшиеся объективные тенденции общественных процессов, когда прошлое не просто перестраивается, но и отмирает, способствуя возникновению качественно нового состояния социализма. Находящее в этом движении неизбежно раздваивается, выделяя противоборствующие части — старое и новое. Противоречивое взаимодействие этих сторон является источником саморазвития цельного социального организма, степень зрелости которого может быть многовариантной — от чрезвычайно низкой до относительно высокой. Государственный социализм, который мы имеем к настоящему времени, является ранней ступенью естественно-исторического и закономерного процесса становления коммунистической общественно-экономической формации. Но эта объективная закономерность не фатальная предопределенность, которая наступает неизбежно, независимо от деятельности субъективного фактора. Жизнь показывает, что последний может либо ускорить, либо сильно замедлить претворение в жизнь социалистических идеалов. Поэтому вряд ли можно согласиться с теми авторами, которые считают, что общество, в котором мы живем, не является социалистическим. Здесь мы имеем дело с абсолютизацией отдельных противоречий сложного и многообразного на самом деле общественного развития, что ведет к одностороннему и искаженному представлению о реальном социализме. Это, по крайней мере, недиалектично.

Второе. Существующий разительный разброс в оценках социалистического общества в значительной мере объясняется методологической слабостью нашей социологической науки. Многие понятия и теоретические положения, используемые для описания тех или иных явлений социализма, страдают расплывчатостью и неопределенностью своего содержания, не имеющие порой реального онтологического основания. Это приводит к тому, что одни и те же понятия часто употребляются для обоснования разных, даже диаметрально противоположных, взглядов. Спорить в таком случае о том, кто прав — кто не прав, можно до бесконечности. Достичь консенсуса, а тем более отыскать истину, в таком споре в силу неопределенности самой исходной величины невозможно.

И, видимо, наши ученые-обществоведы в трактовке такой сложной системы, как социалистическое общество, не смогут договориться между собой и западными политологами до тех пор, пока не будет разработано научной методики определения истинности социалистических теорий, опирающейся

на естественнонаучные знания, в первую очередь математические. Десятилетние проверки практикой на предмет их истинности, как подтверждает жизнь, дорого обходятся обществу. А сегодня дискуссия без согласия по принципиальным теоретическим вопросам ведет к идеологической расплывчатости и сумятице в умах людей, стихийности и непоследовательности в решении практических задач социалистического обновления, к шараханью из одной крайности в другую.

Нельзя, разумеется, не учитывать и того факта, что характер суждений о социалистическом обществе зависит также от политических интересов и устремлений их авторов. Исповедуя взгляды от крайне радикальных до махрово-консервативных, многие из них далеко не безразличны к происходящим в обществе перестроечным процессам, своему месту и роли в них. Отсюда разительный контраст «цвета и тона» высказываний. К тому же некоторые активные участники острых и эмоциональных дискуссий о социализме слабо владеют диалектико-материалистическим методом анализа реальных процессов общественной жизни, выявления причинно-следственных связей деформационных и застойных явлений, поиска конструктивных путей выхода из кризисного состояния, ускорения социально-экономического прогресса социалистического общества. Поэтому разноречивой в теоретической интерпретации единой и целостной действительности определяется, и не в последнюю очередь, глубинными социально-политическими интересами, квалификацией и культурой ее авторов.

Что же касается прогнозов отдельных авторов о «провале мирового коммунизма», то они явно неадекватны тем тенденциям, которые наблюдаются в современном мире. Вопреки десятилетиями господствующего в отечественной и зарубежной социологической литературе и пропаганде стереотипа об автономном и непересекающемся существовании двух противоположных общественно-политических систем, в действительности все больше набирают силу процессы расширения и углубления их взаимодействия и взаимообогащения. Причем ни одна из этих систем, несмотря на их кризисы и застои, не движется вспять. Гипотетически можно предположить, что такое развитие капитализма и социализма приведет не к поглощению одной системы другой, а к их сближению на основе осуществления высоких общечеловеческих ценностей и идеалов, становлению единой целостной мировой цивилизации. Создается впечатление, что отдельные советологи продолжают развивать близкие и дорогие их сердцу мысли, выдавать желаемое за действительное, не учитывая новых реалий современного общественно-исторического движения.

(Продолжение следует)

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 407; Т. 4. С. 78.

² Коммунист. 1989. № 12. С. 33.

³ См.: Правда. 1990. 7 июля.

⁴ См.: Коммунист. 1989. № 11. С. 124.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 126.

⁷ Там же.

А. П. МЯДЕЛЬ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Важнейшим показателем уровня демократизации системы высшего образования является степень реального участия студенческой молодежи в управлении учебными заведениями. В условиях перестройки высшей школы особую актуальность приобретает ленинская мысль о том, что «без полной самостоятельности молодежь не сможет ни выработать из себя хороших специалистов, ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм вперед»¹.

Широкие возможности для самореализации каждого студента, для выработки у учащейся молодежи навыков управленческо-организаторской деятельности в коллективе, формирования потребности активного участия в управлении делами коллектива и общества в целом открывает студенческое самоуправление.

Для определения сущности студенческого самоуправления представляется необходимым раскрыть содержание понятия «самоуправление» в широком смысле слова, поскольку «...тот, кто берется за частные вопросы без

предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «наткаться» на эти общие вопросы»².

Если управление представляет собой процесс воздействия субъекта на объект с целью изменения его состояния, то самоуправление — это способность объекта к самостоятельной организации и жизнедеятельности. Превращаясь в самоуправляющуюся систему, объект управления приобретает качества субъекта управления. Для такой системы характерно единство самоорганизации, самостоятельности, саморегуляции и самоконтроля. Таким образом, сущностным признаком самоуправления выступает слияние, единство субъекта и объекта управления.

Курс на демократизацию общественной жизни, осуществляемый в нашей стране, предусматривает развитие самоуправления в масштабе всего общества, на всех его уровнях. В нынешних условиях самоуправление представляется как широкое участие народных масс в делах управления государством и обществом, максимально возможное сближение объекта и субъекта управления.

В контексте перестройки системы высшего образования вузовское самоуправление видится как автономия высших учебных заведений в решении вопросов, находящихся в их компетенции, самостоятельность в действиях трудовых коллективов и общественных организаций вузов.

Особенностью высшего учебного заведения является то, что его коллектив имеет два уровня: коллектив сотрудников и преподавателей и студенческий коллектив, которые существенно различаются по целям и видам деятельности, образовательному уровню, возрастным и психологическим характеристикам их членов, организационной структуре. В связи с этим самоуправление в высшем учебном заведении выступает в форме соуправления — участия в управленческой деятельности преподавателей и студентов на основе равноправного партнерства. Студенческое же самоуправление можно охарактеризовать как специфическую форму самостоятельной общественной деятельности студентов по осуществлению функций управления своим коллективом в соответствии с главной целью высшей школы — реализацией потребности личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии.

До недавнего времени студенческий коллектив представлял собой преимущественно объект социального управления и регулирования со стороны преподавателей и администрации вуза. С принятием известного постановления «О мерах по расширению участия студентов в управлении высшими учебными заведениями» и Временного положения о высшем учебном заведении СССР (примерного) возможности участия студенческой молодежи в управленческой деятельности значительно возросли. Студенты получили гарантированную норму представительства в советах вузов и факультетов, самостоятельность в решении вопросов внутренней организации и обеспечения жизнедеятельности своих коллективов. Вместе с тем проблема определения сфер самостоятельной деятельности студенческой молодежи, степени ее участия в выработке и принятии управленческих решений продолжает существовать.

В большинстве высших учебных заведений четко прослеживается тенденция к ограничению самостоятельности учащейся молодежи лишь теми областями, где самоуправление традиционно и освобождает администрацию и преподавателей от многих организаторских функций (досуг, организация студенческих строительных отрядов, обеспечение порядка в общежитиях). Несомненно, подобная практика искусственно сдерживает процесс демократизации высшей школы. Студенческое самоуправление не должно ограничиваться уже сложившимися формами. Только полное включение студенческой молодежи в организацию всего учебно-воспитательного процесса позволит ей ощутить причастность к действительному управлению учебным заведением, осознать значимость и действительность своего мнения. Другой вопрос, в какой степени целесообразно такое включение. Определяющим фактором здесь должен стать уровень компетентности студентов. Так, например, в организации учебного процесса они в состоянии самостоятельно определять сроки и порядок сдачи зачетной и экзаменационной сессии, осуществлять контроль за дисциплиной в академической группе, оценивать качество преподавания. Следовательно, при осуществлении этих функций студенческая молодежь должна иметь право решающего голоса. При определении количества принимаемых на учебу абитуриентов, специальностей и форм обучения решающий голос принадлежит преподавателям и администрации, которые, безусловно, должны учитывать мнение и интересы студентов.

Среди основных направлений деятельности студенческих коллективов, где самоуправление имеет давние и богатые традиции, следует особо выделить студенческие строительные отряды. Спецификой самоуправления в этой сфере является то, что здесь оно успешно сочетается с единоначалием. Кроме того, самоуправление в строительных отрядах может быть названо студенческим только в смысле определения социального статуса его участников. По сути своей — это производственное самоуправление, поскольку студенческие строительные отряды за редким исключением представляют собой временные производственные коллективы.

Успешное функционирование системы студенческого самоуправления предполагает наличие четкой организационной структуры, учитывающей структуру студенческого коллектива. В студенческом коллективе высшего учебного заведения можно выделить три структурных уровня: высший — студенческий коллектив всего вуза; средний уровень — коллективы факультетов и низший — коллективы академических групп. Студент одновременно является членом коллектива всех трех уровней: он охвачен отношениями опосредованными, формальными на среднем и высшем уровне и непосредственными, неформальными, наряду с формальными — на низшем. Через систему различных форм воздействия коллектива вуза, факультета он усваивает общие требования, предъявляемые к будущему специалисту. Конкретные требования реализуются на уровне первичного коллектива — академической группы. В первичном студенческом коллективе формируются отношения дружбы и товарищества, вырабатываются политические и нравственные качества. Специфика и сила коллектива академической группы заключается в том, что в нем каждый человек с его достоинствами и недостатками находится на виду, что дает возможность дифференцированно подходить к каждому отдельному члену коллектива.

Учитывая роль, которую играет коллектив академической группы в профессиональном и нравственном становлении личности будущего специалиста, его можно с полным основанием назвать основным звеном в системе студенческого самоуправления. Именно на уровне первичного коллектива все студенты имеют возможность непосредственно участвовать в управленческой деятельности.

Высшим органом коллектива академической группы является общее собрание ее членов. В промежутках между собраниями управление осуществляет выборный совет, включающий в себя старосту, комсорга и профорга. На среднем и высшем уровне управленческая деятельность реализуется через представителей учащейся молодежи в советах вуза и факультета. Для обеспечения защиты интересов и прав студенческой молодежи, координации деятельности в области учебной, научно-исследовательской работы студентов разных факультетов, организации обмена информацией между ними с целью улучшения качества подготовки специалистов и совершенствования учебного процесса имеет смысл объединять студентов-членов советов в составе новых формирований — студенческих советах, студенческих общественных деканатах, студенческих парламентах.

Предлагаемая структура органов самоуправления органически вписывается в практику деятельности общественных организаций — комсомольской и профсоюзной, позволяет избежать ненужного дублирования их работы. Комитет комсомола и студенческий профком имеют возможность направлять работу органов самоуправления, поскольку практически все студенты являются членами ВЛКСМ и членами профсоюза. При этом комитет комсомола занимается организацией студенческого самоуправления преимущественно в рамках учебно-воспитательного процесса в вузе, а профком решает вопросы организации быта, досуга, материального обеспечения студентов.

Органы самоуправления в студенческих коллективах в обязательном порядке должны создаваться на основе альтернативных выборов, регулярно отчитываться перед своими коллективами. Студенческие коллективы должны иметь право отзыва своих представителей из выборных органов в любое время. Это позволит привлечь к управленческой деятельности большее количество студентов и ограничит существующие у определенной части студенчества карьеристские устремления.

Целостной системы студенческого самоуправления в высшей школе еще не сложилось. Сейчас идет поиск наиболее эффективных его форм, специфичных для каждого вуза. Традиционные управленческие формирования (комитеты комсомола, студенческие профкомы, учебно-воспитательные комиссии, студсоветы общежитий) существуют во всех учебных заведениях, но

уровень организации их деятельности различен. В отдельных вузах есть студенческие деканаты, студенческие советы факультетов, курсов и другие органы.

Критериями эффективности системы студенческого самоуправления служат стабильность и организованность структуры самоуправления, способность к максимальной автономии в выполнении поставленных задач и конечные результаты деятельности (уровень успеваемости, состояние дисциплины, степень социальной активности студентов).

Становление и развитие самоуправленческих начал в студенческих коллективах серьезно сдерживается неготовностью студенческой молодежи к реализации предоставленных ей прав, пессимизмом в оценке перспектив этого процесса. Как показали результаты социологического исследования, проведенного в 140 вузах страны в рамках целевой программы Гособразования «Общественное мнение», 51 % респондентов считает, что к самоуправлению не готовы сами студенты, 24 % могут, но не хотят участвовать в этой работе, 10 % относятся к ней безразлично, а еще 10 % вполне удовлетворены нынешним положением³. По данным отдела студенческой молодежи ЦК ВЛКСМ, 70 % студентов из числа опрошенных в 36 высших учебных заведениях страны не верят в то, что самоуправление станет реальностью и будет эффективным, и лишь 6 % связывают с ним свои надежды на перемены к лучшему⁴.

Подобная позиция во многом объясняется теми негативными явлениями, которые существовали в высшей школе и в системе народного образования в целом на протяжении многих лет. Учебные курсы, часто оторванные от реальной действительности, привели к разрыву между информированностью, книжной образованностью учащейся молодежи и ее социальной зрелостью. Административный диктат в сочетании с ориентацией преподавателей на субъект-объектное взаимодействие с учащимися способствовали формированию бездумных исполнителей, не готовых к принятию самостоятельных решений. Рост нигилистических настроений среди студенческой молодежи стимулируется медленными темпами перестройки высшей школы, углубляющимся экономическим и социально-политическим кризисом в обществе, порождающим неуверенность в завтрашнем дне.

Не готова в полной мере к работе в новых условиях и значительная часть преподавателей. Восприняв как вынужденную необходимость право студентов на свободное посещение лекций, оценку качества преподавания с помощью анкеты «Преподаватель глазами студента» и другие нововведения, она относится к ним с большой долей скепсиса, не торопясь менять сложившуюся практику осуществления учебно-воспитательного процесса.

В последнее время наметилась, особенно в вузах инженерно-технического профиля, опасная тенденция к сокращению учебных курсов обществоведческого цикла. Отказ от старых подходов к изучению общественных дисциплин ни в коей мере не означает отказа от них как таковых. Свертывание процесса гуманитаризации высшего образования препятствует росту политической культуры студенческой молодежи, вносит раскол в профессорско-преподавательские коллективы и, в итоге, сказывается и на ходе перестройки системы образования, и на качестве подготовки будущих специалистов.

Подлинный демократизм в обучении и воспитании, заинтересованность студентов в результатах своего учебного труда возможны только при условии преодоления авторитарных методов руководства в учебных заведениях, создания атмосферы творческого сотрудничества между профессорско-преподавательскими коллективами и коллективами студентов, повышения педагогической квалификации преподавателей, последовательного соблюдения в жизни вузов принципов гласности и принципиального отношения к критике.

Студенческое самоуправление — сложное социально-педагогическое явление, которое в специфической форме воспроизводит типологические характеристики социалистической демократии. Создание четкой и развернутой концепции самоуправления студенческих коллективов будет способствовать переходу к демократическим методам управления высшей школой, а следовательно, и углублению процесса демократизации общественной жизни страны.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 226.

² Там же. Т. 15. С. 368.

³ См.: Гродненский университет. 1988. 1 марта.

⁴ См.: Научный коммунизм. 1989. № 2. С. 104.

В. Л. КЛЮНЯ, Т. В. МАРКОВА

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО РЫНКА

Интернационализация производительных сил в условиях НТР повышает место и роль мирового рынка в развитии национальных экономик. Как сфера осуществления международных товарно-денежных отношений он отражает в концентрированном виде сущностные черты явлений и процессов современного мирового хозяйства и повышает требования к его участникам. Под воздействием научно-технического и социального прогресса потребности общества все более увеличиваются и непрерывно меняют свою структуру, характер и динамику. Возможности их удовлетворения переходят границы отдельных государств и превращаются в фактор, активизирующий мировое хозяйственное общение. Особенно быстро они проявляются в области продовольствия. По данным ФАО потребности в пищевых продуктах с 1965 по 1975 г. увеличились на 31 %, в 1989 году — более чем в 2 раза, а к 2000 году ожидается их возрастание в 4—5 раз¹. По данным ООН, лишь около трети человечества обеспечено питанием, имеющим достаточную калорийность и рациональную структуру. Около двух третей человечества живет на грани голода и недоедания, а многие — и за этой гранью. В наиболее неблагоприятном положении находится значительная часть населения Африки, Латинской Америки, Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока. И это при том, что здесь имеются плодородные почвы, полноводные реки, много тепла, т. е. все необходимые природные и климатические предпосылки для производства достаточного количества продуктов питания, миллионы безработных. Главными причинами голода и нищеты населения в этой части мира являются прежде всего крайняя отсталость сельского хозяйства, его архаичность, низкий уровень технического развития, слабая инфраструктура (малое количество элеваторов, холодильников, хранилищ, мощностей по переработке сельскохозяйственного сырья). Так, 82 % крестьян в Латинской Америке, 72 % в Азии и 86 % в Африке обрабатывают почву примитивными орудиями труда. При этом производственные отношения остаются в значительной степени докапиталистическими, препятствующими социально-экономическому прогрессу. В таких условиях не происходит ни расширения обрабатываемых площадей, ни интенсификации сельскохозяйственного производства. Вследствие крайне низкой производительности сельского хозяйства продовольствием может быть обеспечена лишь часть населения. Если принять потребность в продуктах питания, существовавшую в 1960 году, за 100 %, то в 1975 году этот показатель превысил 175, а в 2000 году достигнет уже почти 360 %. Чтобы поспевать за ростом потребностей, сельскохозяйственная продукция должна ежегодно увеличиваться на 3,2 %. Но такая задача нереальна и продовольственная проблема, как видим, изначально заложена в отсталом сельском хозяйстве. В этих условиях развивающиеся страны вынуждены компенсировать дефицит продуктов питания все возрастающими объемами импорта. Так, в 1970 году они ввели из-за границы 30 млн т продовольствия, в 1985 — 100 млн т, а к 2000 году эта цифра составит 200 млн т. Между тем уже сейчас в развивающихся странах от 400 до 600 млн человек страдают от недоедания и ежедневно 40 тыс. человек умирает от голода и дистрофии².

Тяжелое положение многих развивающихся стран усугубляется полити-

кой развитых государств, их транснациональных корпораций, которые вынуждают эти страны вести одностороннее монокультурное хозяйство, производить те культуры, которые обеспечивают им максимальные прибыли. В результате развивающиеся страны задолжались капиталистическим банкам и монополиям свыше триллиона долларов, выплата процентов по которым лишает их возможности вкладывать необходимые средства в развитие сельского хозяйства. Вследствие этого общественные потребности в продуктах питания будут увеличиваться и одновременно с этим возможности их удовлетворения будут все больше определяться участием в мировом рынке. Это связано с тем, что обмен национальных продуктов труда не только «связывает все страны в одно хозяйственное целое»³, но все больше заставляет их соблюдать его требования.

За более чем 40-летний период страны Восточной Европы создали немалый экономический и технический потенциал в продовольственной сфере. В то же время степень их участия в мировом обмене продовольствием не отвечает реальным возможностям сельскохозяйственного производства и пищевой промышленности. Несовпадение между объективными закономерностями развития и командно-административными методами управления экономикой этих стран привело к снижению темпов роста, что неблагоприятно отразилось и на продовольственной сфере. Спрос на продукты питания значительно опережает предложение, что породило острый дефицит на внутренних рынках некоторых стран, привело к существенному увеличению импорта и сокращению экспорта. Это вызвало напряжение во внешнеэкономическом балансе, в результате чего утвердилось большинство государств Восточной Европы на импорт сельскохозяйственных и пищевых продуктов из третьих стран.

Тенденция нарастания зависимости этих стран от импорта пищевых товаров характерна и для конца 80-х — начала 90-х годов. Причем в последние годы она еще больше усилилась. По некоторым видам продукции импорт достиг огромных размеров. Импорт масла, мяса, мясных продуктов в СССР, Болгарию, Румынию из западноевропейских стран вызван дисбалансом между спросом и предложением на внутреннем рынке. Нехватку пищевых продуктов в последнее время, однако, нельзя рассматривать только как результат недостаточного производства. Причина, которая привела к такому состоянию, вызвана ухудшением организации и управления сельскохозяйственным производством и связанными с ним отраслями. Болгария, например, ввозит из других стран продукты, для производства которых она имеет благоприятные природные условия, богатые традиции и опыт. Она импортирует значительное количество картофеля, фасоли, лука, зеленого горошка, в то время как тонны этих продуктов лежат необработанными и нерезантыми из-за отсутствия транспорта и некачественной реализации фруктов и овощей.

Нехватка продовольствия на советском рынке в значительной степени является результатом тоже больших потерь сельскохозяйственной продукции. Общий размер потерь зерна при транспортировке, хранении и переработке составляет около 55—56 млн т, в животноводстве — более 30 млн т. Потери овощей составляют свыше 30 %, картофеля — 40 % и примерно столько же плодов и ягод⁴.

В то же время современное продовольственное хозяйство в развитых капиталистических странах представляет собой один из крупнейших многоотраслевых комплексов экономики. При отсутствии системы жесткого административного управления экономикой, в условиях преимущественно пофирменной организации хозяйства темпы и пропорции развития продовольственного комплекса складываются стихийно как результат взаимодействия различных, зачастую противоположных экономических сил. Рыночный «автоматизм» при всех его издержках обеспечивает непрерывность процесса управления и, на этой основе, определенный баланс интересов участников производственного процесса, производителей и потребителей продовольственной продукции.

Вместе с тем развитие ситуации на мировом продовольственном рынке характеризуется усилением протекционистских тенденций. Такое положение вызывает постоянные торговые конфликты между развитыми государствами (достаточно упомянуть разного рода «куриные», «макаронные», «свинные» и прочие войны между США и ЕС). Кроме того, рост продовольственного протекционизма вызывает резкий протест со стороны развивающихся стран, так как он означает для «третьего мира» сокращение валютных поступлений, столь необходимых для социально-экономического развития. Так, в резуль-

тате современной аграрной политики западных государств развивающиеся страны ежегодно недосчитываются 26 млрд дол.

Аграрный протекционизм тесно связан с политикой субсидирования национального сельскохозяйственного производства, проводимой многими развитыми капиталистическими странами. Она ежегодно обходится налогоплательщикам и потребителям этих стран в 275 млрд дол. Если в 1974—1976 гг. расходы правительств на поддержание цен на продовольственную продукцию и доходов производителей составляли 0,3—0,4 % от совокупного валового внутреннего продукта в ЕС и 0,1 % в США, то в 1985—1987 гг. они выросли до 0,6—0,7 % и 0,5—0,6 % соответственно⁵. Вследствие этого основные противостоящие стороны — США и ЕС, а также Япония и страны — крупные сельскохозяйственные экспортеры в апреле 1990 г. в Женеве приняли решение о значительном сокращении субсидирования производства экспорта сельскохозяйственной продукции, снижении уровня протекционизма в аграрной сфере. Соглашение по сельскому хозяйству открывает путь к глубокой либерализации продовольственной торговли, к серьезной реформе политики защиты интересов и помощи сельскохозяйственным производителям. Предполагается распространить на аграрную сферу те правила и нормы, которые регулируют торговлю промышленными товарами, отменить все барьеры на пути сельскохозяйственного импорта (квоты, скользящие пошлины, соглашения о «добровольном» ограничении экспорта и т. п.) и установить фиксированные тарифы, уровень которых будет постепенно снижаться в течение 10 лет. Наряду с этим предполагается ввести новый порядок разрешения торговых споров по вопросам безопасности продовольствия, так как в настоящее время медико-санитарный контроль зачастую является скрытой формой протекционизма⁶. Несмотря на существующие разногласия, основные экспортеры продовольствия пришли к соглашению о возможности воплощения концепций в конкретные торговые уступки.

Выражая новые явления в аграрном производстве, мировой рынок заставляет участвующие в нем стороны быстро вводить эти новшества в хозяйственную практику. Все это усиливает тенденцию к самообеспечению продовольственными товарами, которая в последнее время приобрела мировой характер. Как мы уже отмечали, использование стимулирующих систем и форм организации и управления сельскохозяйственным производством позволило промышленно-развитым странам создать реальные предпосылки для самообеспечения пищевыми продуктами и укрепления позиций на мировом рынке продовольствия. Изменения в этом направлении характерны и для некоторых стран Восточной Европы. Венгрия, например, удовлетворяет все внутренние потребности на протяжении целого года и прежде всего за счет продукции частных и подсобных хозяйств, а общественное производство работает главным образом на экспорт. Объем производства фруктов здесь в 2,7 раза больше, чем национальные потребности, а их потребление на душу населения достигает 60 кг. Венгрия стала важным экспортером сельскохозяйственных продуктов на мировом рынке. В ЧСФР тоже идет процесс усиления самообеспеченности. Агропромышленный комплекс создает $\frac{1}{5}$ общественного продукта этой страны, а общая самообеспеченность продуктами питания умеренного пояса ЧСФР составляет 97—98 %⁷.

Проблемы мирового продовольственного рынка в настоящее время тесно связаны с усиливающейся тенденцией перехода от потребления растительной пищи к продуктам животного происхождения. Этот переход является не только качественным, но и значительным количественным скачком, так как для получения необходимого количества калорий от продуктов животноводства необходимо израсходовать в 5—8 раз больше зерновых. Потребление первичной пищевой энергии на душу населения составляет от 300 кг (в зерновом эквиваленте) в развивающихся странах с низкими доходами до 1400 кг в большинстве индустриально развитых стран. Сегодня принято считать, что среднесуточные потребности на душу населения в белках составляют 80—100 г, в том числе 50 г белков животного происхождения⁸. Эти потребности в некоторых странах удовлетворяются далеко не полностью.

Если учесть, что мировое производство белков в настоящее время составляет 25 млн т в год, а к 2000 году должно достигнуть 50 млн т, можно ожидать возрастания спроса на пищу, богатую белками. Обеспечение белками в количественном и качественном отношении имеет особо важное значение для некоторых стран еще и потому, что в рационе питания их населения преобладают такие продукты, как сахар, хлеб и недостаточно потребляется продуктов, богатых белками животного происхождения, витаминами, минеральными солями. В Болгарии, например, потребляется хлеба на 17 кг вы-

ше научно обоснованных норм, что больше в два раза, чем потребление в Бельгии, Голландии, США, ФРГ. Подобное положение характерно для Венгрии, СССР, ЧСФР и других стран. Что же касается овощей, для производства которых в Болгарии существуют благоприятные условия, то потребление составляет здесь 46 кг на душу населения, что меньше необходимой нормы и на 94 кг меньше, чем в соседней Греции⁹.

Чтобы довести структуру потребления в этих странах до современных норм рационального питания, необходимо приспособить ее к мировым тенденциям в этой области. Так, производство и применение заменителей пищевых продуктов уже является реальностью мировой практики. В США, Франции и других западных странах производится синтетический продукт с низким содержанием сахара. Кроме фирм-изготовителей безалкогольных напитков, в борьбу за новые рынки «легких товаров» включаются почти все отрасли пищевой промышленности. В США безалкогольные напитки занимают $\frac{1}{4}$ объема экспортного рынка, а к 1995 году предусматривается достичь 40 %. В странах Западной Европы, США, Японии производятся несколько сотен аналогов продуктов из мяса, рыбы, птицы и их комбинации с естественными продуктами. Самое широкое использование имеют белки из сои, пшеницы, подсолнечников, молока, яиц. На мировом рынке предлагаются обезжиренные продукты с низким содержанием сахара, а также многие заменители пищевых продуктов. Конкуренция усиливается не только из-за нарастающего объема и ассортимента продуктов, поступающих из США, Франции, ФРГ, Англии, но также из Японии, Бельгии, Голландии, Швейцарии и др. Весьма активно работы в этом направлении ведутся в СССР. В частности, разработана технология производства искусственного мяса из белков животного и растительного происхождения. Все эти процессы отражают состояние производства и обмена продовольствием в мировом хозяйстве. Поэтому приспособление к его формирующимся тенденциям является актуальным для любой страны.

В связи с анализом проблем мирового продовольственного рынка весьма актуально звучат слова М. С. Горбачева: «Решать общечеловеческие, глобальные проблемы силами одного государства или группы государств нельзя. Здесь необходимо сотрудничество в общемировом масштабе, тесное конструктивное взаимодействие большинства стран. Сотрудничество на основе полного равноправия, уважения суверенитета каждого. На основе добросовестного выполнения принятых обязательств, норм международного права. Таково категорическое требование времени, в которое мы живем»¹⁰. Это связано с тем, что наш мир располагает чрезвычайно мощными материальными, финансовыми и интеллектуальными ресурсами, позволяющими разрешить сложный комплекс проблем, о котором здесь говорилось.

В истории человечества постоянно существовала взаимосвязь между развитием производительных сил и повышением уровня жизни. Век НТР располагает невиданными возможностями преодоления социально-экономической отсталости, решения глобальных проблем, в том числе и продовольственной, и обеспечения достойных условий жизни во взаимосвязанном мире. Решение проблем мирового продовольственного рынка требует от всех правительств и всех народов нового мышления и нового образа действий во имя прогресса каждого народа и всего человечества.

¹ Деков Д., Декова Т. Научно-техническият прогрес в селското стопанство и изхранването на населението в България // Икономика и управление на селското стопанство. 1990. № 8. С. 16.

² Калатбарли П. Рост населения, проблемы развивающихся стран и целостного мира // Экономические науки. 1990. № 1. С. 71.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 56.

⁴ Карлюк И., Казаков Е. Резервы роста производства продовольствия и совершенствование его структуры // АПК: экономика, управление. 1989. С. 119.

⁵ Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран // Приложение к журналу МЭМО. М., 1990. С. 71.

⁶ См.: Там же. С. 71—72.

⁷ Чакайда Э. Новые хозяйственные механизмы в агропродовольственном комплексе Чехословакии // АПК: экономика, управление. 1989. № 7. С. 99.

⁸ Световна икономика и търговия. София, 1988. № 45. С. 12.

⁹ Димов А. Аграрно-промишлено сотрудничество между страните — членки на СИВ. София, 1989. С. 7.

¹⁰ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 19.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Историзм как один из важных принципов диалектического метода научного анализа требует обращать внимание не только на устойчивые состояния явлений, но и на происходящие в них изменения. Как известно, реальные отношения должны иметь специфическое отражение в категориях. Изменение реальных отношений должно проследиваться и путем обогащения или видоизменения содержания этих категорий. Применительно к экономической науке это должно выражаться в том, что нельзя применять один и тот же научный термин для выражения совершенно разных производственных отношений.

Одной из серьезнейших теоретических проблем, непосредственно связанных с экономическими интересами, являются распределительные отношения.

В науке выявились определенные особенности понимания распределительных отношений и в частности такой категории, как заработная плата, которая, по Марксу, является специфически капиталистической категорией. Отмечая эту специфичность, Маркс, следовательно, обращал внимание на исторический характер ее понимания. Так, в «Капитале» речь идет о том, что форма труда как наемного имеет большое значение для характеристики всего процесса производства и специфичности его способа, и что заработная плата не является случайной формой капиталистического способа производства, а поскольку капиталистическое производство имеет исторически преходящий характер, то и его отношения являются устранимыми на определенной стадии развития². Различие между капиталистическим способом производства и другими способами производства состоит не в том, что в одном случае рабочий производит свою собственную заработную плату, а в другом не производит, а в том, что при капитализме продукт, получаемый рабочим, выступает как заработная плата, является сначала чужим доходом и противостоит рабочему в качестве капитала³.

Стало быть, указанная специфика предполагает наличие некоторых условий: наличие частной собственности на средства производства (в форме капитала), отношения найма труда и всеобщность товарных отношений, рассмотрение рабочей силы как товара. Если эти условия устраняются, должно исчезнуть и понимание того, что получает работник в виде заработной платы. «Если свести заработную плату к ее общей основе, т. е. к той части продукта собственного труда, который входит в индивидуальное потребление рабочего... и расширить его до того объема потребления, который, с одной стороны, допускается наличной производительной силой общества и которого, с другой стороны, требует полное развитие индивидуальности... т. е. если снять с заработной платы... капиталистический характер, то останутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства»⁴.

Из этого, на наш взгляд, следует, что употребление категории «заработная плата» при социализме старается неисторичностью. Перенос специфически капиталистической категории на другой способ производства есть признак либо непонимания социальной формы труда и его специфики при социализме, либо отсутствия этой специфики. Классики марксизма по отношению к будущему обществу понятие заработной платы не применяют. Хотя они и критиковали лассалевскую формулу «трудовой доход», но лишь за ее расплывчатость. Сам Маркс говорил об индивидуальном трудовом пае, который рабочий вносит в общество и получает за определенным вычетом равное отданному количеству труда, но в другой форме. Прямо указывает: «и содержание, и форма здесь изменились».

Косвенным подтверждением существующей сегодня методологической путаницы, по-видимому, служит и расчет себестоимости как денежного выражения затрат производственной единицы, составным элементом которых является заработная плата. А раз так, то себестоимость предполагает существование заданных цен. В таком случае нет никакой разницы, как характеризовалась заработная плата в капиталистических издержках производства: «Как элемент цены, величина которого дана раньше, чем произведен товар и товарная стоимость, как составная часть издержек производства, заработная плата представляется не частью всей стоимости товара... а, наоборот, величиной данной, определяющей собой заранее эту... стоимость,

т. е. представляется фактором, образующим стоимость и цену»⁵. Получается, что себестоимость при социализме заранее включает в себя то, что вообще не должно рассматриваться как непосредственное выражение цены (ведь рабочая сила в условиях общественной собственности на средства производства не может иметь цены). Если мы считаем, что в процессе производства имеется не цена рабочей силы, выражающая ее стоимость, а живой труд, который создает стоимость, но сам ее не имеет, то не должно быть разницы между авансированной и созданной стоимостью рабочей силы. И если то, что мы называем заработной платой — не есть оплата рабочей силы, значит, она должна выражать не издержки производства, а доход работников в результате создания чистого продукта общества. Таким образом, и существование фонда заработной платы, заранее исчисленного, методологически сомнительно. Если рабочая сила не является товаром, категория «заработная плата» при социализме не должна существовать — это качественно нечто другое.

Что же является причиной неисторической интерпретации категории заработной платы в теории дохода работника социалистического общества? Наш взгляд, это своеобразное подтверждение принципа отражения общественного бытия общественным сознанием. Коль скоро огосударствление средств производства принималось за реализацию действительного обобществления, отношения собственности не находили своей непосредственной формы реализации для работника: производство и распределение, не связанное с конечным результатом, вызвали своеобразную отчужденность труда, отношение к условиям производства не как к своим собственным, развитие подкрепленного этим чувства государственного наемного работника. В результате часть чистого продукта в денежном выражении действительно поступает как заработная плата, как цена рабочей силы.

Теоретический спор об употреблении термина «заработная плата» состоит не просто в том, является ли рабочая сила товаром или нет в условиях социализма. Ибо в марксистском понимании заработная плата есть превращенная форма стоимости рабочей силы, и если мы признаем за последней товарность, то логически встают вопросы о самой стоимости рабочей силы, действителности закона стоимости в сфере найма рабочей силы при социализме и т. п. Эти вопросы, связанные с сущностным аспектом заработной платы, вызывают серьезнейшие затруднения.

Объясняется это, на наш взгляд, следующими обстоятельствами. Мы имеем дело с денежной экономикой, где стоимость может проявляться только через цены. Маркс в десятой главе третьего тома «Капитала» точно указывал на некоторые принципы, которые могут позволить судить о стоимости через цены. Он говорит: для характеристики развитости рыночных отношений необходимо, чтобы обмен товаров не был случайным или редким явлением; чтобы товары «производились с той и другой стороны в количествах приблизительно соответствующих взаимной потребности в них, что устанавливается взаимным опытом, приобретаемом при сбыте»⁶, и чтобы не существовало никакой искусственной или естественной монополии, которая бы давала возможность устанавливать цены, отклоняющиеся от нормальной стоимости. Таким образом, эти принципы требуют хорошего знания рынка, развитости конкурентных отношений, т. е. фактически, по неоклассической терминологии, «экономики совершенной конкуренции». В этих условиях, по Марксу, закон стоимости в чистом виде проявляет свое действие.

Рассмотрим положение, сложившееся в отношениях найма, купли-продажи рабочей силы в условиях социализма. Нужно признать, что рынок рабочей силы носит у нас черты жесткого планирования, ибо спрос на рабочую силу и цена ее регулируются государственными органами. Объем занятости хотя и может меняться предприятием (объединением), но рамки возможного изменения чрезвычайно узки, так как имеется тот самый заранее заданный фонд заработной платы, о методологической сомнительности существования которого в условиях нетоварности рабочей силы мы уже говорили. В условиях товарности он реально объясним только особенностями экономических отношений по поводу рабочей силы. В том случае, когда государственный сектор является господствующим в экономике, покупателем рабочей силы практически является государство. Оно же в лице определенных организаций (Госкомтруд и т. д.) осуществляет регулирование трудовых отношений, в том числе договора найма. Здесь ярко проявляется один из видов монополии — монополия как монополия единственного покупателя определенного товара. Монополия сопровождается, во-первых, вне-

экономическим административным регулированием, во-вторых, экономическими особенностями дефицитного народного хозяйства. Если прямых административных запретов на перемену места работы уже не существует, скажем, запрещение трудоустройства в некоторых городах и районах без административного разрешения, а в целом, весь институт прописки значительно сокращают возможности перемещения рабочей силы (из-за нежелания потерять прописку или невозможности устройства на работу в желаемом районе без нее) по народному хозяйству. В локальных условиях, где прописка не играет такой роли, мобильность рабочей силы снижается из-за системы распределения различных благ (продукты питания, места в детсадах и яслях, ведомственное жилье, учреждения отдыха и т. п.) через госпредприятия. Так, человек, не удовлетворенный ни заработком, ни условиями труда, вряд ли уйдет с предприятия, где он состоит в очереди на получение квартиры. Он оказывается своеобразно «прикрепленным» к месту работы.

Множество ограничений, отсутствие высокой мобильности ведут к неконкурентности, зарегулированности рынка рабочей силы и сочетанию даже в рамках одного города избытка рабочей силы по одним профессиям с сильнейшим дефицитом по другим. Экономические силы спроса и предложения ничего не могут сделать в условиях такого неконкурентного труда, так как цена (ставки, оклады, тарифы) заранее определена и не может достаточно гибко колебаться.

Ясно, что подобный рынок явно не отвечает принципам и условиям, при помощи которых можно было бы судить о стоимости рабочей силы через ее цену, т. е. заработную плату. Ни один человек у нас, по-видимому, не знает, сколько могла бы стоить его рабочая сила действительно, а не по расценкам Госкомтруда.

Если взять за стоимость рабочей силы сумму необходимых для ее нормального воспроизводства товаров (по аналогии с тем, как это делали некоторые экономисты применительно к рабочей силе при капитализме¹, то мы в лучшем случае получим усредненную цену рабочей силы, так как товары и услуги, необходимые для удовлетворения потребностей работника, приобретаются не по стоимости, а по ценам, в том числе и рыночным. Но и тут следует иметь в виду, что если расходы на физиологические потребности еще можно условно рассчитать по медико-физиологическим нормам потребления, то та часть стоимости рабочей силы, которая включает в себя исторический и моральный элементы, не поддается учету, ибо здесь присутствуют потребности осознанного и неосознанного характера. Приоритеты потребностей очень различны, унифицировать их едва ли возможно.

Спрашивается: какие потребности и для каких слоев рабочего класса нужно включать в стоимость рабочей силы? Статистические исследования, в частности бюджеты расходов семей различных групп общества, могут отражать исторические изменения составных частей цены рабочей силы, но не могут рассматриваться как некий аналог ее стоимости.

Следует признать вслед за некоторыми зарубежными экономистами рынок труда одним из самых несовершенных рынков, а следовательно, и невозможность эмпирического определения стоимости рабочей силы. Однако известно, что стоимость есть основа цены. Так что же представляет собой качественная сторона заработной платы, может ли она при социализме рассматриваться как превращенная форма стоимости и цены одновременно?

В современной советской и зарубежной марксистской литературе существенный аспект заработной платы при социализме остается дискуссионным. На наш взгляд, проблема состоит в том, что если товарно-денежные отношения присущи социализму и здесь имеют место отчуждение труда, как и отношения найма между работником и государством, то рабочая сила принимает форму товара и употребление категории «заработная плата» оправдано. Если же рабочая сила не является товаром, то тогда получаемый работником доход количественно будет представлять собой определенную часть чистого продукта в денежном выражении.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 454.

² Там же. Т. 6. С. 599.

³ Там же. Т. 26. Ч. 3. С. 441.

⁴ Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 448.

⁵ Там же. С. 442.

⁶ Там же. С. 194.

⁷ См.: Рабочий класс и современный мир. 1978. № 6. С. 56 и далее.

УПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЕМ КАДРОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Главная особенность движения кадров как объекта управления состоит в его двуединой сущности — экономической и социальной, поэтому управление движением кадров сводится к регулированию поведения людей как в сфере труда, трудовой деятельности, так и в сфере потребления материальных и духовных благ.

Поведение людей определяется многими факторами и стимулами, в том числе и различного рода административными регламентациями и ограничениями. Однако не все возможно, да и не все целесообразно регламентировать. В ряде случаев административная регламентация вообще несовместима с целями социалистического общества и к тому же недостаточно эффективна, поскольку личные и коллективные интересы «пробивают себе дорогу» независимо от административных ограничений. Требуется целенаправленное косвенное регулирование поведения людей и трудовых коллективов путем воздействия на факторы, ее определяющие.

Планомерное развитие социалистической экономики вовсе не исчерпывается директивным централизованным планированием. Социалистическая система хозяйства располагает обширным арсеналом средств воздействия на экономические и социальные процессы, позволяющим определять масштабы и направления этих процессов. Под контроль общества могут быть поставлены и процессы движения кадров. Понятно, что управление перемещениями людей, одаренных волей и сознанием, намного сложнее, чем управление вещами, что при этом должны использоваться более совершенные и гибкие методы воздействия, что, наконец, границы планомерности в области движения трудовых ресурсов уже, чем в других областях экономики.

В чем же конкретный смысл управления движением и, в частности, его преобладающей на современном этапе неорганизованной формой — текучестью кадров? Управлять текучестью — это значит планомерно и целенаправленно воздействовать на факторы, причины, ее порождающие, на снижение потерь от нее¹. Целью этого управления является создание таких социально-экономических условий, при которых поведение людей соответствовало бы интересам народного хозяйства, предприятия, развития личности. В общем виде цель социально-экономического регулирования текучести кадров можно сформулировать следующим образом: обоснование оптимальных размеров текучести кадров и, следовательно, определение общественно-необходимых социально-экономических условий, обеспечивающих реализацию этого оптимума. Другими словами, цель сводится к созданию благоприятных условий для производственной и социальной деятельности людей, обеспечивающих эффективное использование способности человека к труду, повышение материального благосостояния населения и всестороннее развитие личности, что согласуется с высшей целью социализма (коммунизма)².

Текучесть кадров — сложное социально-экономическое явление, определяемое целым комплексом причин (условиями труда, быта, психологическим климатом в коллективе, региональными условиями и т. д.). Регулировать текучесть кадров можно, воздействуя на все стороны деятельности предприятия посредством комплекса согласованных мер, проводимых в масштабе всего народного хозяйства, отраслей, регионов и отдельных предприятий.

Целевой функцией системы мер по управлению текучестью кадров с позиции хозрасчетного предприятия должно быть ограничение социально-экономического ущерба, наносимого ему сменяемостью работников, и формирование личности труженика, постоянная забота о «наиболее полном удовлетворении растущих материальных и духовных потребностей» его³. При этом степень ограничения текучести кадров может быть количественно определена на основе данных о той ее части, управление которой лежит вне сферы реальных возможностей предприятия. Сложившаяся структура мотивов увольнений по собственному желанию позволяет, в известной мере, выделить причины, устранение которых в значительной степени зависит от предприятия.

При решении проблемы управления текучестью кадров, на наш взгляд, необходимо выделить и отдельно рассматривать каждую из следующих трех основных групп факторов: 1) личностные факторы — социально-демографические параметры производственного коллектива (средний возраст работников, соотношение разных возрастных групп, уровень образования, сред-

ний стаж работы на предприятии и по профессии); 2) факторы, внешние по отношению к предприятию (демографическая ситуация в данном регионе, климатические условия и т. п.); 3) факторы, возникающие на самом предприятии (организация рабочего места, степень механизации труда, состояние системы материального стимулирования, санитарно-гигиенические условия труда и бытовое обслуживание работников, обеспеченность жильем и детскими дошкольными учреждениями).

Если по отношению к первой и второй группам должны быть предусмотрены учет и анализ факторов и определены возможности смягчения или усиления их влияния, то третья группа факторов должна рассматриваться на предприятии как объект активного изменения и оптимизации.

Если учесть структуру мотивов увольнений по собственному желанию, то можно считать неизбежными примерно 60 % увольнений. Это означает, что при существующей структуре увольнений на предприятиях промышленности страны коэффициент неизбежного оборота по выбытию с учетом естественной убыли должен быть, по нашим расчетам, равен около 18 %, а коэффициент текучести 7 вместо фактического 12 %⁴, что соответствует уровню текучести кадров на передовых предприятиях страны. Следовательно, львиная доля устранения причин текучести кадров лежит в компетенции самих предприятий.

Предупреждение реальных увольнений должно основываться не только на анализе структуры мотивов увольнений рабочих по собственному желанию, но и на анализе данных об уровне и мотивации потенциальной текучести, так как именно на этапе готовности работника к уходу с предприятия можно определить, чем вызвана неудовлетворенность данным местом работы и как снизить эту неудовлетворенность, предотвратить тем самым увольнение работника.

Разумеется, нельзя надеяться, что устранение той или иной причины текучести кадров незамедлительно скажется на снижении уровня текучести. Качественный состав (социально-демографическая структура), ценностные установки трудовых коллективов, отдельных работников динамичны. Это влечет за собой изменения требований к условиям трудовой деятельности и изменения в мотивации текучести кадров. Поэтому требуется следить за постоянно изменяющейся информацией о состоянии текучести кадров и своевременно проводить ее анализ.

Процесс управления текучестью кадров можно представить как совокупность управленческих воздействий, направленных на формирование удовлетворенности работника данным предприятием, конкретным рабочим местом. По степени удовлетворенности могут быть выделены четыре группы работников: а) полностью удовлетворенные рабочим местом, предприятием; б) находящиеся в состоянии готовности к уходу с предприятия, к смене рабочего места, но не принявшие окончательного решения о перемещении; в) принявшие решение о переходе на другое место внутри предприятия; и г) принявшие решение об увольнении из-за неудовлетворенности какими-либо элементами организации производства.

В первом случае не возникает текучести кадров, во втором — имеет место потенциальная текучесть, в третьем — внутреннее движение, которое может перерасти в реальную текучесть, если своевременно не решить эту проблему, и в четвертом — реальная внешняя текучесть.

Нужно учитывать, что степень удовлетворенности работника местом работы во многом зависит от особенностей организации производства, и именно здесь находятся основные возможности ограничения текучести кадров (улучшение условий труда, совершенствование системы материального стимулирования, использование прогрессивных форм организации труда и т. д.). Вместе с тем, как уже отмечалось выше, следует учитывать и влияние личностных характеристик работника, определяющих мотивацию его поведения, а также наличие многочисленных внешних факторов, влияющих на принятие решения об увольнении (это может быть и такой частный фактор, как желание жить в иных климатических условиях, и такой общий фактор, как обеспеченность региона трудовыми ресурсами). Если изменение личностных характеристик работника (например, квалифицированного рядового) частично зависит от предприятия и может быть планомерно предусмотрено, то по отношению к внешним факторам предприятие может выполнять только функцию учета при управлении текучестью кадров.

Комплексность проблемы текучести кадров определяет необходимость долевого участия в управлении им всех служб предприятия. Функции каждой службы должны быть четко определены. Координацию работ по управ-

лению текучестью кадров целесообразно поручить отделу кадров предприятия (или заместителю директора по кадровым вопросам). В настоящее время, когда основное внимание уделяется коллективным формам организации труда, при проектировании системы нужно определить место и роль в решении проблемы линейных руководителей, прежде всего бригадиров, а также мастеров участков, начальников цехов.

Поскольку на многих предприятиях страны нет отработанных форм и методов анализа мотивов увольнений работников по собственному желанию и к тому же, как правило, не ведется систематическое изучение причин и мотиваций потенциальной текучести, то мнение руководителей о преобладающих мотивах увольнения формируется интуитивно. Однако для принятия эффективных мер по сокращению потока увольнений необходима достоверная информация об уровне и основных мотивах как реальной, так и потенциальной текучести на каждом предприятии, на каждом участке производства. Эти и ряд других обстоятельств (высокий уровень текучести кадров, необходимость максимального учета потребностей рабочих, внимание к самому человеку труда) настоятельно требуют создания и функционирования на предприятиях социологических служб, бюро социально-производственной информации.

Основные пути регулирования текучести кадров предприятия могут быть представлены следующими тремя направлениями: координация форм движения кадров; совершенствование производственной адаптации кадров; улучшение условий труда и быта.

Ясно, что часть работ может выполняться в границах совершенствования производственно-технических и социально-экономических условий предприятия безотносительно к проблеме текучести кадров. С учетом же существования последней определяется первоочередность усилий по организации условий труда и выполняется их дифференциация на отдельных участках производства.

Такие же группы работ, как контроль за процессом адаптации поступающих на предприятие работников и координация отдельных форм движения кадров, специфичны, необходимость их выполнения порождена проблемой стабилизации производственного коллектива.

¹ См.: Экономические закономерности воспроизводства трудовых ресурсов и эффективность их использования. Л., 1987. С. 129.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 232; Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 151.

³ Закон СССР о государственном предприятии (объединении). М., 1987. С. 1.

⁴ См.: Народное хозяйство СССР в 1988 году: Статистический ежегодник. М., 1989. С. 376.

М. Г. МУТАЛИМОВ, А. Г. ФОЛЕЖИНСКИЙ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В АРЕНДНЫХ КОЛЛЕКТИВАХ

Проблемы заработной платы в любом коллективе на современном этапе развития экономики приобретают особое значение. Это объясняется, во-первых, развитием различных форм собственности и связанным с этим расширением демократизации управления. Эти процессы сопровождаются пересмотром пропорций распределения доходов предприятий и выработкой новых подходов к материальному стимулированию участников производства. Во-вторых, изменением роли государства как субъекта распределительных отношений, связанным с ограничением функций центральных органов управления и расширением прав предприятий в области заработной платы. В-третьих, усилением значения воспроизводственного аспекта в организации заработной платы, что вызвано значительным отставанием уровня и динамики реальной заработной платы от уровня и динамики обеспечения общественно нормального потребления трудящихся, а также резким обострением ситуации на потребительском рынке. В-четвертых, созданием нового мотивационного механизма труда, способного обеспечивать материальное стимулирование работника и как труженика, и как собственника, который не реализуется автоматически, а требует концептуальной отработки принципов формирования заработной платы. В-пятых, особыми требованиями к во-

просам организации заработной платы, предъявляемыми процессом перехода к рыночным отношениям. Именно здесь возникают условия правильного измерения трудового вклада работника и объективной его оценки, более достоверно учитываются количество, качество и результаты труда.

Однако в последние годы, несмотря на введение новых условий оплаты труда, заметного усиления связи размеров оплаты с количеством и качеством труда, а также с его результатами не произошло. Чрезмерная централизация и регламентация, уравнивательные тенденции в оплате привели к снижению индивидуальной заинтересованности в эффективном труде, необоснованным перекосам в распределительных отношениях. По прежнему сохраняются традиционные многоканальные, дублирующие друг друга, с уравнительными подходами методы организации заработной платы. Они характеризуются:

- 1) слабой связью основной части заработка с результатами труда коллектива бригады, цеха, предприятия;
- 2) незначительным уровнем дифференциации элементов системы оплаты труда и, следовательно, невысоким стимулирующим воздействием;
- 3) дублированием отдельных структурных элементов заработной платы, снижающим эффективность распределения по труду;
- 4) сохранением существенных ограничений размеров доплат и надбавок, что снижает их применяемость и порог воздействия на производительность индивидуального труда;
- 5) отсутствием объективных критериев и подходов к расчету размеров и дифференциации элементов системы.

В организации заработной платы более последовательно должен проводиться принцип: везде нужна справедливая оценка труда. Если труд нужен и важен, то должен соответственно оплачиваться, а если нет, то не следует сохранять такие рабочие и служебные места. Целесообразна твердая привязка вознаграждения к результатам труда. Стабильность заработной платы часто парализует людей, ибо, как хорошо ни трудись, ни повышая коэффициент своего полезного действия, все равно больше не получишь.

Большого соответствия меры труда и меры вознаграждения добиваются в арендных коллективах. Здесь получают развитие такие направления совершенствования заработной платы, как ее формирование на основе интегральной оценки трудового вклада с помощью распределительных коэффициентов (КТВ, КТУ, качества труда), нормативно-долевой способ (бестарифный), раздельной оценки трудового вклада с применением новых элементов в системе оплаты труда, по паям, по трудовым дням.

На Могилевском заводе «Красный металлист», где внедрена арендная форма хозяйствования, в цехе укупорочных изделий гарантированная часть фонда заработной платы распределяется между членами коллектива по отработанному времени и коэффициенту трудового участия (КТУ), расчетному. За расчетный КТУ принимается базовый, скорректированный в зависимости от участия работника в текущем периоде по повышающим и понижающим показателям. Базовый КТУ определен каждому члену подрядного коллектива цеха по профессиям, должностям отдельно, делением средней месячной плановой зарплаты по тарифным ставкам либо окладам на расчетную среднюю зарплату одного работника подрядного цеха. Для получения права распределять поощрительный фонд заработной платы коллективу необходимо выполнить все условия положения о премировании, действующего на предприятии. Его распределение производится аналогично гарантированному фонду зарплаты.

Однако данный способ формирования индивидуального заработка не удовлетворяет работников завода. Новый метод, принятый к внедрению в 1990 г., основывается на опыте Вешкинского опытно-производственного комбината торгового оборудования (Московская область). Разрабатываемые предложения характеризуются нормативно-долевым подходом к определению заработной платы работника. Она зависит от квалификационного уровня работника, КТУ и отработанного времени. Квалификационный уровень работника играет роль тарифного разряда с тем различием, что дифференциация квалификационных уровней основывается на дифференциации по величине заработной платы. Поэтому «тарификация» работников по квалификационным уровням зависит в большей степени не от сложности выполняемых работ, а от индивидуальной производительности работника, выраженной в относительной величине. Здесь, во-первых, налажена прямая, а не опосредствованная связь заработка работника с коллективной производительностью труда, во-вторых, личный вклад каждого максимально индивидуализируется, и,

в-третьих, система ориентирует работника на повышение квалификации без ограничений по профессионально-категорийной принадлежности к выполняемой работе.

Анализ изменений в структуре заработной платы различных групп работников, проведенный на основе текущей отчетности предприятий, показывает наличие следующих тенденций:

1. Сокращение удельного веса тарифной части зарплаты. На Могилевском заводе «Красный металлист» уровень тарифной части за 1989 г. снизился у рабочих на 9,2 %, руководителей — на 9,1, у специалистов — на 7,4, других служащих — на 18,7 %. На Минском гормолзаводе № 1, где также внедрена арендная заработная плата, снижение соответственно по категориям составило 5,6, 4,1 и 11,9 %.

2. Незначительный рост выплат по действующим премиальным системам, включая специальные системы, и вознаграждениям. У рабочих «Красного металлиста» он составил 6,2 %, на гормолзаводе № 1 небольшое снижение — 0,7 %. При этом на гормолзаводе № 1 выплаты по текущему премированию увеличились в основном за счет категорий руководителей, специалистов и других служащих на 22,4 тыс. руб. (или более чем в два раза).

На заводе «Красный металлист» премирование по результатам основной деятельности претерпело значительные изменения. Основным показателем выплаты поощрительного фонда для всех подразделений и служб является выполнение плана по доходу и поставок продукции в соответствии с договорами. При невыполнении основного показателя премия не начисляется, при выполнении ее размер определяется по коэффициенту трудового вклада, который рассчитывается отдельно для каждого структурного подразделения и службы предприятия.

Для основных цехов и участков, кроме основного для всех показателя, равного 0,4, включено: выполнение плана производства продукции в установленном ассортименте — 0,2; обеспечение установленного уровня ритмичности — 0,1; получение средней оценки качества выпускаемой продукции не ниже 4-х баллов — 0,1; выполнение доведенного уровня материальных затрат — 0,2. Для отделов и служб управления установлены свои специфические показатели работы, достижение которых определяет общий размер КТВ. Для директора завода КТВ определяется по выполнению плана по доходу — 0,4 и среднему КТВ четырех важнейших отделов аппарата управления — планово-производственного, труда и кадров, бухгалтерии и ОТК. Сумма поощрительного фонда, направляемого на премирование, зависит от результатов образования единого фонда оплаты труда за отчетный период.

3. Введение нетрадиционного элемента заработной платы — дополнительного поощрительного фонда как разницы между образованным фондом оплаты труда предприятия и фактически начисленным за отчетный период. На гормолзаводе № 1 дополнительный поощрительный фонд оплаты распределяется пропорционально плановому фонду оплаты труда завода на отчетный период, рассчитанному по тарифным ставкам, должностным окладам, надбавкам за профессиональное мастерство и постоянным доплатам за расширение зон обслуживания, с учетом коэффициента значимости. Последний утвержден Советом трудового коллектива завода в размере: для директора и работников сметанно-творожного цеха — 1, для специалистов, служащих и работников вспомогательного производства — 0,9. Трудовым коллективом «Красного металлиста» принято распределение поощрительного фонда по итогам года пропорционально непрерывному стажу работы на заводе, среднему фактическому заработку, исчисленному за 11 месяцев отчетного года.

За счет дополнительного фонда оплаты труда заработная плата промышленно-производственного персонала на «Красном металлисте» и гормолзаводе № 1 соответственно выросла на 7,6 и 5,3 %.

4. Влияние надбавок и доплат на изменение структуры заработной платы было разным. На гормолзаводе № 1 доплаты рабочим за профессиональное мастерство, за работу в вечернюю и ночную смены, за совмещение профессий и расширение зон обслуживания увеличились, что повысило удельный вес этой части зарплаты у рабочих на 1,3 %. Наоборот, в связи с осуществленным в 1989 г. переводом руководителей, специалистов на новые условия оплаты труда по Постановлению ЦК КПСС, СМ СССР, ВЦСПС № 1115 от 17 сентября 1986 г. у данной категории работников уровень надбавок уменьшился на 2,0—4,1 %. На «Красном металлисте» рост доплат и надбавок произошел по всем категориям работающих: руководители — на 4,3 %; рабочие — 0,9; специалисты — 1,6; другие служащие — 6,7 %.

Таким образом, на арендных предприятиях преобладающим направлением в изменении структуры индивидуальной заработной платы становится рост ее переменной части, что связано с установлением более тесной связи заработной платы с конечными результатами труда. В этом же направлении действует и тенденция к распространению безэлементного построения заработной платы. Традиционные элементы оплаты труда используются в той степени, в которой они не исчерпали свои возможности обеспечивать материальное стимулирование эффективного труда в условиях аренды. Так, за год работы на аренде фактические показатели по доходу превысили запланированный уровень на Минском гормолзаводе № 1 на 13,6 %, на Могилевском заводе «Красный металлист» — на 15,7 %. При этом прирост производительности труда, рассчитанный по показателю товарной продукции в постоянных ценах, составил соответственно 11,3 и 16,4 %. Усилиями трудовых коллективов созданы дополнительные фонды, расширяющие возможности этих предприятий по производственному и социальному развитию.

Т. А. БЕЛОВА

О ПОНЯТИИ НЕОБХОДИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В последние годы в судебной практике и в теории гражданского процесса все шире стал применяться термин «необходимые доказательства». Пленум Верховного суда РСФСР еще в постановлении от 19 марта 1969 г. № 49 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»¹ (ныне утратившем силу) указывал, что одной из задач подготовки дела является определение круга необходимых для его разрешения доказательств, без которых оно не может быть назначено к судебному разбирательству.

Указание на необходимые доказательства есть и в постановлениях пленума Верховного суда СССР по конкретным категориям дел. В частности, в п. 4 постановления от 5 сентября 1986 г. № 13 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья» пленум обратил внимание нижестоящих судов на то, что до внесения дела в судебное заседание судья должен истребовать от сторон или по своей инициативе необходимые доказательства и назвал их². Термин этот чаще стал использоваться в определениях и постановлениях судов, пересматривающих решения судов первой инстанции в кассационном и надзорном порядке и дающих им соответствующие указания.

В научном плане проблема необходимых доказательств впервые поставлена А. С. Козловым. Анализируя ее, он пришел к выводу, что необходимыми доказательствами по гражданским делам следует считать такие конкретные средства доказывания (вид документа, заключение эксперта), использование которых при установлении определенных фактов по различным категориям гражданских дел обязательно в силу их высокой информативности и реальной возможности представления в процесс³.

По-другому определено понятие необходимых доказательств в практическом пособии «Необходимые доказательства и практика их использования в гражданском процессе». Составители его считают необходимыми письменные доказательства, содержащие сведения, нужные для правильного разрешения требования. Если по объективным причинам их истребование невозможно, судьи вправе обосновать решение на других средствах доказывания⁴.

Последнее определение вызвало критические замечания С. В. Никитина, который указывает, что оно расплывчато и не отражает специфических черт необходимых доказательств. По его мнению, доказательство приобретает свойство необходимого вследствие того, что нормативно-правовым предписанием установлена фиксация ряда фактов (сведений о фактах) в специальной форме (в виде акта, диплома и т. д.) или вследствие общего требования закона (это касается заключений экспертов)⁵.

Представляется, что С. В. Никитин не совсем прав, и в данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда слово «необходимый» используется в двух несколько отличающихся друг от друга значениях.

Авторы практического пособия понимают под необходимыми те доказательства, без которых нельзя обойтись при разрешении дела, обеспечивающие установление объективной истины и вынесение законного и обоснованного судебного решения. В этом значении понятие необходимых доказательств охватывает требуемые по каждому гражданскому делу доказатель-

ства и представляет собой программу, в соответствии с которой суд должен собирать их, что, разумеется, не исключает изменений в этой программе с учетом конкретных обстоятельств дела. Именно в этом значении говорится о необходимых доказательствах, на наш взгляд, и в руководящих разъяснениях пленума Верховного суда СССР, в частности в вышеназванном постановлении.

Несколько иной, но в равной мере имеющий право на существование, смысл вкладывают в понятие необходимых доказательств А. С. Козлов и С. В. Никитин. Они связывают использование необходимых доказательств, в силу их «большей информативности, доступности формы, точности передачи информации и ее сохранности», с установлением определенных фактов, имеющих значение для разрешения дела. Соглашаясь, что возможна и такая трактовка этого понятия, полагаем, однако, недостаточно убедительными утверждения, что отсутствие необходимого доказательства должно повлечь отмену постановленного решения как необоснованного. В подтверждение данного тезиса А. С. Козлов ссылается на примеры из судебной практики, которые при ближайшем рассмотрении вряд ли способны его подтвердить. Так, необходимым доказательством по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья при исполнении трудовых обязанностей, является заключение технического инспектора профсоюза, отсутствие которого, по мнению А. С. Козлова, влечет отмену судебного решения. При этом автор приводит примеры, в одном из которых суд ограничился объяснениями сторон и показаниями свидетелей, а в другом — только объяснениями сторон⁶. Разумеется, при таких обстоятельствах у вышестоящих судов были все основания усомниться в обоснованности судебных решений и отменить их. Вполне объяснимо также указание истребовать акт о несчастном случае и заключение технического инспектора профсоюза. Целесообразность их использования связана с тем, что они способны привести к истине кратчайшим путем. Но если по какой-либо причине это невозможно, суд вправе использовать любые другие доказательства, отвечающие правилам относимости и допустимости. Судебная практика знает примеры, когда факт несчастного случая устанавливался при рассмотрении дела не актом, а другими доказательствами⁷.

Доводы против придания необходимым доказательствам исключительно характера можно найти и в нормативных актах. Так, в Правилах возмещения ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей, и в инструкции по их применению перечислена целая группа письменных доказательств, которые могут подтверждать вину организации и при этом сделана оговорка, что с такой целью возможно использование и других документов, а также показаний свидетелей (соответственно п. 1 и п. 2). При этом нет никаких оснований утверждать, что одни из них могут быть использованы только наряду с другими, необходимыми. Более того, при решении вопроса о возмещении ущерба истребование заключения технического инспектора труда не обязательно, так как оно составляет не во всех случаях, хотя при необходимости (в спорных, сомнительных случаях) заключение технического инспектора является важным и авторитетным доказательством⁸.

Таким образом, согласиться с предлагаемой оценкой значения необходимых доказательств, на наш взгляд, нельзя. В противном случае понятие необходимых доказательств, как обеспечивающих наиболее быстрый и рациональный путь к познанию объективной истины по делу, подменяется понятием единственно возможных, без которых дело не может быть разрешено по существу.

В связи с введением в научную терминологию и судебную практику понятия необходимых доказательств появилась опасность смешения их с допустимыми. Тем более, что в литературе различные авторы одними и теми же примерами иллюстрируют положения и о допустимых, и о необходимых доказательствах.

А. С. Козлов отличие в использовании необходимых доказательств от допустимых видит в том, что, согласно частным правилам допустимости, при установлении определенных обстоятельств запрещается использовать свидетельские показания, в то время как требование приобщить к делу необходимые доказательства не исключает возможности использования иных средств доказывания⁹. С этим можно согласиться с одним существенным уточнением: не исключается использование других средств доказывания не только наряду с необходимыми, но в случае нужды и без них.

Необходимые доказательства во втором значении (как совокупность доказательств, которая обеспечивает вынесение законного и обоснованного судебного решения) — понятие более широкое. Если закон по данной конкретной категории дел предусмотрел ограничения в использовании средств доказывания, то в состав необходимых доказательств входят и допустимые.

Различать эти понятия важно именно из-за тех ограничений, которые составляют сущность правила допустимости, чтобы в судебной практике были исключены ошибки, связанные с отказом от использования всех предусмотренных законом средств доказывания по мотивам не основанного на законе широкого толкования правил допустимости.

Выделение по каждой категории дел круга необходимых доказательств имеет целью обеспечить возможность наиболее быстрого и правильного их разрешения. При этом необходимо иметь в виду, что особенности каждого конкретного дела могут потребовать соответствующего изменения этих доказательств.

¹ См.: Сборник постановлений пленума Верховного суда РСФСР (1961—1977). М., 1978. С. 70.

² См.: Бюллетень Верховного суда СССР. 1986. № 6.

³ См.: Козлов А. С. Актуальные проблемы теории доказательств в науке гражданского процесса: Учеб. пособие. Иркутск, 1980. С. 42.

⁴ См.: Необходимые доказательства и практика их использования в гражданском процессе: Практич. пособие / Н. И. Богатырев, И. М. Зайцев, А. В. Тимофеев и др. Саратов, 1987. С. 4.

⁵ См.: Правоведение. 1988. № 6.

⁶ См.: Советская юстиция. 1979. № 2. С. 21—22.

⁷ См.: Бюллетень Верховного суда СССР. 1978. № 4. С. 27.

⁸ См.: Захаров М. Л. и др. Возмещение ущерба: Комментарий к законодательству. М., 1988. С. 51.

⁹ См.: Советская юстиция. 1979. № 2. С. 22.

В. М. ХОМИЧ

СИСТЕМА ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Совершенствование уголовного законодательства в связи с предстоящей его реформой — вопрос чрезвычайно ответственный. Сегодня, как никогда, очевидно, что в новом уголовном законодательстве необходимо прежде всего учесть прогрессивные тенденции уголовной политики, исходящие из глубинных закономерностей «развития» преступности и борьбы с ней в условиях прогнозируемого совершенствования общества. В указанном аспекте особый интерес представляет вопрос о концептуальном подходе к регламентации института уголовной ответственности в новом уголовном законодательстве.

Содержание проекта Основ свидетельствует о том, что при его разработке не в полной мере учитывалась (и учитывается) все более возрастающая тенденция усиления воспитательных начал в механизме осуществления уголовной ответственности. Система проекта Основ (известно уже три варианта проекта) зиждется исключительно на концепции, рассматривающей наказание в качестве единственного имманентного последствия преступления.

Правильность данного подхода вызывает сомнения хотя бы потому, что наказание как правовой феномен — синоним любой кары: уголовной, административной, дисциплинарной и т. д. К тому же уголовное наказание — хотя и основная, но не единственная и не всеобъемлющая мера, реализующая уголовно-правовое последствие преступления. Известны меры уголовно-правового воздействия, не связанные с применением наказания в отношении лица, совершившего преступление: условное осуждение, отсрочка исполнения наказания, освобождение несовершеннолетнего от наказания с применением принудительных мер воспитательного характера, осуждение без применения наказания. К сожалению, система проекта Основ не выражает в единстве все многообразие уже существующих и возможных в будущем мер уголовно-правового воздействия, поскольку сама эта система исходит из наказания.

Между тем общим, что объединяет данные меры уголовно-правового воздействия, является то, что все они реализуют уголовную ответственность, выступающую в качестве системообразующего правового феномена как по-

следствия преступления. Поэтому исходным элементом при построении в законодательстве системы мер уголовно-правового воздействия, на наш взгляд, должен стать институт уголовной ответственности. В этой связи одной из важнейших задач законодательного совершенствования механизма уголовной ответственности является актуализация всех элементов содержания и форм реализации уголовной ответственности.

Основу уголовной ответственности образует социально-правовая оценка лица, совершившего преступное деяние, как преступника, составляющая сущность и содержание государственного осуждения, провозглашаемого в обвинительном приговоре суда. Государственное осуждение — один из существенных элементов морально-психологического воздействия уголовной ответственности. В ряде случаев уголовная ответственность может и должна ограничиваться фактом осуждения лица, совершившего преступление. Задача законодателя здесь состоит в том, чтобы посредством определенных правовых средств актуализировать данный элемент уголовной ответственности, сделать государственное осуждение в определенной мере динамическим средством психологического воздействия на осужденного.

Государственное осуждение преступника и совершенного им преступления есть состояние осужденности (судимости), которое является имманентным свойством уголовной ответственности. Оно аккумулирует в себе весь процесс реализации уголовной ответственности, заканчивающийся снятием или погашением судимости. На его основе осуществляются иные меры воздействия уголовной ответственности: наказание, условное применение наказания, отсрочка исполнения наказания, принудительные меры воспитательного характера. Можно сказать, что уголовная ответственность заключается в государственном осуждении лица, совершившего деяние, как преступника и в осуществлении на основе осуждения по отношению к нему предусмотренных уголовным законом иных мер воздействия.

Состояние осуждения (судимости) может ограничиваться актом вступления обвинительного приговора в силу или продолжаться в течение определенного срока, необходимого для исправления преступника путем воздействия (только или уже только) фактом осуждения и связанных с ним мер правовой и общественной ресоциализации. В этой связи для повышения эффективности уголовной ответственности в форме так называемого «чистого» осуждения целесообразно установить, что состояние осужденности (судимости) в подобных случаях по решению суда может устанавливаться на определенный срок (скажем, один-два года), а не ограничиваться актом осуждения (хотя в некоторых случаях должно быть допустимо и такое).

Состояние осужденности оказывает (должно оказывать) самостоятельную дозу карательного воздействия, которое определяется прежде всего нахождением осужденного в течение срока осужденности под контролем государственных органов, призванных обеспечивать и контролировать его исправление и испытание. Сегодня можно говорить о таких органах только в отношении реализации отдельных видов мер уголовной ответственности, не связанных с применением наказания (условного осуждения, отсрочки исполнения приговора). Необходимо серьезно подумать о создании системы специализированных органов государства, которые занимались бы исключительно реализацией специальных мер воздействия, ограничения, контроля и воспитания в отношении преступников, подверженных уголовной ответственности, не связанной с применением наказания.

Из факта осужденности лица (обязанного находиться под контролем) вытекает возможность возложения на него других конкретизированных обязанностей, ограничивающих личную свободу осужденного, в частности: давать исчерпывающую информацию о своем поведении, являться в соответствующий орган по его требованию, соблюдать ограничения, установленные данным органом, не уклоняться от общественного воздействия и испытания со стороны общественности и коллективов, включенных в систему субъектов, призванных осуществлять воспитание осужденного. Система допустимых (возможных) мер контроля и ограничения, направленных на исправление преступника и предупреждение новых преступлений, должна быть всесторонне продуманной и законодательно закрепленной как применительно к акту осужденности лица (состоянию судимости), так и к отдельным (другим) формам реализации уголовной ответственности, основанным на применении особых мер воздействия, но не являющихся наказанием (актуализированная угроза наказанием, принудительные меры воспитательного характера и т. д.). Полагаем, что уголовная ответственность, реализуемая посредством осуждения, а также путем осуждения, соединенного с применением наказа-

ния, условным применением наказания, специальных мер контроля и ограничения, применением принудительных мер воспитательного характера, требует системного законодательного закрепления мер, их реализующих. При этом в уголовном законе должна быть установлена общереализующая мера ограничения, вытекающая из акта осуждения — подверженность лица контролю со стороны специальных органов государства, применение в рамках данной обязанности по решению суда особых ограничений, направленных на исключение возможности совершения новых преступлений (административный надзор), а также специальные меры ограничения, связанные с индивидуализацией той или иной формы реализации уголовной ответственности. Что касается системы деятельности специальных органов государства, направленной на утверждение установленных мер воздействия уголовной ответственности на осужденного, то она должна строго соответствовать характеру той меры, которая применяется в данном конкретном случае, и регулироваться уголовно-исполнительным законодательством.

Формулируя в ст. 2 проекта Основ задачи уголовного законодательства, ч. 2 указанной статьи «... устанавливает наказание, а также предусматривает иные меры воздействия, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступление». Таким образом, проект Основ исходит из того, что уголовная ответственность не сводится только к наказанию, она может и должна выражаться в иных мерах уголовно-правового воздействия. Однако в дальнейшем мы не находим объяснения тому, что же представляет собой уголовная ответственность, в чем она выражается? К числу иных мер воздействия уголовной ответственности, наряду с наказанием, проект Основ относит условное осуждение (ст. 52) и отсрочки исполнения наказания (ст. 53). А как быть с такими формами реализации уголовной ответственности, как освобождение виновного по приговору суда от наказания, если он после совершения преступления, вследствие безупречного поведения и честного отношения к труду, не является более общественно опасным (ч. 3 ст. 58 проекта Основ), или освобождение несовершеннолетнего от наказания с применением к нему судом принудительных мер воспитательного характера (ч. 2 ст. 70 проекта Основ). В указанных случаях виновный в соответствии с законом несет уголовную ответственность, но без применения наказания. В свою очередь, относя указанные нормы к институту освобождения от наказания, мы принижаем акт привлечения к уголовной ответственности. Вопрос о правовой природе данных мер воздействия должен быть пересмотрен в плане закрепления их в качестве самостоятельных форм реализации уголовной ответственности.

Вызывает опасение регламентация в проекте Основ и такой формы уголовной ответственности, как применение судом к несовершеннолетнему вместо наказания принудительных мер воспитательного характера. Во-первых, хотя в законе и говорится о том, что в данном случае несовершеннолетний освобождается от наказания, четкой разницы между данной мерой воздействия и освобождением несовершеннолетнего от уголовной ответственности с передачей материалов в комиссию по делам несовершеннолетних не предусмотрено. В частности, в ч. 2 ст. 20 проекта Основ не говорится о том, что принудительные меры воспитательного характера к несовершеннолетнему применяются по приговору суда, хотя предполагается, что в данном случае несовершеннолетний несет уголовную ответственность. Во-вторых, в соответствии с действующим процессуальным законодательством большинства союзных республик, в случае применения указанных мер вместо наказания суд выносит не обвинительный приговор (как следовало бы), а определение о прекращении дела.

Между тем применение судом принудительных мер воспитательного характера вместо наказания должно осуществляться на основе приговора, т. е. уголовно-правового осуждения несовершеннолетнего как преступника, и об этом должно быть прямо сказано в законе. Принудительные меры воспитательного характера в отношении несовершеннолетних сами по себе не могут рассматриваться как уголовно-правовые (по своей социальной природе — это средства административно-общественного воздействия). Уголовно-правовыми они становятся только в сочетании с осуждением несовершеннолетнего как преступника на основе приговора суда.

Для большей актуализации данной формы уголовной ответственности несовершеннолетних преступников следовало бы также установить, что осуждение несовершеннолетнего с применением к нему принудительных мер воспитательного характера может по решению суда сопровождаться судимостью до одного года с момента вступления приговора в силу.

Необходимо системное изложение в законе всех известных мер воздействия (включая наказание) и форм реализации уголовной ответственности в рамках одного раздела «Об уголовной ответственности», который должен находиться сразу же за разделом «О преступлении». В рамках данного раздела в определенном порядке (возможно, с выделением подразделов) должна быть определена система видов уголовной ответственности и мер ее реализации, четко сформулированы основания и порядок применения каждого вида ответственности.

В. Н. САТОЛИН

ПЕРВАЯ КОДИФИКАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БРАКЕ И СЕМЬЕ БЕЛОРУССКОЙ ССР

Как известно, в первые годы Советской власти на территории белорусских губерний действовали законодательные акты РСФСР, в том числе и Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. В этом Кодексе были закреплены и получили дальнейшее развитие основные принципиальные положения, сформулированные в первых декретах Советского правительства о браке и семье, а также отношения по опеке и попечительству. Однако, наряду с безусловно положительными сторонами, в нем скоро обнаружилось и существенные недостатки. Так, например, недостаточно полно и детально в этом нормативном акте регламентировались взаимоотношения между супругами, между родителями и детьми, а такой важный институт в области рассматриваемых отношений, как усыновление, Советской властью совсем не признавался и оставался не урегулированным нормами права.

Но было бы неправильно думать, что новая кодификация брачно-семейного законодательства требовалась только потому, что необходимо было устранить указанные пробелы и недостатки. За годы, прошедшие со дня принятия упомянутого Кодекса, в Советском Союзе произошли значительные изменения как в сфере материальных условий (страна перешла к новой экономической политике), так и в сознании населения, которые также необходимо было учитывать.

В Белоруссии в это время по-прежнему основным законодательным актом в сфере брачно-семейных отношений оставался Кодекс РСФСР 1918 г. Объясняется это, на наш взгляд, прежде всего тем, что БССР, объявившая 1 января 1919 г. о своей самостоятельности и независимости, по существу таковой тогда не стала. Несомненно, сказались частые смены власти, правительства в условиях войны, иностранной интервенции, отсутствие квалифицированных кадров. Кодификация законодательства о браке и семье в БССР становилась необходимостью. Республике нужен был свой кодекс, который учитывал бы ее национальные, бытовые, религиозные и экономические особенности.

Всю подготовительную работу по созданию первого в Белоруссии Кодекса законов о браке, семье и опеке осуществлял Народный Комиссариат Юстиции. Летом 1926 г. проект этого законодательного акта был разработан и внесен в Совет Народных Комиссаров БССР, а затем поступил на рассмотрение 3-й сессии ЦИК БССР VII созыва. После жарких, порой бурных выступлений проект Кодекса законов о браке, семье и опеке Белорусской ССР не был утвержден, так как некоторые члены ЦИК настаивали на обсуждении его населением. 30 июня 1926 г. 3-я сессия ЦИК БССР приняла постановление, в котором говорилось: «Представленный Советом Народных Комиссаров проект Кодекса вместе со всеми материалами сессии по этому вопросу передать в округа для широкого обсуждения трудящимися массами»¹. Этим же постановлением президиуму ЦИК поручалось обеспечить проведение обсуждения нового законопроекта населением Белоруссии и внести его на утверждение ближайшей сессии с учетом всех пожеланий и отзывов с мест.

Основная дискуссия при обсуждении проекта кодекса развернулась по вопросу об оформлении брака. В ходе дискуссии выявилось две противоположные точки зрения: одни ее участники считали правильным сохранение в проекте положения об обязательной государственной регистрации брака, другие считали регистрацию брака необязательной и выступали за легализацию фактического брака. Сторонники первой позиции приводили такие доводы: 1) низок культурный уровень населения; 2) отказ от регистрации вызовет множество недоразумений на почве неопределенности брачных от-

ношений, из-за чего страдать будет прежде всего женщина; 3) при регистрации брачного союза легче обеспечить интересы женщин и детей в случае развода; 4) укрепятся позиции церкви и распространится церковный брак; 5) трудно будет установить существование брака, если в суде не выступят свидетели соседи².

По мнению профессора М. О. Гредингера, регистрация браков должна быть «...сохранена как обязательная мера не только потому, что государство, как коллектив трудящихся, в ней заинтересовано; она нужна для предупреждения браков, социально вредных и противоречащих классовому пониманию, особенно крестьянских масс; она нужна также для облегчения способов охраны личных имущественных прав супругов». Против такой формы заключения брака, утверждал он, не может быть приведено никаких серьезных возражений³.

В свою очередь, сторонники второй точки зрения по вопросу оформления брака неоднократно подчеркивали, что с «падением капиталистического и церковного строя», а также ликвидацией сословий исчезла почва для различий между оформленным браком и браком фактическим, что настала уже пора открыто признать тот факт, что мы доросли уже до высшей формы брака, не нуждающейся ни в каких формальностях, в том числе и в регистрации⁴.

При обсуждении проекта законов о браке, семье и опеке раздавались голоса о признании в городах законными, т. е. имеющими юридическую силу, фактических браков, в сельской местности — зарегистрированных в государственных органах. По итогам обсуждения проекта на местах большинство жителей городов (59 %) высказалось за признание фактического брака, в деревне большинство (89 %) — за обязательную регистрацию⁵. Однако эти предложения не получили поддержки со стороны членов ЦИК Белоруссии.

Проект, а затем и Кодекс законов о браке, семье и опеке Белорусской ССР пошли по пути признания фактического брака, точнее говоря, Кодекс, с одной стороны, связывал возникновение прав и обязанностей супругов только с браком, зарегистрированным в государственных органах ЗАГС, а с другой — устанавливал и охрану фактических брачных отношений. Фактические брачные отношения признавались в том случае, если лица, в них состоящие, взаимно признавали друг друга супругами или если супружеские отношения между ними устанавливались судом. Доказательствами наличия фактического брака признавались: 1) факт совместного сожительства; 2) наличие при этом сожительстве общего хозяйства; 3) выявление супружеских отношений перед третьими лицами, в личной переписке и других документах. Кроме того, доказательствами брачных связей могли быть взаимная материальная поддержка, совместное воспитание детей и тому подобные обстоятельства (ст. 23). Кратковременные близкие связи к зарегистрированному браку не приравнивались. Итак, белорусский Кодекс законов о браке, семье и опеке 1927 г., также и Кодекс РСФСР 1926 г. в основном уравнил фактические брачные отношения с зарегистрированными.

Следующим вопросом, который также вызвал большую заинтересованность у жителей республики, был вопрос о брачном возрасте. В проекте Кодекса предлагалось установить тот же брачный возраст, что и в первых законодательных актах Советского государства о браке и семье: 18 лет — для мужчин и 16 — для женщин. Абсолютное большинство лиц, принимавших участие в обсуждении законопроекта на местах, высказалось за повышение брачного возраста для женщин. Это аргументировалось тем, что ранний возраст вступления в брак отрицательно сказывается на состоянии здоровья. Учитывая эти пожелания, Совнарком предложил уравнивать брачный возраст женщин и мужчин, т. е. установить его в 18 лет. 4-я сессия ЦИК Белоруссии приняла брачно-семейный кодекс с этой поправкой.

На некоторых сельских сходах при обсуждении проекта высказывалось предложение о необходимости предоставления при заключении брака медицинских справок о состоянии здоровья будущих супругов. Однако реализация этого предложения, несомненно, встретила бы существенные затруднения, прежде всего материальные, да и врачей тогда было недостаточно. Поэтому проект кодекса пошел по другому пути: в нем устанавливалось правило, согласно которому лица, вступающие в брачный союз, должны были дать подписку о том, что они осведомлены о здоровье друг друга. На наш взгляд, предложение о предоставлении лицами, заключающими брак, врачебного заключения о состоянии здоровья представляет интерес и требует дополнительного изучения в настоящее время.

До принятия своего Кодекса законов о браке, семье и опеке в Белоруссии, как уже указывалось, в сфере рассматриваемых отношений действовали нормативные акты Российской Федерации. В ст. 144 Кодекса РСФСР 1918 г. было записано: в том случае, если при рассмотрении вопроса об установлении отцовства окажется, что мать ребенка в момент зачатия находилась в близких отношениях одновременно с несколькими лицами, то суд постановляет о привлечении последних в качестве ответчика и возлагает на всех их обязанность участвовать в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка. Принцип солидарной ответственности, закрепленный в этой статье, действовал на территории республики вплоть до введения в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке Белорусской ССР 1927 г.

Первоначальный проект белорусского Кодекса сохранил правила установления отцовства, закрепленные Кодексом РСФСР 1918 г. Но уже при подготовке нового варианта законопроекта его разработчики совершенно справедливо, по нашему мнению, отказались от этого правила, предложив установить «индивидуальную ответственность».

Новая редакция соответствующей статьи проекта гласила: «калі пры разглядзе справы аб атцоўстве суд выявіць, што матка дзіцяці была ў радавых зносінах з некалькімі мужчынамі, дык суд прызнае аднаго з іх бацькам і ўскладзе на яго абавязак утрымліваць дзіця». В прениях по проекту мнения членов ЦИК по этому вопросу разделились. Одни депутаты, не соглашаясь с новой редакцией этой статьи, предлагали восстановить прежние основания установления отцовства судом. Другие считали, что будет правильным, если женщина сама укажет, кто является отцом ребенка. После голосования большинством голосов прошла редакция статьи, предложенная Совнаркомом БССР.

Другие положения этого Кодекса вызвали значительно меньше возражений и были приняты без особых осложнений. Итак, после двукратного рассмотрения (первый раз — на 3-й сессии ЦИК БССР VII созыва 1926 г. и второй — на 4-й сессии того же созыва в 1927 г.). Кодекс законов о браке, семье и опеке был утвержден 27 января 1927 г. Первого марта 1927 г. он вступил в действие.

¹ СЗ БССР. 1926. № 31. Ст. 122.

² См.: Стэнаграфічная справаздача 4-й сесіі ЦВК БССР VII склікання. Мн., 1926. С. 394.

³ Гредингер М. О. Брак и закон // Працы БДУ. 1926. № 11. С. 63.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ См.: Стэнаграфічная справаздача 4-й сесіі ЦВК БССР VII склікання. С. 394.

Т. А. КОТ

О СООТНОШЕНИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРАВА В УЧЕНИЯХ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

Проблема соотношения справедливости и права имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку от степени воплощения справедливости в праве зависит его эффективность. Особенно актуальна эта проблема в связи с формированием социалистического правового государства, решение которой требует тщательного исследования всех аспектов, в том числе и исторического опыта.

Значительный интерес в этом плане представляет становление и развитие идей о соотношении справедливости и права в Древней Греции. Анализируя учение того или иного мыслителя, необходимо учитывать конкретные социально-экономические и политические условия, их влияние на формирование представлений о соотношении справедливости и права. Так, в ходе естественно-исторического процесса в Древней Греции усиливается имущественная дифференциация общества, развивается частная собственность, основанная на рабовладельческом способе производства. Рабы становятся главной производительной силой и рассматриваются как простые орудия труда. Расширение производства, основанного на использовании рабов, повлекло за собой стремительный рост торговли.

Традиционные представления о справедливости государственно-правовых отношений уже не могли удовлетворить новые потребности общества. Это несоответствие послужило толчком к созданию и новых философско-правовых учений в Древней Греции.

В период расцвета афинского демократического государства было создано учение Демокрита, дошедшее до нас в отдельных коротких цитатах. Демокрит ставил интересы государства выше всего прочего и считал необходимым заботиться, чтобы оно хорошо управлялось: «Ибо хорошо управляемое государство есть величайший оплот: в нем все заключается и, когда оно сохраняется, все цело, а гибнет оно, с ним вместе и все гибнет»¹. Кроме того, он отмечал, что многое зависит от совершенства формы правления, лучшие качества которой призваны обеспечить не только благо управляемых, но и условия для плодотворной деятельности тех, кто осуществляет власть и управление. При этом не следует использовать силу против справедливости и применять для своей личной пользы насилие против общего блага. Демокрит вообще выступал против насилия и принуждения, даже если они упорядочены законом.

Согласно Демокриту, законы созданы людьми в ходе естественно-исторического развития общества. При этом создание законов он рассматривает как естественную необходимость. Законы не мешали бы жить свободно, если бы люди относились друг к другу справедливо. Закон может помочь людям только тогда, когда они желают жить справедливо: для повинующихся закону он — только свидетельство их собственной добродетели. Быть же добродетельным человеком — значит не только не делать несправедливости, но и не желать этого. Справедливость есть исполнение долга, а несправедливость — неисполнение долга, уклонение от исполнения своих обязанностей.

В отличие от учения Демокрита, учение Сократа² появилось в период кризиса афинской рабовладельческой демократии, обусловленного военными неудачами в конце Пелопоннесской войны. Одним из существенных критериев в своей классификации и характеристике различных форм государственного устройства и правления Сократ считал принцип законности (его наличие или отсутствие). Целью же существования государства, по его мнению, является внутреннее совершенствование государственного устройства, а не внешнее его могущество; совершенствование искусства править. При этом он доказывал, что высшие качества гражданина, необходимые для управления государством, приобретаются в результате правильного воспитания и обучения. Поэтому не всякий гражданин может участвовать в управлении государством, а только тот, кто получил надлежащую подготовку.

Важность политической свободы в государстве Сократ связывает с господством справедливого права. При этом в качестве источника права он рассматривает нравственные заповеди и письменный закон государства. Внутренние же, моральные установки граждан должны согласовываться с принципом справедливости. Если то, что для одного составляет доброе и полезное, является тем же и для другого, то не может, чтобы интересы отдельных лиц приходили в неразрешимое столкновение. Там, где такое случается, следует искать разрешение противоречий исходя из разумно взвешенных истинных интересов всех — это и есть справедливое в праве. Что же касается признаков справедливости и справедливого поведения человека, то справедливость — это равенство, а справедливое поведение — добровольное подчинение внутренним моральным правилам и подчинение закону. Последнее является первостепенной обязанностью гражданина. Лучше плохой закон, чем никакого закона, считал Сократ, определяя тот минимум законности, без соблюдения которого не возможен ни государственный, ни общественный порядок.

Сократ постоянно утверждал, что повиновение государственным законам является обязанностью каждого. Противоречие между этой общей обязанностью гражданского повиновения и индивидуальной предрасположенностью оставаться верным своему внутреннему убеждению или побуждению он считал возможным разрешить не иначе как добровольным подчинением закону³.

Основные положения учения Сократа о государстве, праве, справедливости, их природе и роли в жизни общества были развиты его учеником Платоном, который называл неразумным такое государственное устройство, когда непросвещенный народ обладает слишком большой свободой, избирает из своей среды необученных и неспособных правителей и решает дела государства, бросаясь из крайности в крайность, прислушиваясь то к мнению

невежд, то к мнению корыстных демагогов, умеющих подольститься к черни или купить ее.

В идеальном государстве, согласно учению Платона, общественно-политические отношения должны быть основаны не на народовластии, а на божественной, идеальной справедливости, на согласовании и соподчинении интересов различных социальных групп. Государством этим управляют философы; опирается оно на доходы от земледелия и вообще натурального хозяйства и обходится без торговли и денег. Обитатели идеального государства делятся на три группы: философы, воины-стражи, обеспечивающие порядок, третья группа — земледельцы и ремесленники. Эти группы четко отграничены одна от другой по принципу разделения труда и исполняют каждая определенную, только ей присущую функцию. Мудрость правителей-философов позволяет поддерживать в государстве справедливость.

Частная собственность и семья порождают в людях эгоизм и вредят общему делу, поэтому в идеальном государстве философы и стражи живут замкнутыми сообществами, внутри которых все равны, а имущество — общее; детей воспитывает государство, а не семья. Только у третьей группы, у ремесленников и земледельцев, призванных обслуживать потребности государства, сохранялась индивидуальная собственность. Общей целью государства Платон провозглашал заботу не о приобретении материальных благ, не о завоеваниях и обогащениях, а о нравственном совершенствовании, достигаемом благодаря развитию наук и в первую очередь — науки о праве.

Право у Платона — это благо, торжество справедливости в борьбе добра и зла. Его теория идей обретает в праве возможность достижения совершенной справедливости на земле. Значение права и его всеобщность обосновываются божественным происхождением, предопределенностью торжества справедливости над несправедливостью, преобладанием просвещенного разума над слепыми страстями, здравого смысла над грубой силой. Право если и карает за преступление, то в силу необходимости поддержания порядка и по справедливости. Главная же функция права: обеспечение распределительной справедливости по принципу — каждому свое по достоинству и от содеянного, без претензий на чужое и без вмешательства в чужие дела.

Согласно учению Платона, право — формально определенный образец нравственного поведения членов общества и универсальный регулятор человеческих взаимоотношений, который позволяет упорядочить их в интересах общества как целого, объединенного в государство, с предоставлением необходимой свободы каждому, учитывая индивидуальные различия от природы и по социальному положению, разрешая противоречия, постоянно проявляющиеся между людьми, по справедливости.

Справедливость и разум, учит Платон, являются добродетелями⁴. Добродетель есть высшее благо, несправедливость — худшее зло. При этом вопрос о благе человека, его высшей цели, о добродетели и справедливости не может быть разрешен вне социальных отношений. Идея добра и справедливости универсальна, следовательно, она должна осуществляться как в добродетельной личной жизни, так и в общественном союзе людей. Справедливость проявляется в малом — в душе отдельного человека, но поскольку это отдельное универсальное явление, она связывает людей. Отсюда можно сделать вывод, что справедливость, как личная добродетель, нуждается в воспитании. Государство же справедливости зависит от того, насколько устройство общества и государства соответствует высшей цели или идее, способствующей достижению высшего, общего блага людей.

Справедливость состоит в том, что каждая социальная группа должна ограничиваться выполнением своих функций и довольствоваться своим, четко обозначенным в иерархии местом. Заботиться о благе государства в соответствии со своими способностями и выполняя свои функции, не мешая другим выполнять свои. Это и есть справедливость, по Платону.

Анализируя соотношение права и справедливости как добродетели, основанной на разуме, Платон пишет: «Ни закон, ни какой бы то ни было распорядок не стоят выше знания. Не может разум быть чьим-либо послушным рабом; нет, он должен править всем, если только по своей природе подлинно свободен. Но в наше время этого нигде не встретить, разве только в малых размерах. Поэтому надо принять то, что после разума находится на втором месте, — закон и правопорядок»⁵. Таким образом, там, где нет согласия между разумной справедливостью и правом, нужно следовать праву.

Несколько иных взглядов придерживался ученик Платона — Аристотель. В отличие от аристократа Платона, Аристотель относился к средним кругам

греческого общества, интересы которых резко расходились с интересами знати. Противник всяческих крайностей, сторонник середины во всем, он отличался основательностью теоретических исследований, сближением отвлеченного мышления с опытом. Так, разрабатывая свою концепцию о совершенной форме организации общества, Аристотель прежде всего, изучил опыт 158 известных ему государств⁶. Результатом этого исследования стала теория о наиболее оптимальном государственном устройстве — политике, «среднем» государственном строе, опорой которого должны служить гражданам среднего достатка. Политика — государственный строй, в котором соблюдена пропорциональность и избегнуты все крайности, поэтому, согласно Аристотелю, она является государством господства законности, так как ищущие справедливости ищут среднего, а закон и есть среднее.

Отмечая взаимосвязь справедливости, государства и права, Аристотель говорит: «Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилом справедливости, является регулирующей нормой политического общения»⁷. При этом право у Аристотеля есть средство и способ согласования личной свободы с общепользуемой необходимостью и установленная законом мера свободы. Он определяет право как политическую справедливость, основной задачей которой является служение общей пользе граждан в государстве. Для наличия права не требуется абсолютного равенства людей, но нужно, чтобы люди могли рассматриваться в одних отношениях как равные, в других — как соизмеримые.

Аристотель делит право на естественное и положительное или на право, установленное природой, и право, установленное законом. Естественное право — то, которое везде имеет одинаковое значение и не зависит от признания или непризнания его кем-либо. Установленное законом — то, которое первоначально могло бы быть без существенного различия таким или другим, но получает свое определенное содержание в силу постановления закона. Установленное законом право есть определенная мера, которая неодинакова и зависит от обстоятельств. При этом к естественному праву Аристотель относит нормы, вытекающие из природы общежития, т. е. нормы, неизменно присущие, по его мнению, каждому обществу.

Рассматривая справедливость, Аристотель называет ее совершеннейшей добродетелью⁸. Совершенство справедливости состоит в том, что обладающий ею приносит пользу не только себе, но и другим. Справедливость состоит в способности приносить благо другим людям, так как она проявляется лишь во взаимоотношениях с другими субъектами, будь то человек или общество.

Аристотель различает распределяющую и уравнивающую справедливость. При этом, согласно его учению, распределяющая справедливость может быть выражена геометрической прогрессией, а уравнивающая — арифметической. Распределяющая справедливость проявляется при распределении материальных и моральных благ между членами одного общества. Она предполагает наличие, по крайней мере, четырех условий: два лица и две вещи. Если лица не равны, то они не должны получать равное, так как делить следует по достоинству. Однако все согласны с тем, что мера достоинства понимается по-разному: сторонники демократии видят ее в свободе, олигархии — в богатстве. Отсюда и возникают споры, когда равные владеют неравным или неравные — равным. Поэтому распределяемые блага должны соотноситься с достоинством людей, между которыми происходит распределение, при этом пользуются преимуществом те, кто превосходит остальных своей добродетелью.

Уравнивающая справедливость относится к обмену и взаимоотношениям между членами общества. Отношения эти могут быть или основанными на соглашении (договор купли-продажи и т. п.), или возникающими независимо от соглашения (воровство и т. п.). Здесь применяется пропорция арифметическая, так как достоинство лица не имеет значения, закон обращает внимание лишь на размер ущерба, а с лицами обращается как с равными, различая только обидчика и обиженного. Выгода и ущерб, согласно Аристотелю, есть крайности, середина их — равенство. Судья восстанавливает такое равенство наказанием. Однако воздаяние не должно быть безусловно равным, оно должно быть обязательно равноценным.

Рассматривая соотношение справедливости и закона, Аристотель отмечает, что в силу своего всеобщего характера закон, при его применении к частному случаю, может оказаться несправедливым. Тогда необходимо считать данный частный случай не предусмотренным законом и внести поправку в закон, дабы можно было принять справедливое решение,

Таким образом, уже мыслители Древней Греции в поисках наиболее идеальной формы государственного устройства выделяли требование справедливости права как основополагающее. При этом они неизбежно отмечали, что хотя право в силу своей формальности и всеобщего характера может и не совпадать со справедливостью, а в иных случаях даже противоречить ей, однако подчинение ему является необходимым условием сохранения государства. Если в государстве нет безусловного подчинения праву, то такое государство обречено на гибель. Но для того, чтобы подчинение праву было добровольным и всеобщим, оно должно соответствовать господствующим в обществе представлениям о справедливости.

¹ Материалисты Древней Греции. Собр. текст. М., 1955. С. 167—168.

² Сократ никогда ничего не писал, и сведения о его учении можно получить лишь из вторичных источников — главным образом из «сократических» сочинений Платона и Ксенофонта.

³ Вся жизнь Сократа и его смерть есть воплощение его философского учения в жизнь. Так, будучи несправедливо приговоренным к смерти, Сократ отказался бежать, считая, что закон надо чтить и повиноваться ему.

⁴ Платон определяет четыре рода добродетели. Во-первых, добродетель разума, мудрость, посредством которой разум господствует в жизни. Добродетель воли, т. е. мужество, — она поддерживает разум в борьбе и подчиняется его решениям. Третья добродетель — рассудительность, безусловное подчинение неразумных страстей указаниям разума. Четвертая, общая добродетель, соединяющая собой области действия всех трех, есть справедливость.

⁵ Платон. Собр. соч.: В 3 т. М., 1972. Т. 3. Ч. 2. С. 366.

⁶ В рамках данной работы нет возможности изложить учение Аристотеля о государстве с достаточной полнотой, поэтому ограничимся лишь общей характеристикой политики, изложенной в «Политике».

⁷ Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 380.

⁸ Учение Аристотеля о добродетели изложено в «Никомаховой этике». Суть его в том, что избыток и недостаток Аристотель считает принадлежностью порока, а среднему — принадлежностью добродетели во всем. Добродетель — есть поведение, избегающее крайностей, — как избытка, так и недостатка.

В. А. ГЕРОИМЕНКО, И. И. ДУБИНИН

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

С 24 по 27 сентября 1990 года в Минске проходила X Всесоюзная конференция по логике, методологии и философии науки. Более трехсот ученых из ведущих научных и учебных центров страны, а также Болгарии, Венгрии, Голландии, Польши, Франции, Чехо-Словакии обсуждали как общетеоретические вопросы логики, методологии и философии науки, так и вопросы, связанные с историческими исследованиями по данной проблематике, исследованиями по прикладной логике. Рамки журнального обзора позволяют обозначить лишь некоторые контуры подходов к этим проблемам.

С приветственным словом к участникам конференции обратились заведующий идеологическим отделом ЦК КПБ, доктор философских наук А. В. Русецкий, ректор Белгосуниверситета имени В. И. Ленина, член-корреспондент АН БССР Ф. Н. Капуцкий, профессор Л. Шерток (Франция). Затем был заслушан доклад «Универсальный эволюционизм: поиски нового мировоззрения», с которым выступил академик Н. Н. Моисеев. Концепция универсального эволюционизма, сказал он, позволяет из минимального числа гипотез строить целостную, непротиворечивую «картину мира», что особенно важно в свете происходящего синтеза естественнонаучного и гуманитарного знания, ибо демонстрирует единство материального мира, позволяет описать те общие законы, те особенности мирового эволюционного процесса, которые присущи всякому процессу развития в неживой природе, живом веществе, обществе.

Приоритетным задачам методологии научного поиска был посвящен доклад члена-корреспондента АН СССР В. С. Степина «Проблема гуманизации науки: новый этап методологических исследований». Интенсивное использование научных знаний во всех сферах социальной жизни, трансформация содержания научной деятельности, вызванная революцией в средствах получения и хранения знания, отметил докладчик, меняет характер научной деятельности. На первый план все более выдвигаются междисциплинарные, проблемно-ориентированные формы научной деятельности. При этом не только усложняется объект исследования, но и меняются методологические установки исследователя, что в итоге приводит к существенной модернизации философских оснований науки. Научное познание начинает рассматриваться в контексте его социального бытия как специфическая сфера жизни общества, определяемая на каждом этапе своего развития общим состоянием культуры, ценностными ориентациями и мировоззренческими установками, господствующими в обществе.

Значительное место в работе конференции заняли теоретические проблемы логики. Можно сказать, что в той или иной степени они обсуждались на всех секциях, но прежде всего на секциях «Неклассические логики» и «Логическая семантика». Логический анализ естественных языков». Спектр обсуждавшихся проблем был достаточно широк. Живой интерес вызвало обсуждение вопроса о сущности и принципах построения релевантных логик. С докладом по этой теме выступили Е. К. Войшвилло, П. И. Быстров, А. Е. Волотов (Москва). Большое число докладов было посвящено анализу многозначных и модальных логик. С ними выступили В. А. Смирнов, В. И. Маркин (Москва) и др. Особо следует отметить оригинальные разработки в области логической семантики и логического анализа языка, представленные в докладах Е. Д. Смирновой (Москва), В. В. Ляшова (Горький), А. Л. Блянова (Москва).

Одним из наиболее ярких проявлений набирающей силу технологической революции является компьютеризация различных сфер жизни общества. Вполне понятен в этой связи растущий интерес исследователей к философским, методологическим, логическим и социальным аспектам компьютеризации, что наглядно проявилось в работе секций «Логика, компьютерные науки, искусственный интеллект» и «Философия техники и методология технических наук». Значительное внимание

в ходе дискуссии здесь уделялось проблеме искусственного интеллекта. Ряд важных методологических и социологических проблем компьютеризации был проанализирован в ходе обсуждения взаимоотношения элементов в системах «общество — компьютер», «человек — компьютер». В выступлениях И. Ю. Алексеевой, О. И. Архангельского (Москва), М. И. Микешина (Ленинград), О. А. Подлишевского (Таллинн) обосновывались идеи о том, что создание все более совершенных информационно-вычислительных систем не только фактически отражает уровень технологического развития общества, но и свидетельствует о его социальном развитии, оказывая воздействие как на психологию людей в целом, так и на формы и характер их интеллектуальной деятельности в частности.

Общеметодологические проблемы обсуждались на секции «Структура и развитие научных теорий». С докладами, посвященными анализу становления конкретных исследовательских программ, механизмов и форм взаимосвязи философского и конкретно-научного знания, структуры и методов построения научной теории выступили М. Д. Ахундов (Москва), А. К. Лозин (Брянск), А. С. Майданов, С. А. Лебедев (Москва) и др.

Состояние и перспективы исторических исследований по логике, методологии и философии науки обсуждала секция «История логики, методологии и философии науки». Большинство выступавших отстаивали идею о том, что исторический анализ выступает необходимым условием эффективного развития самих логико-методологических исследований. Сообщения, сделанные на секции, можно условно разделить на две группы. В первую можно включить доклады Д. П. Горского, А. Ф. Грязнова, А. В. Кезина (Москва), в которых анализировались проблемы общеметодологической тематики. Во вторую вошли сообщения, связанные с исследованием идейного наследия конкретных персоналий — Аристотеля, Ибн-Сины, К. Геделя, Ж. Кангьема, с которыми выступили С. Ю. Иванова (Москва), Н. М. Сайфуллаев (Душанбе), А. П. Пилипенко (Киев).

Активно прошло обсуждение методологических проблем специальных дисциплин. Насыщенной и разнообразной оказалась программа секции «Методология и философия физических наук», где рассматривались прежде всего вопросы, связанные с генезисом физики и структурой современного физического знания, критериями его единства и развития. Этим проблемам были посвящены доклады А. М. Томильчика (Минск), В. И. Аршинова, А. Д. Суханова (Москва). Во многих выступлениях подчеркивалось, что поскольку современное физическое знание представляет собой комплекс различных, хотя и взаимосвязанных друг с другом дисциплин, то и его методология может выступать лишь как некая междисциплинарная система.

Ряд сообщений был посвящен космологической проблематике, где в настоящее время происходит интенсивный рост теоретического уровня знания за счет процессов междисциплинарных взаимодействий, прежде всего ускоряющейся «физикализации» — трансляции систем абстрактных объектов из других разделов физического знания. Последнее требует не только специального научного, но и всестороннего философского осмысления. Этим проблемам были посвящены выступления В. В. Казюгинского, В. Н. Князева (Москва) и др.

Много внимания было уделено вопросам, связанным с интерпретацией квантовой механики, анализу проблемы времени, гуманитаризации физического знания.

Доклады и выступления участников секции, обсуждавшей проблематику философии и методологических оснований биологических наук, можно разделить на несколько групп. В первую вошли сообщения, посвященные проблемам философии и методологии биологии, с которыми выступили Р. С. Карпинская, В. Г. Борзенков (Москва), Д. А. Микитенко (Киев), А. Н. Кочергин (Москва). Отмечая настоятельную потребность в переосмыслении общей концепции философии и методологии биологии, участники дискуссии обосновывали идею о необходимости осознания предпосылочности самого методологического знания. При этом были проанализированы мировоззренческие предпосылки биологического знания, обозначены контуры методологического сознания «с человеческим лицом», т. е. его обращенность к личностным факторам научно-исследовательской деятельности. Значительный интерес вызвала идея сопоставления «внутренней» и «внешней» методологии, иными словами, сравнение методологических сдвигов в самой биологии и профессиональной методологии. Во многих выступлениях затрагивались философские и методологические проблемы современного эволюционизма. В выступлениях П. А. Водопьянова (Минск), В. С. Крисачко (Киев) и др. анализировались методологические аспекты управления эволюционным процессом, прогностические функции теории эволюции, сущность и характер нового синтеза в эволюционизме, проблемы направленности эволюции и динамики приоритетов в философии эволюционизма. Наконец, еще одна группа сообщений была посвящена философским и методологическим проблемам экологии.

Обширный и интересный круг проблем обсуждался на секции «Социологические и этические проблемы науки». В докладах академиков Б. В. Раушенбаха, Б. Г. Юдина (Москва), С. В. Крымского (Киев), Г. Л. Тульчинского (Ленинград), А. П. Огурцова, М. Д. Ахундова и Л. Б. Ваченова (Москва), В. А. Одиноченко (Минск) анализировались проблемы социальной и нравственной ответственности ученого, нравственные параметры познания, сущность науки, культурной ценности и феномен идеологизированной науки.

На секции, где рассматривались проблемы методологии и философии когнитив-

ных наук, были заслушаны и обсуждены доклады Л. Шертока (Франция) «Гипноз и психоанализ. Ставки в игре истолкований истории», В. Л. Рабиновича (Москва) «Жизнь текста — текст жизни», Ю. А. Шрейдера (Москва) «Феномен информации с когнитивной точки зрения». В выступлениях анализировались взаимовлияние традиции и индивидуальной культурной лаборатории в ситуации производства знания (Л. А. Микешина, Москва; В. Е. Кеменов, Свердловск; Б. Н. Бессонов, (Н. Л. Мухомелишвили, Ю. А. Шрейдер, Москва), соотношение культуры и интуиции (И. А. Бескова, Москва), роль довербального этапа в возникновении человеческого сознания (Л. В. Юрчик, Витебск). В выступлениях, посвященных собственно когнитивным проблемам, рассматривались особенности синергетического подхода к когнитивным процессам (Е. Н. Князева, Москва), обосновывалась необходимость разработки философской когнитологии как науки о человеческом знании во всем его концептуально выразимом многообразии форм (В. А. Героименко, Минск), исследовались философские основания моделирования рассуждений о знании (И. А. Герасимова, Москва), анализировались способы экспликации профессиональных знаний эксперта (М. Ю. Опенков, Москва).

На секции, обсуждавшей проблемы методологии и философии социальных и исторических наук, главное внимание было уделено проблемам специфики марксистской традиции в социально-историческом познании (В. Ж. Келле, Москва; В. Ф. Берков, А. Б. Егоров, Минск; В. В. Орлов, Пермь), методологии общественно-научного познания (Л. А. Микешина, Москва; В. Е. Кеменов, Свердловск; Б. Н. Бессонов, Г. И. Рузавин, Москва; Ю. А. Харин, Минск), истории и исторического сознания (Н. П. Французова, Москва), логико-гносеологическим и культурологическим аспектам социального знания (В. Г. Федотова, А. Л. Никифоров, Москва; А. И. Горак, Киев).

На заседаниях секции «Методология и философия гуманитарных наук» были заслушаны и обсуждены доклады М. С. Козловой (Москва) «О специфике гуманитарного знания», А. А. Михайлова (Минск) «Идея человека в гуманитарном знании», М. В. Поповича (Киев) «Пространство порядка в науке и культуре». В выступлениях были также рассмотрены проблемы рациональности и становления диалогической модели в семиотике (В. А. Дунаев, Минск), диалога как основания динамики культуры (А. П. Ждановский, Минск), раннего позитивизма (Е. Н. Бодров), возрождения русской философии (В. В. Валейтенко, Минск).

В программу конференции органично вписался коллоквиум «Людвиг Витгенштейн и философская мысль XX века», посвященный творчеству ученого, столетие со дня рождения которого философская общественность отметила в 1989 году. Были рассмотрены взгляды Л. Витгенштейна на природу философских проблем (М. С. Козлова, Москва), социологические проблемы научного познания (В. А. Лекторский, Москва), особенности «Логико-философского трактата Л. Витгенштейна» (Е. Д. Смирнова, Москва). В контексте его творческого наследия детально проанализированы такие отдельные проблемы, как проблема трансцендентализма (А. А. Михайлов, Минск), мышления (А. Ф. Грязнов, Москва), метода (Е. И. Беляев, Саратов), веры и достоверности (Л. А. Микешина, Москва).

В ходе конференции были также проведены заседания пяти круглых столов, на каждом из которых обсуждался определенный круг вопросов. Так, на заседании круглого стола «Взаимодействие научных и вненаучных форм знания» рассматривались следующие вопросы: Каково соотношение социальной науки и «жизненного мира»? Есть ли пределы научных преобразований социальной реальности? Каково взаимодействие науки и вненаучного знания в социальных проектах и программах? В обсуждении этих вопросов приняли участие Л. А. Микешина, В. Г. Федотова (Москва), Т. М. Алпеева (Минск), Н. М. Смирнова (Москва).

Круглый стол «Постнеклассическая наука: новые формы научного познания» был посвящен анализу актуальных проблем и тенденций развития науки. Доминирует ли в современной науке изучение специфических объектов, отличных от объектов неклассической науки: сложных, уникальных систем, характеризующихся саморазвитием и «человекосоразмерностью»? Происходит ли в связи с освоением новых типов объектов изменение идеалов и норм исследовательской деятельности, каковы его основные признаки? Как возможно включение в научное познание гуманистических ориентиров и ценностей? Можно ли считать, что сейчас формируется постнеклассический тип рациональности?

Работа круглого стола «Исторические типы рациональности» была сконцентрирована вокруг следующих проблем: Что такое исторический тип рациональности? Цивилизация, культура и рациональность в исторической перспективе. Рациональность в технологических и нетехнологических цивилизациях. Прогресс, его цена и рациональность. Эффективность, рациональность и возможности для развития человека. Рациональность и ценности. Возможно ли рациональное общество? Можно ли примирить рациональность и человеческую свободу?

На заседаниях круглого стола «Наука, власть, идеология» оживленно дискутировался следующий комплекс вопросов: Каковы пределы воздействия власти на науку? Наука как власть и наука как коммуникация: в чем их различие и общность? Каковы формы и способы идеологизации науки? Можно ли говорить о научной идеологии? Каковы механизмы воздействия власти на научное сообщество? Деформируются ли нормы научного сообщества под влиянием власти? Каковы социокультурные детерминанты развития науки? В обсуждении указанных вопросов приняли участие М. Д. Ахундов, А. П. Огурцов (Москва), Ю. А. Харин (Минск).

А. Г. Тиковенко. Кадровая політыка в условиях перестройки. Мн.: Навука і тэхніка. 1990. 94 с.

Необходимость исследования организационно-правовых вопросов кадровой политики в рамках Белорусской ССР продиктована прежде всего задачами формирования качественно нового исполнительного аппарата при переходе власти от КПСС к Советам народных депутатов. Работа А. Г. Тиковенко вносит определенный вклад в исследование указанной проблематики.

Автор критически исследует формально-номенклатурный подход к подбору и расстановке кадров, освещает дискуссию, ведущуюся вокруг него, и предлагает с учетом рождающейся многопартийности правовой способ решения этой проблемы в будущем законе о партии. В частности, он считает необходимым в законодательном порядке установить ограниченный перечень номенклатурных должностей всех уровней государственной власти на основе выборного способа их замещения. Обоснованной критике подвергается существующая дискриминация граждан по национальной принадлежности в ряде республик. В целях преодоления межнациональных конфликтов предлагается конкретизировать принцип должного национального представительства в Конституции СССР и конституциях союзных республик, закрепив в них обязательное занятие ряда должностей в наиболее важных звеньях политических и государственных структур гражданами тех национальностей, которые дали имя республике или автономному образованию.

В главе «Кадры и эффективность деятельности аппарата местных Советов» даны критическая оценка проведенной в 1987 г. в республике первой аттестации руководящих советских работников, рекомендации по улучшению законодательства в целях повышения работы будущих аттестационных ко-

миссий, анализируется правовое положение и деятельность кадровых служб и их работников, рассматриваются негативные стереотипы, административные обычаи («начальству виднее», «дать бумаге вылежаться»), бюрократическая идеология, существующие в исполнительном аппарате. Предлагаются меры по преодолению культа должностного положения первого руководителя, укреплению суверенных прав служащих, обновлению корпуса советских кадров в целях приостановки тенденции их старения. Исследуются вопросы повышения ответственности исполкомов местных Советов, правовой культуры советских работников.

Заключительная глава «Правовое положение советского работника в коллективе» знакомит читателя с правовым статусом служащих, показывает причины его бюрократизации. Основным элементом правового статуса служащего являются, по мнению автора, административно-правовые гарантии. Рассматриваются вопросы совершенствования дисциплинарной ответственности руководящих работников исполкомов, регулирования общего правового статуса советских служащих с учетом происходящих процессов демократизации и гласности.

Работа написана на основе изучения текущего законодательства, практики работы административного аппарата в условиях реформы политической системы, что делает ее полезной для научных и практических работников. Ряд предложений автора уже нашел отражение в законодательных актах и практике работы Советов народных депутатов нового созыва.

Следует, однако, отметить, что в работе недостаточное внимание уделяется роли представительных органов государственной власти всех уровней в области кадровой работы, формам и методам этой работы. В частности, автору следовало бы обосновать необходимость организационно-правового обеспечения участия постоянных ко-

миссий в аттестации руководящих работников исполнительных органов.

На наш взгляд, недостаточно конструктивны предложения по совершенствованию правового статуса работников государственного аппарата. Половинчатые решения здесь уже не годятся. Следовало бы обосновать необходимость разработки и принятия законодательного акта о государственной службе, регулирующего правовое положение работников.

В. Г. Городнюк

В. П. Панютич. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861—1900 гг. Мн.: Наука и техника, 1990. 372 с.

Монография В. П. Панютича — первое в советской историографии специальное комплексное исследование по истории крестьянства, крестьянского хозяйства Белоруссии второй половины XIX в. Как справедливо отмечает автор, в пореформенный период крестьянство продолжало составлять основную массу населения края, а аграрный вопрос, как и во всей России, являлся главным вопросом назревающей буржуазно-демократической революции.

Монография написана на основе исключительно богатого и разнообразного фактического материала, преобладающая часть которого вводится в научный оборот впервые. Изучены работы дореволюционных и советских историков и экономистов. Все это позволило В. П. Панютичу сделать ряд ценных выводов, а также установить несостоятельность суждений некоторых историков.

Уже во второй главе, посвященной крестьянскому населению и общине, проявляются многосторонность и новизна исследования. Так, изучая миграционные процессы, автор приводит сведения не только о переселении крестьян из Белоруссии, но и о возвращении тех из них, кому не удалось обосноваться на новых местах. Рассматривает он и встречный приток крестьян, переселявшихся в Белоруссию из соседних русских, украинских, прибалтийских, польских губерний. Миграция крестьян в города, доказывает исследователь, меняла содержание их социально-экономической жизни.

Ценные сведения получит читатель книги о половозрастном, национальном составе крестьянства начала века, его динамике, отходничестве, семейных разделах, уровне грамотности. Епервые обстоятельно изучена и крестьянская община в Белоруссии, рассмотрены ее важнейшие функции (экономические, социальные, правовые), показано разложение общинной организации крестьян в процессе развития аграрного капитализма.

Третья глава включает важнейшую

проблему — крестьянское землевладение и землепользование.

Глава четвертая посвящена исследованию развития сельскохозяйственной техники и систем земледелия.

Пятая и шестая главы содержат анализ сельскохозяйственного производства крестьян — полеводства и животноводства. В. П. Панютич определил рост площадей, занятых посевами зерновых культур на крестьянских наделных землях Белоруссии, на 23,9 % и увеличение средней урожайности их на 50 % (с 60-х до конца 90-х гг. XIX в.). Возрастание сборов зерновых шло в основном за счет интенсификации крестьянского труда. Важной отраслью крестьянского хозяйства было и животноводство. С начала 70-х и до конца 90-х гг. поголовье крестьянского скота всех видов увеличилось почти наполовину, однако численность его в расчете на двор, на душу крестьянского населения и десятину пахотных угодий повсеместно намного сократилась, а пастбищных и сенокосных — резко возросла. Отсюда сделан обоснованный вывод о кризисе крестьянского животноводства в пореформенный период.

Итог всему исследованию подводит самая обширная, седьмая глава. В ней рассматривается процесс разложения крестьянства как класса, важнейшими показателями которого были применение наемного труда зажиточными слоями деревни, обезземеливание основной массы крестьянства, распределение рабочего скота по социальным группам крестьян. Укреплялась буржуазия, выделявшаяся из зажиточных крестьян, и одновременно из крестьянской бедноты формировался сельский пролетариат. К концу XIX в. в Белоруссии свыше 60 % крестьянских дворов были бедняцкими, крестьяне-середняки составляли примерно 30, кулаки около 8 %.

Монография В. П. Панютича «Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861—1900 гг.» представляет собой обстоятельное, оригинальное научное исследование и является существенным вкладом в историографии аграрной истории Белоруссии.

**А. П. Игнатенко,
В. А. Теплова,
В. А. Сосно**

Социалистическая система хозяйства: Содержательно-логические схемы. Мн.; Университетское, 1990. 220 с.

Рецензируемая книга является хорошим методическим руководством для организации самостоятельной работы как студентов-заочников, так и студентов других форм обучения. Пособие подготовлено в соответствии с новейшим вузовским учебником по политэкономии, с учетом современных подходов раскрывает программный ма-

териал третьего раздела учебника «Социалистическая система хозяйства».

При освоении учебного курса политической экономии весьма важно в каждой теме правильно выделить узловые моменты включаемых в нее вопросов, установить логические связи изучаемых экономических категорий и законов, выявить основные направления развития и совершенствования экономической жизни общества. Именно такую важную помощь студенту в сознательном изучении проблем политической экономии социализма способно оказать изданное в виде содержательно-логических схем пособие, подготовленное доктором экономических наук, профессором Базылевым Н. И. Форма изложения материала посредством содержательно-логических схем удачно использована автором для успешного решения двух важнейших методических задач: передать довольно обширный объем информации в сжатом виде и логически упорядочить ее, выделяя самое главное в ней. Содержательно-логические схемы представляют собой не только методическую переработку материала учебника, но и дают новую познавательную информацию, привлекают внимание студентов к поиску путей обновления производственных отношений социализма, включают необходимый статистический материал, отражающий связь теоретических положений с практикой социалистического хозяйствования. Особая значимость схем в том, что при изложении каждой темы четко выделяются такие положения, как определение экономических категорий и законов, причинно-следственные связи, выражаемые последними; различаются предпосылки, причины, последствия функционирования тех или иных форм производственных отношений; дается систематизация и классификация признаков, особенностей, принципов, форм экономических процессов; определяются новые экономические проблемы, возникающие в процессе выработки современных форм социалистического хозяйствования; приводятся важнейшие формулы для выражения количественной характеристики социалистического производства. Заслуживает внимания также попытка автора отразить в схемах экономические противоречия социализма как источник его развития, показать используемые на практике формы разрешения их, а также возможные негативные явления (противоречие экономических интересов, форм социалистической собственности и труда, плановости и стоимости, потребительной стоимости и стоимости товара, экономической и социальной эффективности, распределительных отношений, хозяйственного расчета и других категорий, а также противоречия в действии экономических законов социализма).

В поле зрения автора постоянно находятся вопросы увязки экономиче-

ской теории с практикой, анализ разнообразных форм социалистического хозяйствования, разъяснение новых подходов в использовании товарно-денежных отношений, рынка и его форм при социализме, концепции осуществляемой экономической реформы, а также изменений в экономической деятельности социалистических предприятий. Материал третьей части пособия «Хозяйственный механизм социалистического общества» изложен так, что позволяет студенту конкретно уяснить модели социалистического хозяйственного механизма, разобраться в экономической природе планирования, ценообразования, финансов, кредита, денежного обращения и управления, осмыслить необходимые изменения в этих звеньях хозяйственного механизма. В этой части содержится методически хорошо продуманная схема, показывающая различие двух моделей хозрасчета (с. 189). В обобщенной форме в схемах зафиксированы пути реструктуризации финансов, кредита, банковской системы, перехода к полному деньгам, совершенствования социалистического управления. В контексте почти всех содержательно-логических схем использованы положения первоисточников, партийных решений, посредством которых аргументируется объективная природа экономических категорий, законов, необходимость экономических мер совершенствования социализма.

Предлагаемое студентам пособие не во всех отношениях сможет удовлетворить их познавательный интерес. В нем есть такие положения, которые названы, но не раскрыты, а тезисная форма изложения отдельных вопросов не позволит студенту понять их значимость и роль в разрешении проблемы.

В целом пособие является хорошим дополнением к учебнику, помогает студенту взять верные ориентиры в изучении важнейших положений политической экономии социализма, с позиций сегодняшнего дня подойти к пониманию проблем экономической теории социализма.

М. В. Сакович

Античная история и культура в ЧССР (1945—1985): Краткий библиографический аннотированный указатель / Сост. И. Н. Лисовый. Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1989. 102 с.; I. А. Лисовий. Вивчення античності в Чехословацькій Соціалістичній Республіці. Київ: Учбово-методичний кабінет з вищої освіти, 1989. 51 с.

У савецькій гістарычнай навуцы апошніх дзесяцігоддзяў усё больш узрасце інтарэс да атыказнаўства краін Усходняй Еўропы. У падручніку «Істэрыаграфія антычнай історыі» пад рэдакцыяй В. І. Кузішчына (М., 1980) яму адведзены спецыяльны раздзел, але яго абмежавалі вузкія

рамкі дапаможніка і не дазволілі грунтоўна высветліць нават асобныя пытанні, якія маюць прыкладную важнасць для навукі. Ліквідаваць гэтыя хібы — мэта дапаможнікаў І. А. Лісавага.

Добрае веданне чэшскай мовы і даследуемага прадмета дазволілі яму стварыць даволі выразную карціну чэхаславацкага антыказнаўства. Многія пытанні ім абагульняюцца ўпершыню. Так, аўтар выдзяліў для аналізу праблему станаўлення марксісцкай гістарыяграфіі і яе развіцця ў 50—60-я гады, калі быў створаны шэраг акадэмічных устаноў, уся навуковая праца накіроўвалася дзяржаўным планам, пачалі пашырацца кантакты вучоных з замежнымі ўстановамі, быў створаны рад друкаваных органаў. І. А. Лісавы даволі грунтоўна і ўсебакова прааналізаваў дзейнасць універсітэцкіх кафедраў, кабінета па вывучэнню грэчаскіх і лацінскіх старадаўнасцей у Празе, а таксама Таварыства класічных філалагаў, паказаў іх уклад у антычнае крыніцазнаўства, у даследаванні пытанняў сацыяльна-эканамічнага развіцця і палітычных адносін Старажытнай Грэцыі і Рыма. У якасці адной з галоўных тут вылучана праблема антычнага рабства і класавай барацьбы.

Указальнік прадстаўляе 28 біябібліяграфічных нарысаў вучоных з персаналіямі і анатыраваным спісам іх прац. Выдзелены найбольш важныя працы, якія маюць вартасць для студэнтаў і аспірантаў. Трэба дадаць і тое, што імяны і прадметна-геаграфічны ўказальнік аблягчае карыстанне дапаможнікам. Есць і спіс скарачэнняў. Заслугоўваюць увагі пытанні для самаправеркі, якія змешчаны пасля грунтоўных вывадаў, а таксама спіс неабходнай літаратуры ў канцы дапаможніка.

Разам з тым хацелася б выказаць некаторыя пажаданні аўтару і заўвагі. Гаворачы аб даследаванні чэхаславацкімі вучонымі гісторыі Старажытнага Рыму, І. А. Лісавы неабгрунтавана каратка адлюстравалі царскі і рэспубліканскі перыяды, расцягнуў асвятленне пытання аб узаемасувязях чэшскіх і славацкіх зямель з Рымам. У біябібліяграфічным указальніку пажадана было б даць нарысы аб вучоных В. Ондраўсе і О. Пелікане. Уяўляецца мэтазгодным уключыць самастойным параграфам інфармацыю аб перыёдыцы і дапаможніках для вышэйшых навучальных устаноў па гісторыі і культуры антычнага свету.

Аднак усё гэта не зніжае навуковых вартацей рэцэнзуемых дапаможнікаў І. А. Лісавага, якія з'яўляюцца значным укладам у гістарыяграфію антычнасці. Яны будуць каштоўнай падтрымкай для аспірантаў і студэнтаў спецыяльных курсаў па гістарыяграфіі, а для апошніх — пры выкананні імі курсавых і дыпломных прац.

В. І. Ханкевіч,
К. А. Равяка

В. М. Семенов. **Правоохранительные органы в СССР**: Учебник. М.: Юридическая литература, 1990. 398 с.

Выход в свет первого учебника по курсу «Правоохранительные органы в СССР» следует приветствовать. Изданные в доперестроечные годы учебники по дисциплине «Суд и правосудие в СССР» (так именовался этот курс до 1988 г.) безнадежно устарели, поскольку не отражали происшедших в стране перемен и не отвечали требованиям новой программы, утвержденной Президиумом Всесоюзного Совета по юридическому образованию в апреле того же года.

Новый учебник выполнен квалифицированно, с учетом решений XIX Всесоюзной конференции КПСС, XXVIII съезда партии, новых законов и материалов Первого съезда народных депутатов СССР и сессий Верховного Совета СССР. Автор дает общую характеристику отдельных институтов и положений Закона СССР «О статусе судей в СССР» и Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве, принятых в 1989 г. парламентом страны. При этом особое внимание уделяется новеллам этих нормативных актов: дополнительным гарантиям судейской независимости, правам и обязанностям судей и народных заседателей, конференциям судей и квалификационным коллегиям, квалификационным классам.

Доходчиво и с надлежащей полнотой раскрыты общие вопросы курса (роль правоохранительных органов в условиях перестройки, понятия о правоохранительном органе и органе юстиции, правоохранительной деятельности и формах ее осуществления). Используя свой многолетний опыт преподавания данной дисциплины, автор делает акцент на вопросах, усвоение которых вызывает у студентов определенные затруднения или не отличается необходимой четкостью (понятие о судебных инстанциях и звеньях судебной системы, судебном надзоре и организационном обеспечении деятельности судов).

Все сказанное позволяет надеяться, что учебник окажет существенную помощь студентам и преподавателям в овладении учебным материалом и преподавании данного курса соответственно.

Вместе с тем учебник вызывает ряд замечаний как частного, так и общего характера.

Оставим в стороне неточности, обусловленные принятием в последующем новых законодательных актов (учебник подготовлен по состоянию на 1 декабря 1989 г.). Но автором не учтены и те изменения, которые внесены законами, принятыми до указанного времени. Так, на с. 28, 83—84 говорится о праве граждан обжаловать в суд неправомерные действия должностных лиц. Между тем, как известно, 2 ноября 1989 г. принят закон СССР, которым предусмотрено возможность гражданам об-

жаловать в суд также действия коллегияльных органов государственного управления, ущемляющих их права (Ведомости съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1989. № 22). На с. 174, 176 и 177 утверждается, что в Верховном суде БССР нет подразделения. Однако это структурное подразделение в высшем судебном органе нашей республики функционирует уже с ноября 1989 г. (См.: СЗ БССР. 1989. № 35. Ст. 389). При рассмотрении вопроса о порядке выборов Председателя Верховного суда СССР (с. 198) не указано, что он утверждается Съездом народных депутатов Союза ССР.

К сожалению, весьма бегло освещен вопрос о роли судебной инстанции в возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам (с. 99). Автор ограничился лишь категорическим утверждением (к тому же в скобке), что этот вид судебной деятельности изучается в курсах уголовного и гражданского судопроизводства. Между тем этот непростой и важный вопрос решается в нашей литературе неоднозначно, хотя имеются все основания для его положительного решения. Судебные инстанции по возобновлению дел по вновь открывшимся обстоятельствам эффективно исправляют судебные ошибки. Ими проделана огромная работа по реабилитации необоснованно репрессированных в годы культа личности.

Ничего не говорится в учебнике о Союзе юристов СССР и союзных республик, о Союзе адвокатов СССР, их организации и задачах.

В заключение нужно подчеркнуть, что в наше стремительное, полное радикальных перемен время учебник, не успев дойти до читателя, уже нуждается в доработке, в первую очередь, по темам и проблемам, связанным с изменениями статьи 6 Конституции СССР и переходу к политическому плюрализму, процессом обновления в странах Восточной Европы, утверждением в стране общечеловеческих ценностей и принципов. Короче говоря, настало время деидеологизировать наши учебники по специальным юридическим дисциплинам, в том числе и по данному курсу, избавиться от одностороннего, классового подхода к изложению учебного материала, освещения истории развития правоохранительной системы. Внимание будущих юристов должно быть сфокусировано на служении закону, охране прав и свобод личности — главной ценности правового государства.

И. И. Мартинюк

Советское семейное право / Под ред. проф. В. Ф. Чигира. Мн.: Университетское. 1989. 240 с.

Коллектив кафедры гражданского права БГУ подготовил нужное учебное пособие по советскому семейному праву. Подобное пособие тем более не-

обходимо, что в последнее время не было учебников или учебных пособий по этому курсу.

Рецензируемое пособие написано в соответствии с программой и раскрывает основные разделы и темы советского семейного права. Кроме того, в нем дается список рекомендуемой литературы и перечень нормативных актов и постановлений пленумов Верховных судов СССР, БССР, и РСФСР, анализируется законодательство и практика его применения не только в Белоруссии, но и в других республиках, что делает пособие полезным читателям всего Советского Союза.

Авторы исходят из правильного положения о самостоятельности советского семейного права как отрасли, развивая и дополняя доводы в пользу этой точки зрения. Такая самостоятельность семейного права «исключает правовое регулирование внутрисемейных отношений нормами других отраслей права» (С. 15). Следует согласиться с утверждением, что от семейного права как отрасли права необходимо отличать семейное законодательство как отрасль законодательства. Убедительны рассуждения о соотношении правового и морального регулирования семейных отношений.

Структура учебного пособия позволяет студентам последовательно усваивать основные положения советского семейного права: от определения его сущности, принципов и значения в правовом регулировании общественных отношений до более или менее детального анализа институтов и норм этой отрасли права. Кроме того, авторы предлагают очерк становления и развития советского семейного права, в том числе историю семейного права Белорусской ССР. Полезными являются параграфы, содержащие характеристику семейного права и законодательства зарубежных стран.

К сожалению, нельзя не отметить и некоторые просчеты коллектива авторов в распределении материала. Например, вряд ли оправдано включение положений о семейном законодательстве (источниках семейного права) в главу об истории семейного права, особенно параграф о действии норм семейного права во времени, пространстве и по кругу лиц.

При анализе последствий нарушения семейных прав перечисляются санкции, которые применяются к правонарушителям, однако ничего не говорится о характере этих санкций. Можно ли говорить в этом случае об ответственности, о наличии охранительных правоотношений вообще? В работе на эти вопросы ответа не дано. Трудно согласиться с утверждением о том, что «алиментное обязательство родителей в отношении детей возникает в силу закона» (С. 163). Основаниями возникновения правоотношений являются юридические факты (или составы). Алиментное правоотношение возникает в силу наличия родственных отноше-

ний (происхождение детей), неоказания помощи со стороны обязанного родителя. Впрочем, на эти обстоятельства указывает и автор при анализе других алиментных правоотношений (С. 184, 186). Некоторые разделы пособия отличаются излишней описательностью. Авторы порой только называют нормативные акты. В первую очередь это относится к разделам об истории семейного права и зарубежном семейном праве и законодательстве. Не хватает

сравнительного анализа соответствующих норм с ныне действующими нормами советского семейного права, оценки соответствующих актов и норм в целях использования их для совершенствования советского семейного законодательства.

Названные замечания носят частный характер и не могут оказать влияния на общую положительную оценку работы белорусских ученых.

В. А. Носов